

Е. Л. БЕСПРОЗВАННЫХ

ПРИАМУРЬЕ

В СИСТЕМЕ

РУССКО-

КИТАЙСКИХ

ОТНОШЕНИИ

Е. Л. БЕСПРОЗВАННЫХ

ПРИАМУРЬЕ
В СИСТЕМЕ
РУССКО-
КИТАЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

XVII-
СЕРЕДИНА
XIX в.

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ББК 66.3(2)

Б 53

Ответственный редактор *В. С. Мясников*

Беспрозованных Е. Л.

Б 53 Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII — середина XIX в. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. — 336 с. (Дальневосточная историческая библиотека).

Книга посвящена одному из ключевых вопросов русско-китайских отношений XVII — середины XIX в. — вопросу о Приамурье. В ней подробно рассматривается статус Приамурья со времени создания в этом крае первых русских поселений, излагается захватническая политика маньчжурской монархии и анализируется деятельность русских дипломатов, направленная на восстановление прав русского народа на приамурские земли.

Б $\frac{050600000-71}{M160(03)-86}$ 86

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983
© Приложения, оформление, Хабаровское книжное издательство, 1986

Введение

В настоящей работе исследуются взаимоотношения России и цинского Китая в XVII — середине XIX в. в плане влияния на эти отношения вопроса о Приамурье. В книге делается попытка проследить не только ход исторических событий, связанных с постепенным изменением ситуации в Приамурье, но и логическую связь между борьбой России за решение амурского вопроса в XVII в. и его окончательным урегулированием в XIX в.

Выяснение роли Приамурья в отношениях двух крупнейших дальневосточных держав представляет большой научный интерес. С Приамурьем самым непосредственным образом связаны такие важнейшие события в истории двух соседних стран, как вооруженный конфликт на Дальнем Востоке во второй половине XVII в., заключение первого русско-китайского договора в 1689 г. (который для Китая явился к тому же первым договором с европейской державой за всю его историю), подписание договора и соглашений в XVIII в., которые явились крупными вехами на пути развития политических и экономических отношений двух стран, и, наконец, заключение ряда русско-китайских договоров в середине XIX в., поставивших развитие связей между Россией и цинским Китаем на новую, более прочную основу.

Вопрос об Амуре и Приамурье, более полутора веков осложнявший и тормозивший развитие дружествен-

ных и добрососедских отношений между Россией и Китаем, возник в результате агрессивных действий правителей цинского Китая против русских поселений в Приамурье и последующего заключения договора 1689 г., по которому Россия была вынуждена временно оставить приамурские земли — территорию, давно уже хозяйственно освоенную русскими людьми и официально включенную в состав Русского государства. Это означало, что от России были насильственно отторгнуты принадлежавшие ей богатые земли; кроме того, новая ситуация в Приамурье создавала непреодолимые трудности для плавания русских судов по Амуру, вследствие чего Россия теряла наиболее короткий, удобный и выгодный выход в Тихий океан, а русские дальневосточные владения оказались как бы отрезанными от остальных районов страны. Если до конца XVIII в. вопрос о Приамурье может рассматриваться в основном в плане экономическом, то начиная с 80-х годов XVIII в. он приобретает и политическую окраску.

Борьба между Россией и цинским Китаем за решение амурского вопроса имела длительный характер, что было обусловлено рядом экономических и политических факторов, и закончилась в 1860 г. подписанием Пекинского договора, по которому русский народ восстановил свои исторические права на Приамурье.

Изменение статуса Приамурья к 1860 г. явилось, по сути дела, заключительным этапом в длительном и сложном процессе формирования дальневосточного участка русско-китайской границы. История формирования русско-китайской границы на Дальнем Востоке в настоящее время, как известно, усиленно фальсифицируется западной буржуазной и китайской националистической историографией. Потому исследование вопроса о Приамурье, форм и методов борьбы русского правительства за решение этого вопроса имеет целью и ра-

зоблачение антинаучных построений псевдоисториков, выполняющих соответствующий социально-политический заказ.

В монографии анализируется влияние международной обстановки на Дальнем Востоке и в Центральной Азии на отношения России и Китая, рассматриваются основные направления русской политики на Дальнем Востоке и позиция цинского правительства в отношении Приамурья.

Исследование указанных проблем основывается на анализе русских и китайских источников.

Среди опубликованных в дореволюционное время документов наибольший интерес представляют указы и распоряжения правительства России, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи». Это издание предоставляет исследователю массу ценнейшего фактического материала. Помещенные в нем указы свидетельствуют о стремлении русского правительства твердо соблюдать условия Нерчинского договора [61, т. 3, с. 237—252]; в них содержатся сведения об организации исследовательских экспедиций на Дальнем Востоке [61, т. 7, с. 413, т. 8, с. 523—524, 749, 774—775], освещаются русско-китайские дипломатические связи [61, т. 7, с. 723—724, 840—841, 887—890].

Если документы, вошедшие в «Полное собрание законов Российской империи», выражают официальную точку зрения или решение правительства в последней инстанции, то материалы «Архива Государственного Совета» и «Сенатского архива» позволяют проследить механизм принятия этих решений. Так, «Архив Государственного Совета» содержит не только изложение позиции правительства в связи с появлением в русских дальневосточных водах иностранных промысловых и военных судов, но и сообщения местной администрации по этому поводу [20, с. 666—668]; материалы «Сенатского архива», посвященные подготовке Нерчинской

экспедиции, содержат немало ценных подробностей и сообщений организаторов данной экспедиции [74, т. 9, с. 102—105, 207—217, т. 10, с. 595, т. 11, с. 99—100, 438—480].

Издание материалов, касавшихся того или иного аспекта вопроса об Амуре, началось во второй четверти XIX в. В 1842 г. был опубликован доклад русского посла С. Л. Владиславича-Рагузинского, подписавшего Кяхтинский договор 1727 г., содержащий ценные сведения об Амуре, перспективах его использования для морской торговли с Китаем и невыгодности для России военного решения амурского вопроса [26]. Фрагменты доклада были переизданы в 1882 и 1900 гг. [104; 27]. Во второй половине XIX в. были опубликованы проекты государственных деятелей предшествовавшего столетия, предлагавших русскому правительству различные способы решения вопроса о Приамурье [46; 47; 55; 82].

В 60—80-х годах XIX в. вышли в свет документы, относившиеся к периоду десятилетней конфронтации между Россией и цинским Китаем в XVIII в. [57; 73; 79], а в начале XX в. — материалы, освещающие две безуспешные попытки правительства России добиться смягчения жесткой позиции Пекина в амурском вопросе [34; 51].

Начиная с первой половины XIX в. издавались материалы историко-географического характера, позволяющие выявить зависимость между исследованием и хозяйственным освоением дальневосточных территорий России и обострением вопроса о Приамурье [49; 56; 30].

После Великой Октябрьской социалистической революции, в 40-х годах, в научный оборот был введен комплекс архивных материалов историко-географического характера, позволяющих проследить рост хозяйственной потребности в амурском водном пути в период прове-

дения крупных исследовательских экспедиций на Дальнем Востоке в XVIII — начале XIX в. [66; 67; 81].

В конце 50-х годов были переизданы архивные документы на русском языке, первоначально изданные в Китае в 1936 г. [35], а также опубликованы договоры и соглашения между Россией и Китаем, заключенные в течение 1689—1916 гг. [68].

Ряд интересных материалов содержит издаваемая с начала 60-х годов серия «Внешняя политика России XIX и начала XX века». В этой серии опубликованы документы, отражающие влияние торгово-промышленных кругов России на правительство в связи со стремлением использовать Амур в интересах внешней торговли, документы о подготовке и проведении посольств Ю. А. Головкина и Н. П. Резанова и др. [28].

Крупнейшим событием в изучении истории русско-китайских отношений в целом и вопроса о Приамурье в частности явилось издание двухтомника «Русско-китайские отношения в XVII веке» и первого тома «Русско-китайские отношения в XVIII веке» [69; 70; 71]. Впервые осуществлено опубликование столь большого количества архивных русских и китайских материалов, дающих полное представление о начальном этапе отношений между двумя государствами, об основных принципах внешней политики русского и цинского правительств, о политических, экономических и культурных контактах между двумя великими народами, иногда прерывавшихся из-за проведения цинским двором великодержавной и захватнической политики. Несомненным достоинством этой серии является наличие в каждом томе вводной статьи и археографического введения, анализирующих основные элементы рассматриваемого периода русско-китайских отношений.

Документы, вошедшие в каждый из томов, являются незаменимым источником для исследования предпосылок возникновения и начального этапа существования

вопроса о Приамурье. Они позволяют проследить наиболее существенные моменты маньчжурской экспансии на Амуре, героическую защиту Приамурья русскими людьми, всю сложность положения русских представителей на Нерчинских переговорах, закончившихся подписанием невыгодного для русских и навязанного им под угрозой применения военной силы договора 1689 г. Важное значение для понимания вопроса об Амуре имеет сравнительный анализ русских и цинских документов (опубликованных в виде приложения к данным сборникам документов), позволяющий обнаружить намеренную фальсификацию исторических событий, осуществлявшуюся цинскими историографами.

В 1979 г. был издан сборник документов, посвященных исследованию и освоению Дальнего Востока русскими людьми [64]. Документы и материалы данного сборника, освещая в той или иной степени дальневосточную политику России, являются серьезным подспорьем при изучении различных аспектов русско-японских и русско-китайских отношений, в том числе и вопроса о Приамурье.

Значительный интерес для исследователя данной темы представляет перевод китайского источника «Цзинь тунчжи» (Описание земель Гирина), опубликованный в 1903 г. А. В. Рудаковым [63]. Документы, вошедшие в это издание, дают возможность проследить основные этапы той серьезной подготовки к предстоящей агрессивной войне в Приамурье, которая осуществлялась цинской администрацией в Маньчжурии (подготовка военных судов, обучение личного состава, накопление продовольствия и оружия и т. п.).

Важным источником для изучения вопроса о Приамурье является публикация официальных цинских документов, осуществленная в 1966 г. Фу Лошу. В публикацию вошли материалы из хроники «Да Цин личао шилу» («Хроника правления всех императоров вели-

кой династии Цин») и ряда других документальных источников [88]. Документы освещают позицию цинского двора, его реакцию на попытки России решить вопрос дипломатическим путем и т. п. Следует отметить, что авторские комментарии, помещенные во втором томе публикации, не всегда точны и объективны (см., например, [88, с. 551]).

* * *

Первым исследователем вопроса о Приамурье был Г. Ф. Миллер, опубликовавший в 1757 г. две работы, посвященные русско-китайскому разграничению на Дальнем Востоке. В «Истории о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением» Миллер излагал историю хозяйственного освоения русскими Приамурья, освещал ход военных действий между русскими и маньчжурами на Амуре, закончившихся подписанием Нерчинского договора 1689 г. Миллер пришел к выводу, что «тамошняя страна прежде китайского владения принадлежала до Российского государства, что россияне несправедливым образом перемогающею силою неприятелей из оной выгнаны и что еще несправедливее насильственным мирным заключением при Нерчинске она за китайцами осталась» [190, с. 328]. В другой работе — «Изъяснение сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года» Миллер указывает на серьезное несовершенство договора как правового документа: на неаутентичность текстов Нерчинского договора, на неопределенность географических ориентиров; он считает, что «Каменные горы» не только не являются, но и не могут являться границей между Россией и Китаем, поскольку «как бы ни определить границы по горам, то всегда останутся причины к сомнениям, жалобам и спорам,

особливо в стране, которая за дикостью своею и за дальностию описана быть не может. Того ради гораздо бы полезнее было назначить к разграничению реки, как учинено при реке Аргуни. К сему наиболее способна сама река Амур» [189, с. 321].

В 1796 г. было опубликовано «Описание лежащих на р. Амуре областей» [52], на основе которого в 1824 г. издатель «Сибирского вестника» Г. Спасский написал «Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре». Спасский указывал, что «вся река Амур, от вершин до устья, обладаема была россиянами прежде, нежели китайцы предприняли распространить до оной свои владения» [29, с. 175]. В работе подробно описаны первая и вторая осада Албазина, попытки русского правительства уладить конфликт на Амуре дипломатическими средствами, ход Нерчинских переговоров и военный шантаж, примененный цинскими послами. Записки содержат ряд документальных материалов, в частности тексты русско-китайских договоров и соглашений (1689, 1727 и 1768 гг.).

Кроме работ Миллера и Спасского, до середины XIX в. вопрос об Амуре в литературе специально не освещался, хотя отдельные его аспекты и рассматривались в работах русских путешественников, побывавших в Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, Г. Сарычева, Ф. Шемелина, М. Геденштрома [72; 80; 133]. Авторы этих работ подчеркивали, что Приамурье было оставлено русскими лишь в результате военного перевеса Цинов, и единодушно предсказывали экономическую неизбежность воссоединения Приамурья и Приморья с Россией.

В историко-географических исследованиях В. Н. Берха, А. С. Сгибнева и А. Соколова, рассматривающих историю географического изучения русскими людьми Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVIII в., отмечено, что временное оставление Россией Приамурья

обусловило трудности, которые испытывала Россия, прокладывая сухопутные дороги к побережью Тихого океана, затруднило строительство удобных портов для базирования русских судов и т. п. [112; 113; 221; 225; 239; 240].

В 1859 г. была опубликована работа Д. Романова, основанная главным образом на архивных документах и материалах Амурской экспедиции Г. И. Невельского. В книге дан подробный очерк истории исследования и заселения Приамурья русскими людьми, их героической борьбы с превосходящими силами Цинов, заключения договора 1689 г. Менее подробно освещено положение в Приамурье в XVIII в.; большое внимание автор уделяет борьбе России за возвращение Амура в середине XIX в. (экспедициям Н. Х. Ахте и Г. И. Невельского, сплавам по Амуру, дипломатической деятельности Н. Н. Муравьева) [217]. Работа Д. Романова явилась значительным шагом вперед в изучении амурского вопроса по сравнению с работой Г. Спасского.

Крупным вкладом в изучение положения в Приамурье явился капитальный труд географа и путешественника А. Ф. Миддендорфа, опубликованный в 1878 г. Миддендорф, побывавший в Приамурье в 1844—1845 гг., не только уточнил имевшиеся представления о географии этого района, но и показал, основываясь на личных наблюдениях и материалах сибирских архивов, непрерывность процесса оседания русских подданных в Приамурье, что, по мнению автора, было вызвано фактической неустановленностью русско-китайской границы на ее дальневосточном участке [188]. Эти выводы А. Ф. Миддендорфа позднее получили подтверждение в работах Л. И. Шренка, Ф. Шперка и Г. Е. Грум-Гржимайло [140; 255; 256].

В 1878 г. была впервые опубликована книга Г. И. Невельского, содержащая очерк истории Приамурья со времени заселения его русскими и до русско-китайских

договоров середины XIX в. Основное внимание автор уделяет описанию деятельности Амурской экспедиции, главой которой он являлся. Ценность книги определяется не только скрупулезным изложением действий, предпринятых русскими патриотами для воссоединения Приамурья с Россией, но и показом мирного характера этого сложного и трудного процесса [50].

В том же году вышли в свет два очерка П. В. Шумахера, касающиеся амурского вопроса на последнем этапе его существования. В очерке «К истории приобретения Амура» автор в основном рассматривает дипломатические аспекты борьбы русского правительства за возвращение Приамурья, главным образом деятельность Н. Н. Муравьева [257]. Во втором очерке, описывающем ход военных действий на Дальнем Востоке в период Крымской войны, подчеркивается своевременность и целесообразность практических мер, предпринятых Н. Н. Муравьевым для укрепления обороноспособности русского Дальнего Востока (приводятся описания военных постов на побережье, сплавов войск по Амуру) [258].

Помимо работ, специально посвященных истории возникновения вопроса о Приамурье, отдельные аспекты данной темы получили освещение в исследованиях по истории русско-китайских отношений в XVII — середине XIX в.

В 1882 г. были опубликованы книги Н. Н. Бантыш-Каменского и Х. Трусевича, рассматривающие процесс установления и развития дипломатических и экономических отношений России и цинского Китая до конца XVIII — начала XIX в. [104; 246]. Обе книги построены на русских архивных документах и содержат большое количество материалов, относящихся к амурскому вопросу. Бантыш-Каменский и Трусевич отмечали насильственный характер Нерчинского договора, неопределенность русско-китайской границы в Приамурье и,

как следствие этого, периодически возникавшие трения в отношениях между двумя странами. Оба автора сообщали об усилении интереса русского правительства к Амуру со второй половины XVIII в. и дипломатических акциях, предпринятых в этом направлении.

В 1891 г. была опубликована двухтомная работа И. П. Барсукова, описывающая жизнь и деятельность одного из активнейших сторонников возвращения Амура России — генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева [23]. В работе содержатся ценнейшие документы, касающиеся политики России на Дальнем Востоке в 40—50-х годах XIX в., дается картина неустанной борьбы Муравьева с консервативными деятелями царского правительства, не понимавшими или не желавшими понимать жизненно важное значение для России Приамурья как в плане оборонном, так и в плане экономическом. Работа Барсукова нередко расценивается как панегирик Муравьеву, являвшемуся, естественно, выразителем интересов своего класса; однако следует отметить, что оценка Барсуковым деятельности Муравьева по воссоединению Приамурья с Россией как имевшей прогрессивное значение и соответствовавшей национальным интересам не может вызвать никаких возражений.

Определенное значение для понимания позиции русского правительства в отношении Амура в начале XIX в. имеют специальные исследования, анализирующие ход посольств Ю. А. Головкина и Н. П. Резанова (оба в 1805 г.). Их авторы, не ставя своей целью выявить зависимость между обострением вопроса о Приамурье и активизацией русской политики на Дальнем Востоке, тем не менее не могли не отметить существования такой связи [108; 124; 130; 131].

Исторический очерк Г. Тимченко-Рубана, опубликованный в 1909 г. и посвященный истории освоения русскими Приамурья в XVII в., его временного оставления

и воссоединения с Россией в XIX в., явился как бы итогом изучения вопроса о Приамурье в дореволюционной русской историографии, поскольку автор широко использовал материалы и аргументацию предшествовавших исследователей [242].

Поле выхода в свет книги Г. Тимченко-Рубана в рассмотрении проблемы Амура появляется тенденция к чрезмерной описательности, популяризации, а зачастую возникают ошибки фактического характера [137; 150].

* * *

Становление советской исторической науки сопровождалось борьбой с концепциями истории внешней политики России, созданными представителями дворянской и буржуазной историографии. Советские историки создали новые, критические по отношению к политике царизма построения и гипотезы. Этот чрезвычайно сложный и трудный процесс не мог не сопровождаться отдельными ошибками, игнорированием положительных оценок, выработанных дореволюционными русскими историками: так, в работах В. П. Саввина, К. Харнского, С. В. Бахрушина вся история русско-китайских отношений рассматривалась лишь как проявление агрессивных устремлений царизма, что, конечно, не выдерживает научной критики [109; 219; 249]. Однако и в эти годы появляются работы, в которых обосновывается необходимость конкретно-исторического, дифференцированного подхода к рассмотрению отношений России и Китая на разных исторических этапах. Такова, например, работа Б. Г. Курца, изданная в 1929 г. в Харькове [169].

40—50-е годы для советской исторической науки характерны серьезным пересмотром многих оценок основных моментов в истории нашей Родины, в том числе и в истории русско-китайских отношений. Если в рабо-

тах 20—30-х годов политика России на Дальнем Востоке в конце XVIII — начале XIX в. нередко трактовалась как экспансионистская [205], то благодаря исследованиям А. Л. Нарочницкого, Е. В. Бунакова, М. И. Сладковского эта ошибочная точка зрения была опровергнута: было доказано, что стремление России к экономическому развитию русского Дальнего Востока и установлению прочных границ в период, когда капитализм в России только начал развиваться, не имело ничего общего с колониальной экспансией развитых капиталистических держав Запада в Китае [122; 198; 234].

В 1958 г. была издана монография П. Т. Яковлевой, посвященная борьбе русских поселенцев на Амуре против агрессии цинских войск во второй половине XVII в., закончившейся подписанием Нерчинского договора. Яковлева широко использовала русские архивные документы и публикации документов, что позволило воссоздать убедительную картину ранних русско-китайских отношений, подробно рассмотреть условия, в которых происходили Нерчинские переговоры. Автор отмечает, что Нерчинский договор «не установил определенной границы между Россией и Китаем и не разрешил пограничный вопрос даже на Амуре, он только сгладил те конфликты, которые возникли на Амуре в 80-е годы XVII в. и мешали установлению дипломатических и торговых отношений между двумя большими государствами, которые стали соседями» [262, с. 195].

Крупным шагом в изучении истории возникновения, существования и разрешения вопроса о Приамурье явилась работа П. И. Кабанова «Амурский вопрос», опубликованная в 1959 г. Используя архивные материалы, публикации и литературу, Кабанов не только изложил историю взаимоотношений двух государств на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. (что было сделано в той или иной степени его предшественниками), но и отметил по-

стоянный интерес русской общественности и правительства России к Амуру, необходимость использования Амура в качестве транспортной артерии для хозяйственного развития Восточной Сибири. Наиболее полно и подробно освещена П. И. Кабановым борьба русских людей за воссоединение Приамурья с Россией в первой половине XIX в.; события же предшествующего периода, особенно состояние проблемы Амура в XVIII в., исследованы автором гораздо слабее [164]. За два с половиной десятилетия, прошедшие после издания книги П. И. Кабанова, в научный оборот был введен ряд документов и материалов, позволяющих более глубоко и всесторонне исследовать вопрос о Приамурье в XVII—XIX вв. Например, работы А. Л. Нарочницкого и других подтвердили правильность вывода К. Маркса о том, что отношения Цинской империи с Россией имели особый характер по сравнению со связями Китая с капиталистическими державами Запада [3, с. 157—158].

В 60—70-е годы отдельные стороны вопроса об Амуре затрагивались советскими исследователями в работах, посвященных различным этапам истории русско-китайских отношений или истории цинского Китая, а также развитию географической мысли России [101; 136; 180; 200; 235; 243].

В 1969 г. вышла в свет книга В. А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)», в которой подробно рассматривается процесс заселения и хозяйственного освоения русскими людьми Приамурья. Опираясь на русские архивные документы, автор рисует картину героической борьбы малочисленного и плохо вооруженного мирного русского населения Приамурья против превосходящих маньчжуро-китайских сил.

Автор большое место отводит рассмотрению хода Нерчинских переговоров, убедительно показывая вынужденность и невыгодность для России договора

1689 г.; по его мнению, Нерчинский договор был только первым этапом в длительном процессе урегулирования взаимоотношений между Россией и Китаем [95, с. 203].

Экспансии Цинов на Северо-Востоке посвящена монография Г. В. Мелихова, которая как бы подводит итог многолетним исследованиям автора в данной области [181; 182; 183]. Основываясь на цинских исторических источниках, Г. В. Мелихов определяет площадь расселения маньчжурских племен до захвата маньчжурами Китая и доказывает, что территории Приамурья и Приморья никогда не входили в сферу влияния маньчжурских правителей. Рассматривая военный конфликт в Приамурье в XVII в., Г. В. Мелихов приходит к совершенно правильному и научно аргументированному выводу о том, что действия цинских правителей «нельзя иначе оценить, как территориальную экспансию и агрессию» [184, с. 195].

В 1977 г. опубликована коллективная монография «Внешняя политика государства Цин в XVII веке», в которой ряд советских востоковедов рассматривают агрессивную политику цинских правителей по отношению к соседним странам (Корею, Монголию, Вьетнам, Россию и др.). Важным и интересным, на наш взгляд, является тот раздел книги, в котором крупный советский востоковед Л. И. Думан излагает основные принципы внешней политики империи Цин в XVII в. Он справедливо подчеркивает, что основой цинской политики была традиционная китаецентристская концепция «Китай — варвары», которая позволяла правителям Китая рассматривать любой народ и любое государство как нуждавшихся в «опеке» Китая. Л. И. Думан отмечает наличие в дипломатическом арсенале Цинов таких методов, которые можно условно назвать «психологической войной» (обман, фальсификация истории, внесение раскола в лагерь противника и т. п.). Именно таких принципов

придерживалась в XVII в. цинская дипломатия в отношении России [129, с. 50].

Проблеме русско-китайских отношений посвящена значительная часть книги Б. П. Гуревича, изданной в 1979 г. [143]. Хотя автор не ставит своей целью рассмотрение ситуации в Приамурье, тем не менее произведенный им анализ центральноазиатской политики России и Китая является весьма важным, поскольку позволяет точнее оценить те или иные акции двух держав на Дальнем Востоке. Связь же амурских событий с событиями в Центральной Азии несомненна, хотя она не всегда прослеживается столь четко, как, например, в период 60-х годов XVIII в.

В 1980 г. опубликована книга В. С. Мясникова «Империя Цин и Русское государство в XVII веке». В монографии, написанной на основе русских, маньчжурских и китайских архивных документов и публикаций, впервые в отечественном востоковедении дается обстоятельный анализ русско-китайских дипломатических отношений, показывается противоположность двух дипломатических стереотипов — русского, основанного на принципах международного права, и китайского, базировавшегося на пресловутой концепции «Китай — варвары». Несомненным достоинством книги является оценка В. С. Мясниковым цинской дипломатии как дипломатии стратагемной, т. е. широко применяющей приемы и методы китайского военного искусства [195, с. 50—51]. Эта особенность цинской дипломатии, практиковавшей такие чисто военные акции, как военные хитрости, обман противника, угроза нападения и т. п., а также слабость Русского государства на Дальнем Востоке позволили цинскому правительству отторгнуть часть русских владений и удерживать их в течение полутора веков. По мнению В. С. Мясникова, обстоятельства, при которых произошло первое русско-китайское разграничение на Дальнем Востоке в 1689 г., свидетельствуют

о том, что «договор (Нерчинский. — Е. Б.) следует считать насильственным, т. е. заключенным под угрозой применения силы» [195, с. 259]. Этот вывод, на наш взгляд, имеет очень важное значение, поскольку последующие действия России в немалой степени определялись желанием заменить договор 1689 г. равносторонним и взаимовыгодным соглашением между двумя соседними державами. В целом труд В. С. Мясникова «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» является крупным шагом вперед в плане изучения ранних русско-китайских отношений.

Основные моменты истории русско-китайских отношений в XVII—XIX вв. рассмотрены в статье В. С. Мясникова и Н. В. Шепелевой, вошедшей в сборник «Китай и соседи в новое и новейшее время». Статья характеризуется комплексным подходом к анализу отношений двух стран, тесной увязкой политических и экономических вопросов, стоявших в то время перед правительствами России и Китая [196].

В 1982 г. вышел в свет сборник статей, посвященный опровержению фальсификации истории русско-китайских отношений в современной китайской историографии. Наиболее интересными, в плане исследования вопроса об Амуре в XVII — середине XIX в., являются статьи Г. В. Мелихова, продолжающего и углубляющего разработку темы о неправомерности претензий маньчжурских и китайских правителей на земли Приамурья и Приморья [186; 187].

Таким образом, отдельные аспекты данной темы получили определенное освещение в трудах советских востоковедов; вместе с тем следует отметить, что указанная тема не рассматривалась в целом и в хронологической последовательности, а лишь входила в качестве составной части в то или иное исследование. Исключением является лишь книга П. И. Кабанова, но и эта ценная работа не свободна от некоторых недостатков.

В зарубежной исторической литературе вопрос об Амуре впервые был исследован в работе епископа В. Коукса, опубликованной в Лондоне в 1780 г. Он считал, что Россия, подписав невыгодный Нерчинский договор, получила взамен регулярную и постоянную торговлю с Китаем. Но если установление русско-китайской торговли и могло, по его мнению, в некоторой степени компенсировать потерю большой территории, то невозможность использования Амура не восполнялась ничем, хотя это обстоятельство и было понято лишь после великих русских географических открытий на Дальнем Востоке [85, с. 201—202].

Аналогичных взглядов придерживались иностранные путешественники, побывавшие в Сибири в тот период, когда вопрос о Приамурье еще не получил своего окончательного разрешения в середине XIX в. [83; 86; 87; 91]. Среди них были и «незванные гости» — авантюристы и шпионы вроде Дж. Ледьярда и С. Хилла, арестованные и высланные русским правительством; но их мнения по вопросу об Амуре в целом совпадали. Так, С. Хилл отмечал, что по условиям Нерчинского договора 1689 г. «русские теряли все эти пространные земли и эту великую реку, благодаря которой земли стали плодородными и ценность которой они забыли или не учли. Но в то же время была заложена основа для серьезных торговых связей, которые существуют между двумя великими империями и по сей день» [89, с. 44].

Американский бизнесмен П. М. Д. Коллинз, побывавший в 1857 г. на Амуре, в своих письмах государственному секретарю Соединенных Штатов Америки довольно подробно изложил историю русско-китайского погранично-территориального вопроса на Дальнем Востоке, начиная с того времени, когда «китайские послы, эскортируемые многочисленной армией и артиллерией,

появились перед воротами Нерчинска и вынудили русского посла Головина заключить договор, по которому Россия отказалась от своих прав на Амурскую страну и навигацию по амурским водам»; в результате заключения договора Россия должна была везти товары и вывозить обратно пушнину «громадным окольным путем» через Охотск или Аян [84, с. 206—207]. По мнению Коллинза, именно потребностями торговли определялось стремление России вернуться на берега Амура.

Почти одновременно с опубликованием работы П. Коллинза в Лондоне была напечатана книга Е. Г. Равенштейна «Русские на Амуре», в которой давалась искаженная картина русско-китайских отношений: процесс хозяйственного освоения русскими людьми Приамурья в XVII в. и воссоединение Приамурья с Россией в середине XIX в. трактовались как колониальная экспансия России, в то время как агрессивная политика Цинов умышленно затушевывалась [304]. В том же духе была написана книга А. Краузе «Россия в Азии», опубликованная в 1899 г. в Нью-Йорке [290].

Некоторое освещение история русско-китайских отношений вообще и вопрос о Приамурье в частности получили в работах западных авторов, посвященных истории Китая [265; 285; 298]. Как правило, авторы этих работ, опубликованных во второй половине XIX в., исходили из концепций, изложенных Равенштейном; слабое знание ими истории русско-китайских отношений способствовало постоянной путанице в хронологии и изложении фактического материала.

От указанных работ выгодно отличается книга Х. Джеймса «Длинные Белые горы, или Путешествие по Маньчжурии», изданная в 1888 г. в Лондоне. Хотя автор, по его собственным словам, базировался на книге Равенштейна, он все же несколько иначе оценил воссоединение Приамурья с Россией: «Было нетерпимым, что великий континентальный путь — Амур — должен

был оставаться закрытым для торговли, а обширные районы — для заселения только потому, что Китай этому упрямо препятствовал. Если бы китайское правительство намеревалось создать в Амурских районах хотя бы видимость цивилизованного управления, то наши симпатии были бы на его стороне. Но оно проводило ненормальную политику сохранения десятков тысяч квадратных миль в виде пустыни и предотвращало развитие русской цивилизации в Восточной Азии. А Россия, к ее чести, после присоединения потратила большие суммы денег и предприняла широкие усилия для создания процветающих сельскохозяйственных общин и открытия торговли в районах, в которых Китай был, кроме того, лишь номинальным хозяином и от передачи которых он ничего не терял» [90, с. 104—105].

В начале XX в. возрастает интерес зарубежных авторов к истории русско-китайских отношений. Если книга П. Б. Л. Вила является как бы продолжением книги Х. Джеймса и написана в том же духе (автор особо подчеркивает безразличие цинской администрации к положению дел в Приамурье) [309, с. 42—44], то довольно скоро появляются исследования, в которых делаются попытки более глубокого подхода к изучению взаимоотношений России и Китая, причем в научный оборот вовлекаются и русские архивные документы (см. работы Дж. Ф. Бэддли, Г. Каэна [263; 266]).

Г. Каэн, рассматривая дипломатические отношения между Россией и Китаем в тесной связи с торговыми отношениями двух стран, придерживается концепции, согласно которой русская сторона, будучи заинтересованной в развитии русско-китайской торговли, пошла на значительные уступки Цинской империи. К числу таких уступок он относит и оставление Россией Приамурья. В то же время автор отмечает насилие, допущенное цинской стороной на Нерчинских переговорах, неопределенность приамурского участка границы и

стремление Цинов к превращению Приамурья в буферную зону.

В работе Дж. Ф. Бэддли содержится интересный материал по истории ранних русско-китайских связей, приводятся архивные документы. К сожалению, автор не смог выработать собственной точки зрения и повторил измышления Е. Равенштейна об «агрессивности» России на Амуре в XVII и в середине XIX в.

В 20—30-х годах не было создано сколько-нибудь значительных научных работ не только по амурскому вопросу, но и по истории русско-китайских отношений вообще. Книги, относящиеся к данной тематике, имеют либо бесцветно описательный, либо откровенно враждебный СССР характер [289; 296]. Исключением является работа В. А. Яхонтова, опубликованная в Нью-Йорке в 1935 г. Рассмотрев историю русско-китайских отношений на протяжении XVII — середины XIX в., автор приходит к следующим выводам: «Русские проникали на Дальний Восток как пионеры, борясь с природой, а не с людьми, поскольку они шли в земли «безлюдные», и потому не лишали тружеников их земли. Китайское давление во второй половине XVII в. (когда маньчжуры, завоевав Китай, приступили к экспансии) прервало дальнейшее русское продвижение; переговоры между двумя странами закончились подписанием Нерчинского договора 1689 г.» [312, с. 37].

Определенный интерес в плане исследования вопроса о Приамурье представляет двухтомная биографическая энциклопедия, созданная А. В. Гаммелем на основе цинских хроник и публикаций, а также ряда работ китайских и западных историков [287]. Биографии цинских государственных деятелей (например, Бахая, Сабсу и др.) содержат ценный фактический материал, раскрывающий отношение Цинской империи к Приамурью. Разумеется, нельзя не учитывать и возможных искажений исторических событий в цинских хрониках,

практиковавшихся в угоду великодержавным амбициям Цинов.

В конце 40-х годов были опубликованы книги Д. Дж. Даллина и А. К. Ву [271; 311]. В этих творениях, написанных в годы «холодной войны», был использован порочный метод разрыва исторического процесса. Так, в книге А. К. Ву «Китай и Советский Союз» автор, закончив изложение договора 1689 г., сразу же переходит к деятельности Н. Н. Муравьева в середине XIX в., совершенно игнорируя не только борьбу России за разрешение вопроса о Приамурье, но и отношения двух стран за полтора века [311, с. 61].

Той же методики придерживаются В. Чень и Гэн Шэнвэй, считающие принадлежность Приамурья Цинам бесспорным фактом. При этом В. Чень голословно утверждает, что заключение Нерчинского договора происходило «при угрозе силой с обеих сторон» [268, с. 119]. По мнению Гэн Шэнвэя, весь процесс русско-китайского разграничения на Дальнем Востоке явился «не творением необходимости или национальных идеалов» русского народа, а «делом рук нескольких авантюристов», к числу которых он относит Е. П. Хабарова и Н. Н. Муравьева [288, с. 40—41].

На рубеже 60-х и 70-х годов появились работы по истории русско-китайских отношений (Р. К. Квестид, Р. Г. Дж. Ли, К. М. Фоуста, М. Мэнколла). Хотя авторы специально не касались вопроса об Амуре, однако исследователи не могут игнорировать их работы.

Книга Р. Квестид [302], несмотря на хорошее знание автором историографии русско-китайских отношений, дает искаженное представление о взаимоотношениях России и цинского Китая в 50—60-х годах XIX в. Причина подобного явления — неверный методологический подход автора к анализу проблемы, в результате чего предается забвению один из важнейших принципов исторического исследования — принцип историз-

ма. Автор, по сути дела, отбрасывает более чем вековую историю отношений двух стран, когда начинает свою работу с 1792 г. Но правильное истолкование событий середины XIX в. на Дальнем Востоке невозможно без анализа ситуации на Амуре в конце XVII в.

Работа К. М. Фоуста [280], посвященная исключительно русско-китайской торговле в период 1727—1805 гг., написана с использованием русских архивных документов и советской исторической литературы. Рассматривая торговые связи между двумя странами, автор освещает и отдельные попытки русского правительства смягчить остроту амурского вопроса (например, попытку установить морскую торговлю с Китаем в начале XIX в.). Общий вывод автора сводится к признанию того факта, что русско-китайские отношения в рассматриваемый им период имели дружественный характер; все осложнения, возникавшие между двумя странами, в том числе вопрос об Амуре, не имели серьезных последствий только благодаря заинтересованности русской стороны в прочных торговых связях: торговля между двумя странами предотвращала острую военную конфронтацию» [280, с. 4].

Книга Р. Ли посвящена исследованию экономики и системы местного управления в трех провинциях Маньчжурии. Ценность этой работы состоит в широком охвате цинских исторических источников и литературы по истории Маньчжурии, но в этом же и ее слабость, поскольку у автора совершенно отсутствует критический подход к источникам. Ли слепо следует официальным цинским концепциям, хотя многие из них подвергались критическому анализу не только в советской, но и в западной литературе (концепция китаецентризма, вассальной зависимости от Китая всех окружающих его народов и т. п.). Ли пишет о «подданстве» приамурских народов маньчжурам еще до Нерчинского договора, «агрессивности» русских и т. д. [292, с. 4].

Исследование М. Мэнколла «Россия и Китай. Их дипломатические отношения до 1728 г.» написано с привлечением русских архивных документов, что позволило автору прийти к более объективным выводам, чем те, к которым пришли его предшественники. Он подчеркивает дружественный и добрососедский характер русско-китайских отношений после Нерчинского договора. По мнению автора, эти отношения базировались на так называемой договорной системе, т. е. на ряде договоров, которые позволяли двум совершенно различным в культурном и идеологическом отношении странам — конфуцианскому Китаю и христианской России — избегать серьезных конфликтов. Но Мэнколл считает, что обе страны шли в своих отношениях на определенные уступки: Россия пошла на заключение невыгодного Нерчинского договора ради мира и торговли, Цины же согласились на торговые контакты, хотя и презирали по традиции торговлю [299, с. 1—2].

Особую группу составляют книги, имеющие ненаучный и откровенно антисоветский характер: их авторы, стремясь усилить напряженность в советско-китайских отношениях, «обосновывают» претензии китайской стороны на советские территории [269; 274; 275; 308].

Историки цинского Китая, рассматривая историю русско-китайских отношений, в своих работах неизменно исходили из традиционных концепций официальной китайской историографии (концепции несомненного превосходства китайской цивилизации над окружающими «варварскими» народами, вассальной зависимости соседних государств от цинских императоров и т. п.). Вследствие этого цинские историки, наиболее яркими представителями которых являлись Вэй Юань и Хэ Цютао, трактовали цинскую агрессию в Приамурье как «усмирение» русских, а заключение насильственного Нерчинского договора 1689 г. — как акт добровольного примирения враждовавших сторон. Так, в кни-

ге Хэ Цютао «Шофан бэйчэн» («Исследования о северных районах») утверждает, что цинским послам якобы удалось «убедить» на Нерчинских переговорах русскую делегацию в «незаконности» пребывания русских властей и населения в Приамурье. «Сонготу утверждал, — по сообщению Хэ Цютао, — что Онон и, следовательно, Нерчинск — это старинное кочевье подвластного нам племени маоминань, а Албазин — старинное место обитания арбаси, людей нашего государства, незаконно захваченное впоследствии. Все это он подробно объяснил и прямо доказал несправедливость их притязаний; под конец он высказал миролюбивые чувства государя к ним. Тогда Федор и другие бывшие с ним люди изъявили полное свое удовольствие и на все согласились. Вслед за тем принесены были карты их земель, ясно решено дело о границе и дана была взаимная клятва вечного мира и дружбы между двумя государствами» (цит. по [193, с. 45]).

Оценка Нерчинского договора как «равноправного» и «взаимовыгодного» перекочевала и в работы гомиьдановских историков: так, Лю Цзежун в предисловии к публикации архивных документов на русском языке утверждает, говоря о Нерчинском и Кяхтинском договорах, что это были «договоры равноправные, ни для одной из сторон не обидные» [21, с. 6].

Однако некоторые гомиьдановские историки были более откровенны в своих оценках. Например, Хэ Ханьвэнь расценивал Нерчинский договор как «единственный триумфальный договор в истории внешних связей Китая». В своей книге «Чжун э вайцзяо ши» («История сношений Китая с Россией»), изданной в 1934 г. в Шанхае, он утверждал, что в результате военного давления Цинов (факт, который автор не считал нужным скрывать) был заключен договор 1689 г., благодаря которому «агрессивные происки, чинившиеся русскими в течение 50 лет в районе Амура, лопнули как мыль-

ный пузырь», а «Амур — единственный речной путь, связывающий Сибирь с Тихим океаном, оказался полностью блокированным Китаем» (цит. по [193, с. 48]).

Другой гомиьндановский историк, Цзян Тинфу, заявил, что, согласно Нерчинскому договору, «не только три провинции: «Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин — целиком являлись территорией Китая, но и ныне принадлежащая России Амурская область и Приморский край тоже являлись территорией нашей страны» (цит. по [193, с. 48]). Разумеется, ни тщательного анализа Нерчинского договора, ни даже полного текста его китайские националисты своим читателям не предлагали, поскольку в этом случае могла бы рухнуть вся надуманная ненаучная концепция.

После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики китайским историкам предстояло освободиться от груза великодержавных и националистических традиций, овладеть основами марксистско-ленинской методологии исследования, пересмотреть многие концепции, выработанные предшествовавшими поколениями китайских историков, в том числе концепцию взаимоотношений России с Китаем в XVII—XIX вв. Однако китайской исторической науке не удалось преодолеть ошибочных построений в этой области.

В 1957 г. в Пекине вышла работа Пын Мина, вскоре изданная в СССР на русском языке [216]. В ней автор сообщил по поводу Нерчинского договора: «К 80-м годам XVII в. Россия распространила свои владения до Сибири, а затем — и до Амура. Китайский император цинской династии Кан Си также расширил свои владения вплоть до Амура. Между обеими странами произошел непродолжительный конфликт, который в конечном итоге был разрешен путем переговоров». Нерчинский договор «послужил основой мирных отношений между Китаем и Россией на протяжении 170 лет (до второй «опиумной» войны)» [216, с. 13]. Следует отметить,

что автор не только допустил хронологическую ошибку (к 80-м годам XVII в. Приамурье было уже включено в состав Русского государства), но и фактически уклонился от объективной оценки агрессии Цинов в Приамурье.

В начале 60-х годов в исторической науке КНР наметилась тенденция к переоценке внешней политики цинского Китая. Если в «Очерках истории Китая», изданных в конце 50-х годов под редакцией Шан Юэ, империя Цин квалифицировалась как «тюрьма народов», а завоевательные походы цинских императоров как «истребительные, грабительские войны» [208, с. 511, 561], то в опубликованной в 1961 г. статье Лю Даняня те же войны расцениваются как «стабилизация границ обширной китайской территории», «эффективное объединение страны» [175, с. 263]. Лю Данянь заявлял, что «рассматривать объединение всей страны, осуществленное Канси, просто как территориальную экспансию или покорение других национальностей — значит соглашаться с взглядами местного буржуазного национализма или сползать с легкостью в болото подобных точек зрения». По словам Лю Даняня, «наряду с объединением страны, в 1689 г. Канси на равноправной основе заключил Нерчинский договор с Россией, определив северо-восточные границы страны. Отныне рубежи нашей страны простирались на востоке до Тихого океана, на юге — до островов Южных морей, на западе — до отрогов Гималаев, на севере — до Сибири. При феодальных династиях до Цин никогда не было столь длительного эффективного объединения такой обширной территории. Огромные территории, централизация страны — все отвечало коренным интересам широких народных масс» [175, с. 263].

Нетрудно заметить, что взгляды Лю Даняня полностью совпадают со взглядами гоминьдановских историков на Нерчинский договор, хотя и замаскированы псев-

домарксистской фразеологией. Фальсификаторские тенденции в исторической науке КНР находились в прямой связи с поворотом историографии КНР к обслуживанию сиюминутных политических установок, были призваны оправдывать националистические, великодержавные устремления. Проявлениями этого поворота было прославление «положительной роли» Чингисхана, утверждение, что Америка была-де открыта китайцами и т. д. Подобная необъективность, бьющая в глаза тенденциозность присущи и опубликованным в КНР с начала 70-х годов «историческим книгам» (об этом см. [132, с. 79; 243, с. 343]). Такие книги совершенно ясно были призваны как-то подкрепить и «обосновать» территориальные притязания к СССР.

Итак, следует отметить, что в зарубежной историографии вопрос о Приамурье специально изучению не подвергался. Западные историки, касаясь русско-китайских отношений на Дальнем Востоке, либо следуют русофобским концепциям Равенштейна, либо некритически воспринимают великодержавные притязания официальной цинской историографии. Но и в том, и в другом случае они, вольно или невольно, игнорируют один из основных принципов исторического исследования — принцип историзма. Особенно характерно такое пренебрежение к историзму для А. К. Ву и Р. Квестид, в работах которых значительные периоды существования вопроса о Приамурье не рассматриваются вообще.

Между тем историзм, как отмечал В. И. Ленин, заключается в том, чтобы «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [12, с. 67].

Принцип единства и неразрывности исторического процесса вообще и процесса русско-китайского терри-

ториального размежевания в частности был выдвинут К. Марксом, который в работе «Договор между Китаем и Британией» отмечал, что процесс русско-китайского разграничения на Дальнем Востоке имел длительный и непрерывный характер: начавшись во времена царя Алексея Михайловича, он закончился лишь в 50-х годах XIX в. [4, с. 604].

Игнорирование принципа историзма, ставшее в последнее время одним из излюбленных приемов некоторых китайских псевдоисториков, приводит исследователя к заведомо неверным выводам. Критикуя порочность подобной методологии исследования, В. И. Ленин предупреждал в своей работе «Статистика и социология»: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [11, с. 350].

Глава I

РУССКО-ЦИНКСИЕ ОТНОШЕНИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Исследование и освоение русскими людьми Приамурья

В конце XVI в. русские землепроходцы присоединили к Русскому государству огромные территории Западной Сибири. По мере продвижения в глубь Сибири они строили укрепленные городки-остроги, которые становились опорными пунктами русской власти.

В XVII в. началось освоение русскими людьми Восточной Сибири. В 1632 г. сотник П. Бекетов основал на р. Лене Якутский острог, в 1635 г. на р. Олёмке (приток Лены) возник Олёмминский острог, в 1638 г. на р. Яне—Верхоянский. Якутский острог стал центром, из которого на север, восток и юг отправлялись партии русских землепроходцев.

В 1638 г. из Бутальского зимовья (основано в 1636 г. выше устья р. Маи) отправилась экспедиция, возглавляемая казачьим пятидесятником И. Ю. Москвитиним. Казаки поднялись вверх по Мае до ее притока Юдомы, затем, после 78 дней плавания, перевалили через хребет Джугджур и по р. Улье спустились к Охотскому морю. В 1639 г. казаки поставили близ устья р. Ульи зимовье; там осталось 10 казаков, а Москвитин и еще 20 казаков поплыли по морю на север, где вошли в

устье р. Охоты. Весной 1639 г. отряд Москвитина вновь отправился на двух судах вдоль морского побережья к югу.

Доплыв до Шантарских островов, казаки не рискнули там высадиться, поскольку ослабели от голода и боялись стычек с местным населением. Они вошли в устье одной из речек на материковом побережье, спросили местных жителей — нивхов (гиляков) о географии района и узнали, что южнее Шантарских островов в море впадает р. Амур — «великая река, рыбная вельми», на которой живут оседло «бородатые люди» — дауры. По словам нивхов, дауры жили богато: «и хлеб у них, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть»; они были охарактеризованы нивхами как народ воинственный, нередко нападающий на них. Казаки не решились идти в землю дауров и летом 1641 г. вернулись в Якутск [161, с. 276].

Таким образом, участники экспедиции Москвитина были первыми русскими людьми, достигшими Тихого океана. Они обследовали побережье Охотского моря на протяжении около 600 км (от Тауйской губы до устья Уды). С точки зрения властей, эта экспедиция была весьма успешной: Москвитин сдал в казну 11 соболиных шкурок (440 штук), взятых в качестве ясака с жителей Охотского побережья [161, с. 274].

В 1643 г. якутский воевода П. Головин отправил экспедицию под руководством В. Д. Пояркова «на Зию и Шилку реку для ясажного сбора и прииску вновь неясачных людей и для серебряной и медной и свинцовой руды и хлеба». Хлеб особенно интересовал якутскую администрацию, так как его приходилось завозить из Западной Сибири или даже из-за Урала (коренное сибирское население традиционно занималось охотой, рыболовством и скотоводством, а не земледелием). Наказная память, данная Пояркову, предписывала ему выяснить, действительно ли дауры ведут оседлый образ

жизни, сами ли они производят различные ткани или откуда-нибудь получают, а также «есть ли на Шилку реку из китайского государства приход, и будет есть, и судами ль приходят или коньми и по сколько человек приходит» [161, с. 276].

Отряд Пояркова, насчитывавший 130 человек (служилых и гулящих), имел «для угрозы немирных земель» маленькую пушку, стрелявшую полуфунтовыми ядрами, более 8 пудов пороха и столько же свинца. Среди участников похода были два целовальника (сборщика ясака), два кузнеца и два толмача [119, с. 44].

Отряд Пояркова проплыл на лодках до устья Алдана, поднялся вверх по этой реке до впадения в нее р. Учур, а затем по р. Учур до устья р. Гонам. Оставив часть людей на Гонаме, Поярков с отрядом перешел Становой хребет и вышел к истокам правого притока Зеи — Брянты, по которому спустился в долину р. Зеи. Здесь казаки встретили юрты эвенков-уиллагиров, которые сообщили, что первые поселения «пашенных» (оседлых) дауров находятся южнее, за хребтом Тукуринпра, в среднем течении Зеи. Через неделю казаки встретили ниже р. Гилюй, близ устья р. Умлекан, первые даурские поселения. Перезимовав здесь, отряд Пояркова соединился с подошедшими с Гонама казаками и отправился вниз по Зее.

Ниже впадения Селемджи в Зею даурские селения на зейских берегах стали встречаться чаще; число жителей в некоторых из них достигло 200 человек и более. Местное население засевало поля ячменем, овсом, гречихой, коноплей и другими культурами, разводило лошадей, коров, овец, имело домашнюю птицу. Весной 1644 г. отряд Пояркова добрался до Амура (Поярков называл Амур Шилкой) и поплыл к Охотскому морю, питаясь по пути почти одной рыбой. Ниже устья Зеи Поярков обнаружил неизвестный ему народ — дючеров, а по берегам Нижнего Амура — ачанов (натков)

и нивхов; ачаны и нивхи занимались не земледелием, как дауры и дючеры, а разведением крупного рогатого скота и рыболовством [161, с. 278—280].

Зиму 1644/45 г. отряд Пояркова провел в низовьях Амура, в селении нивхов. Поярков выяснил, что встреченное ими население Приамурья является совершенно независимым: «А натки живут по Амуру по обе стороны улусными, а ясаку они никому не дают. А гиляками плыли по морю 2 недели же, а гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие ж гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку они, гиляки, хану не дают» [32, т. 3, с. 50—56].

Собрав с нивхов ясак в количестве «двенадцати сококов» (480 шкур) соболя, казаки с началом навигации отправились из устья Амура на север вдоль Охотского берега. После 12 недель плавания отряд Пояркова добрался до устья р. Ульи, где находилось зимовье, поставленное отрядом Москвитина. Весной 1646 г. казаки перешли через хребет Джугджур к истокам р. Май, построили здесь суда и по Мае и Алдану вошли в Лену. В июне 1646 г. Поярков с товарищами прибыл в Якутск [161, с. 280].

Сообщения В. Д. Пояркова о Даурии (до конца XVII в. — Приамурье, с начала XVIII в. — Приамурье и Забайкалье) вызвали огромный интерес в Якутске. Поярков уверял, что «те землицы людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны» [32, т. 3, с. 57]. По сути дела, Поярков уже привел в русское подданство часть приамурского населения, взяв с него ясак в казну, но для окончательного присоединения Приамурья к Русскому государству необходимо было закрепить русское влияние в этом крае.

Эта задача была выполнена Е. П. Хабаровым, снарядившим в 1649 г. с помощью якутского воеводы

Д. А. Францбекова (уроженец Ливонии Фаренсбах) новую экспедицию «в Дауры». Отряд Хабарова насчитывал 70 человек. Хабаров получил перед отправлением наказ от воеводы Францбекова, в котором ему предписывалось приводить местное население в русское подданство мирными средствами.

Отряд Е. П. Хабарова отправился более коротким путем, чем следовал В. Д. Поярков. Он спустился по Лене к устью Олёкмы, по которой поднялся против течения до правого притока Олёкмы — Тунгира. Здесь казаки зазимовали, а в январе 1650 г. перешли на лыжах и нартах хребет Янкан и оказались на р. Урке, по которой добрались до Амура. Даурские городки, попадавшиеся казакам на их пути, оказались полупустыми: жители, прослышав о приходе неизвестных вооруженных людей, покинули свои населенные пункты. Опасения дауров, как выяснил Хабаров, были вызваны эпизодическими набегами вооруженных отрядов «князя Богдоя», т. е. маньчжурского хана, грабивших дауров и захватывавших их в плен. Дауры жили в постоянной тревоге и старались избегать пришельцев.

Опасаясь стычки с воинскими силами «князя Богдоя» (к чему отряд не был готов, поскольку экспедиция не имела военного характера), Хабаров оставил своих людей на Амуре, а сам отправился в Якутск за подкреплением. В Якутске Хабаров подтвердил сведения об Амуре, собранные экспедицией В. Д. Пояркова, представил чертеж Амура (не сохранившийся до наших дней) и сообщил о возможности столкновения с войском «князя Богдоя». Хабарову удалось набрать в Якутске 117 человек добровольцев. Кроме того, воевода Францбеков послал с Хабаровым более 20 служилых людей, дал три пушки, пороху и свинца. Воевода приказал Хабарову предложить «князю Богдою», которого они, разумеется, не отождествляли еще с маньчжурским ханом, завоевавшим к этому времени

часть Китая, принять русское подданство, обещая, что если Богдой и его люди «будут послушны и покорны, дань и ясак с себя и рода своего и со всеми улусными людьми по вся годы учнут платить, и им, князь Богдою со всеми улусными людьми, жить на прежних своих городах без боязни, и велит государь их оберегать своим государевым ратным людям» [69, с. 126—127].

Осенью Хабаров с пополнением вновь был на Амуре, где укрепился в даурском городке, принадлежавшем князю Албазе. Весной 1651 г. он сообщил, что, согласно «даурским роспросным речам, князя Богдою у них нет, а словет де у них земля Богдойская, а царь, Алака-Батура-кана» [69, с. 543]. Поскольку наместником Алака-Батур-хана являлся, по словам Хабарова, некий Шамшакан (см. [69, с. 543, коммент. 2 к док. № 58]), то в Якутске было решено направить к нему посольство (вместо первоначально намечавшегося посольства к «князю Богдою»).

Посольство должен был возглавить служилый человек Т. Е. Чечигин, которому была дана наказная память и грамота, предназначенная Шамшакану. В этой грамоте якутские власти предлагали ему мирно вступить в подданство русского царя. Однако посольство, отправленное к Шамшакану, осенью 1653 г. погибло в дороге.

Хабаров же построил на Амуре острог «в угожем месте, под волоком, где переходить русским людям пешею ногою только два дня», и назвал его Албазином. Возможно, что это был прежний городок даурского князя Албазы, лишь перестроенный на русский манер [119, с. 53]. В июле 1651 г. казаки поплыли вниз по Амуру и через несколько дней увидели городок князя Гуйгудара, который отказался платить ясак. Последовала стычка [69, с. 134—135].

Прожив в Гуйгударовом городке полтора месяца, отряд Хабарова двинулся далее по Амуру, собирая

ясак с дауров и дючеров. Осенью 1651 г. казаки высадились на левом берегу Амура, построили там городок, названный Ачанским (по имени жившего рядом населения), и зазимовали в нем.

В марте 1652 г. на отряд Хабарова неожиданно напало цинское войско, состоявшее из 600 маньчжурских солдат и около 1500 дауров и дючеров. На вооружении у них было 6 пушек, 30 пищалей и 12 пинарт (глиняные мины, начиненные порохом). Сражение длилось целый день. Когда цинские воины разрушили часть деревянной стены, окружавшей Ачанский городок, казаки сделали смелую вылазку и отбили у маньчжуров две пушки; не выдержав рукопашной схватки, цинский отряд разбежался, причем казакам удалось захватить несколько пленных. По словам Хабарова, в сражении было «побито богдоевых людей и силы их 676 человек наповал. А наши силы казачьи от них легло, от богдоев 10 человек — служилых двое да вольных казаков 8 человек. Да переранили нас, казаков, на той драке 78 человек, и те от ран оздоровили» [69, с. 137—138].

От одного из пленных, китайца по национальности, Хабаров узнал, что помимо «Богдойской земли» (Южная Маньчжурия) существует и «Никанская земля» (собственно Китай) и что «богдойский царь Шамшакан никанских людей в пределех воюет, а всей земли овладеть не может, потому что та Никанская земля несказанно велика. А никанский де царь ясаку никому не дает» [69, с. 137].

Но ни сам Хабаров, ни якутские воеводы, ни правительство царя Алексея Михайловича не связывали «Богдойскую» и «Никанскую» земли с Китаем. В Москве решили помочь Хабарову в его борьбе с «богдойскими людьми», прислать ему подмогу и необходимые припасы. В 1653 г. на Амур прибыл посланный из Москвы дворянин Д. И. Зиновьев, который привез казакам жалованье и награды, а также увеличил русские

силы на Амуре на 150 человек. Зиновьеву было поручено «про Китайское государство... проведать: сколь далече от Даурские земли»; но ни дауры, ни Хабаров ничего не могли сказать по этому поводу: они не знали и того, «сколь далече от Даурския земли до Богдойского и до Никанского царств» [69, с. 200].

В период пребывания Зиновьева на Амуре к нему обратились с просьбой местные жители, дауры, которые обещали платить ясак русскому царю, если он прикажет «их оберегать от богдойского царя Андри-кана» [69, с. 200].

В Москву Зиновьев возвратился вместе с Хабаровым. Командование русскими войсками на Амуре было поручено О. Степанову. Хабаров, прибывший в Москву осенью 1654 г., был награжден званием сына боярского за успешное приведение народов Приамурья в российское подданство. Русское правительство решило создать в Приамурье новое воеводство и назначило воеводой А. Ф. Пашкова, приказав ему выяснить, «сколь далече от Богдойской земли до Никанского царства, и сухой ли путь степью, горами или водою, и коими реками; и про Китайское и про Индейское государства даурские и иные какие люди ведают ли, и сколь далече Китайское и Индейское государства от Даурския земли и от Богдойского, от Никанского государства» [цит. по [192, с. 14]).

К середине XVII в. русское правительство пришло к выводу о необходимости установления дипломатических отношений между Русским и Китайским государствами. Несмотря на то что русское правительство не представляло себе, на каком расстоянии от Приамурья расположен Китай, оно хорошо знало, что в Китай можно попасть из Западной Сибири через Монголию. С этой целью 25 июня 1654 г. из Тобольска был отправлен русский посол Ф. И. Байков. Он поднялся вверх по Иртышу, а затем через Монголию прибыл в «заставный

город Капку» (Калган), где 10 дней ждал разрешения на въезд в Пекин. 3 марта 1656 г. караван Байкова вступил в Пекин, затратив, таким образом, на дорогу два года.

С первого же дня пребывания русского посольства в Пекине начались трения между Байковым и цинскими чиновниками: Байков отказался становиться на колени и кланяться при въезде в Пекин, заявив, что он не может кланяться, «царя не видел»; Байков не хотел отдавать цинским чиновникам «любительные поминки» (подарки) до тех пор, пока не передаст цинскому императору грамоту от русского царя. В конце концов подарки были отняты у Байкова силой, на что Байков с возмущением заявил: «Прислан де я от великого государя к вашему царю не для того, что вам государева казна грабить». В ответ цинские чиновники сообщили, что «мы де у тебя государевы казны не грабим, взяли де у тебя те государевы любительные поминки по цареву указу» [69, с. 186].

Помимо споров о посольском церемониале цинская сторона потребовала у Байкова ответа: как расценивать то, «что он, Федор, прислан от великого государя в послех, а з другую де сторону ево ж, китайского царя, земли [велико]го государя люди воюют?» [69, с. 217]. Речь шла о столкновениях между русскими людьми и цинскими войсками в Приамурье. Байков, не подозревавший о претензиях Цинов на Приамурье и не отождествлявший неведомых «богдойских людей» с цинскими подданными, смог лишь сказать, что казаки, действующие на Амуре, «люди вольные». Цинские чиновники ответили, что «китайской де царь тому не верит, а говорит: великий де государь к нему, китайскому царю, прислал своего государева посла, а з другую де сторону посылает воевать ево китайские земли» [69, с. 217].

Байков по каким-то причинам не счел нужным включать этот диалог в свой статейный список, и русское

правительство узнало о нем из сообщений Аблая-тайши [69, с. 217]. Косвенным же подтверждением того факта, что вопрос об Амуре затрагивался в период посольства Байкова, служит упоминание в статейном списке причин строгой изоляции, в которой находилось русское посольство: «Заперты были, что в тюрьме. А заперты были за то: посол в приказ к приказным царевым ближним людям не поехал и государевы любительные грамоты им не отдал; а се государевы люди их Китайскую землю Даурды воюют» [69, с. 187].

4 сентября 1656 г. посольство Ф. И. Байкова было выслано из Пекина, так и не выполнив своей задачи. В июне 1657 г. оно вернулось в Тобольск.

Таким образом, первое русское официальное посольство потерпело полную неудачу. Но русское правительство получило некоторые важные сведения о Китае: о пути в эту страну, данные этнографического характера, сведения о цинском дипломатическом церемониале. Очень важным было сообщение о претензиях Цинов на Приамурье, поскольку теперь русское правительство поняло, что «князь Богдой», посылавший войска под русские остроги на Амуре, и цинский император — это одно и то же лицо. Это обстоятельство, несомненно, было учтено правительством Русского государства при очередной попытке установить отношения с Цинской империей. Последующие русские посольства располагали уже более обстоятельными сведениями о Китае.

Между тем обстановка в Приамурье становилась все более тревожной.

Отряд казаков, который после отъезда Хабарова в Москву возглавил О. Степанов, насчитывал примерно 500 человек. С помощью такого отряда трудно было бы не только отражать нападения со стороны цинских войск, но даже просто контролировать огромную территорию бассейна Амура. К тому же у казаков было очень мало пороха и свинца, поскольку Д. И. Зиновьев

не привез на Амур боеприпасов [69, с. 193]; кончался хлеб, и казаки стали голодать. «А хлеба по Великой реке Амуру ныне мало, — сообщал в Якутск Степанов, — потому что некоторые иноземцы жили по Амуру, и тем иноземцам богдойской царь хлеба сеять не велел, а им, иноземцам, велел сойти к себе на Наун, а иные многие даурские люди на Наун сошли по ево велению, а мы ныне хлебом гораздо нужны» [69, с. 195]. Увод местного населения, о котором упоминал в своем донесении О. Степанов, практиковался цинским правительством с целью последующего использования его в войне против минского Китая.

Голод вынудил казаков отправиться вверх по р. Сунгари «для ради хлеба», но там их встретили цинские войска — «богдойская большая сила ратная со всяким огненным стройным боем, с пушки и пищали». Казаки сумели очистить реку от неприятельских судов, но «на берегу те богдойские люди стали в крепком месте, изза валов учили с нами драться». Ввиду явного превосходства противника в численности и вооружении (у казаков было только три легкие пушки) они вынуждены были уйти на Амур [69, с. 193—194].

Между тем из Москвы Степанову поступали приказы относительно обороны Приамурья, но ни подкрепления, ни боеприпасов не присылалось. Так, в грамоте из Сибирского приказа от 15 марта 1655 г. было сказано, что если «учнут на вас приходиться богдойские или иные какие люди войною... даурских наших, и дючерских, и гиялтцких ясачных людей от них оберегали» [69, с. 204].

Степанов же в апреле 1655 г. просил якутского воеводу М. С. Лодыженского о присылке людей и боеприпасов, «потому что здесь на великой реке Амуре стоят драки сильные с богдойскими воинскими людьми, что прислано войско от царя богдойскова» [69, с. 205]. В том же письме Степанов сообщал об осаде Кумарского ост-

рога большим цинским войском (до 10 тыс. человек). Осада длилась с 13 марта по 4 апреля.

Цинское войско было хорошо подготовлено к осаде: «И щиты у них были на арбах, а те арбы были на колесах, и щиты деревянные, кожами поволочены, и войлоки были, а на тех арбах были лесницы, а по конец лестниц колеса, а в другом конце гвозди железные и палки, и на тех арбах привязаны были дрова, и смолье, и солома для зажегу, и у них острог копейчатой был же; да у них же, богдойских людей, у всякого щита были багры железные и всякие приступные мудрости» [69, с. 206]. У маньчжуров было 15 пушек и более мелкое огнестрельное оружие, и зажигательные стрелы.

Но ни обстрел Кумарского острога из пушек, ни попытки зажечь деревянные стены, ни многочисленные приступы ничего не дали нападавшим. Понеся значительные потери, цинские войска отступили от острога.

Степанов, однако, предупреждал якутского воеводу, что «ожидаем к себе богдойских людей большево собранья, а пороху и свинцу в государеве казне нет, и хлеба у нас нет же, а питаемся мы с великою нужею, а не ведаем мы, как государев острог здержать» [69, с. 208]. В июне того же, 1655 г. он доложил в Якутск, что «держать стало государева острожку незачем, хлебных запасов не стало нисколько, холодны и голодны и всем нужны. И в государеве казне пороху и свинцу на великой реке Амуре нет же нисколько, оберегать стало государевы казны и острожку и своих голов нечем» [69, с. 209]. Причина отсутствия хлеба на Амуре, ранее привлекавшем русских людей именно своими пашнями, состояла, по сообщению Степанова, в следующем: «Их, иноземцов, дючерских людей, богдойский царь велел свести с великия реки Амурса и снизу Шингалу-реки (Сунгари. — Е. Б.) в свою Богдойскую землю на Кургу-реке, вверх по Шингалу-реке житья их и юрты богдойского царя князец Сергудай сожег и до

конца разорил». Степанов сообщил, что во время его посещения низовьев Сунгари он убедился, что там «и севов нет нигде, и... улусы все выжжены...» [69, с. 213].

Положение отряда О. Степанова на Амуре стало совершенно невыносимым. «Ноне все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем и ожидаем государева указу. А сойти с великия реки без государева указу не смеем никуда. А богдойские воинские люди под нами стоят близко, и нам против их, богдойских людей, стоять и дратца стало нечем, пороху и свинцу нет нисколько» [69, с. 213].

В июне 1658 г., когда отряд О. Степанова плыл по Амuru на небольших судах (бусах), близ устья Сунгари его встретили «богдойские люди в 47 бусах с вогняным боем, с пушками и с пищальми, и Онофрейко с служилыми людьми с судов збили на берег, а иных и на судех побили. И на том бою ево, Онофрейка, убили, и служилых людей 220 человек побили» [69, с. 241].

Так трагически закончился первый этап освоения русскими людьми бассейна Амuru. Маньчжуры, применяя тактику «выжженной земли» и используя многократное численное превосходство над сравнительно небольшими казачьими отрядами, надеялись вынудить русских уйти из Приамурья; однако даже после разгрома отряда О. Степанова стычки маньчжуров с отдельными русскими группами продолжались. По сообщению цинского источника, «во всех этих сражениях наши войска не могли полностью уничтожить русских. Поэтому русские продолжали появляться в этих местах» [70, с. 660].

* * *

Гибель русских землепроходцев на Амуре в 1658 г. несколько задержала, но не остановила освоение русскими людьми Приамурья. Ясак с приамурского насе-

ления соби́рался на протяжении всех 50-х и 60-х гг. XVII в., сборы были весьма значительными, несмотря на малочисленность служилых людей, которые не в состоянии были охватить огромную территорию Приамурья [95, с. 30]. Продолжало расширяться переселение русских в Даурию, причем оно имело в основном стихийный, не санкционированный властями характер.

Начиная с 1665 г. политическим и экономическим центром Приамурья стал острог Албазин, основанный в свое время Хабаровым и восстановленный русскими людьми. Новые русские поселенцы в Албазине были беглыми служилыми и крестьянами из Прибайкалья, убившими илимского воеводу Л. Обухова за его вымогательства и бесчинства и бежавшими от наказания на Амур. Перестроив и укрепив Албазин, переселенцы сразу же стали осуществлять сбор ясака с местного населения, принявшего русское подданство во времена Пояркова, Хабарова и Степанова; собранный ясак переправлялся через Нерчинск в Москву, причем албазинцы даже требовали от нерчинской администрации не смешивать албазинский ясак с нерчинским [262, с. 57]. Действия албазинских казаков неопровержимо свидетельствуют о факте принадлежности Приамурья Русскому государству.

Взаимоотношения между албазинцами и нерчинской администрацией были довольно своеобразными: нерчинские воеводы принимали албазинский ясак, посылали свои приказы в Албазинский острог, но при этом понимали, что «бунтовщики» будут выполнять далеко не всякое указание. Следовало принять меры для превращения «воровского острога» в обычный даурский острог, и 17 марта 1672 г. по настоянию сибирских властей правительство объявило о помиловании всех участников убийства илимского воеводы [105, с. 312]. Албазинцам было послано 2 тыс. руб. и серебряная печать с двуглавым орлом и надписью «Печать великого госу-

даря Сибирския земли Албазинского острога». Даровав амнистию, правительство решило полностью подчинить Албазин своему контролю: в 1672 г. приказчиком Албазинского острога был назначен Л. Евсеев. Но и после прибытия Евсеева в Албазин выборный воевода Н. Черниговский, возглавивший в 1665 г. восстание, сохранил свою власть. Лишь в феврале 1674 г. Черниговский сдал «по росписи» острог специально присланному сыну боярскому С. Вешнякову: «И я, Семен, принял острог, с нагородней покрыт тесом, а в остроге башен две по углам от Амура реки, под теми башнями избы, верхи шатровые, покрыты тесом, а третья башня Приказ; сверху Приказу чердак караульный покрыт тесом, а в остроге колодезь на водолейке да амбар Воскресенский, в надолбах часовня; служилых людей 109 человек; коробку с замком нутренним, а в ней книги приходныя и расходныя государеву десятиному хлебу, да книги десятиному соболиному промыслу, да книги яшашные прошлых годов 175 и 176 и 177 и 178, хлеба всего с 56 пуд, да десятинной соболиной казны восемь соболей с пупки и хвосты, денег 2 рубля 18 алтын, пороху сухова 32 ф. с деревом, да мокрова 1½ пуда с мешком, свинцу 26 ф., ...24 ф., 29 огнив, да семь ядер пушечных железных, 4 топора, 16 мушкетов, роспись серпам, 2 безмена, колыпь мушкетный, знамя камчатое светчатое, барабан, десть бумаги писчей; пахотных крестьян 5 человек» [105, с. 312].

В том же, 1674 г. в Албазинском уезде была основана десятинная пашня, урожай с которой поступал полностью в казну: лишь обработав десятинную пашню, крестьянин мог приступать к обработке своей, «собинной» земли. Албазинцы противились введению десятинной пашни, поскольку под нее отводились лучшие, уже освоенные земли: в 1675 г. между албазинцами и нерчинским воеводой П. Я. Шульгиным возник по этому поводу конфликт, который в конечном итоге закон-

чился победой Шульгина, посадившего на десятинную пашню ссыльных [95, с. 42].

Однако ссыльных земледельцев на Амуре было всего лишь несколько десятков человек, основная же часть русского населения состояла из вольных переселенцев, делившихся по своему социальному составу на служилых и промышленных людей, крестьян и «гулящих людей». В 1680 г. служилых людей (казаков) в Албазинском уезде (с 1682 г. — воеводстве) насчитывалось 222 человека, крестьян — от 330 до 500 человек, ссыльных — 74 человека, промышленных и «гулящих» людей, занимавшихся охотой, промыслами или поденной работой, — несколько сот [95, с. 43].

Помимо Албазинского, Усть-Стрелочного, Кумарского, Верхозейского, Селемджинского и Долонского острогов на Амуре появилось более 20 земледельческих поселений: деревни Покровская слобода, Вяткина, Игнашина, Паново, Чулкова, Озерная, Солдатово и др. [95, с. 44—45]. Эти поселения располагались по всему Верхнему и Среднему Амуру. Величина всех обработанных полей достигала 1000 десятин, из них 300 десятин были обработаны близ Албазина [204, с. 83].

Русские поселенцы создали крупное хлебопроизводящее хозяйство; они сеяли озимую и яровую рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, коноплю, горох, занимались огородничеством, косили на заливных лугах траву для скота. К 80-м годам XVII в. Албазинский уезд не только полностью обеспечивал себя хлебом, но и вывозил его на продажу в Забайкалье [32, т. 9, с. 215—216].

Таким образом, на смену дауро-дючерскому земледелию, разрушенному маньчжурами в 50-х годах XVII в., пришло новое, русское земледелие, развивавшееся на более высокой агротехнической основе. Дауры и дючеры, по сообщениям русских землепроходцев, обрабатывали сравнительно небольшие участки земли деревянной сохой, впрягая в нее быков; урожаем убирали сер-

пами, которые получали от маньчжурских купцов, поскольку сами обрабатывать железо не могли. Сенокосение и заготовка кормов на зиму даурам и дючерам до прихода русских были неизвестны, скот содержался на подножном корму. Приемы охоты были очень примитивны [262, с. 28—29].

Появление на Амуре русских поселенцев, находившихся на более высоком культурном уровне, чем местные народы, несомненно могло бы иметь огромное влияние на развитие дауров и дючеров. Для приамурских же племен, ведших кочевой и полукочевой образ жизни, контакт с русскими людьми поистине был открытием нового мира. Разумеется, феодальное Русское государство не ставило своей главной задачей цивилизовать народности Восточной Сибири: царскую администрацию интересовал прежде всего ясак. Но русская колонизация Приамурья, как и Сибири в целом, была прежде всего народной, крестьянской; при общении же населения происходил обмен трудовыми навыками и орудиями производства (долото, стамеска, плуг с железным лемехом и др.). Русские поселенцы учились у аборигенного населения использованию местных растений, приемам рыбной ловли и т. п.

Но главный результат присоединения Приамурья к Русскому государству состоял в том, что приамурские племена обрели надежную защиту против маньчжурской агрессии. Теперь нападение на «ясачных людей» Русского государства означало бы, по сути дела, вторжение на русскую территорию. Среди же племен, угнанных маньчжурами с берегов Амура в глубь Маньчжурии, наметилась тенденция к возвращению в свои родные места. Особенно показательной в этом смысле была история Гантимура.

Гантимур был эвенкийским (тунгусским) князем. Его подданными были эвенки Нелюнского (Нелюдского) рода, обитавшие по Амуру и в бассейне Селен-

ги, а также часть дауров. Гантимур, по его словам, «в ясачном платеже ни под кем не бывал и ясаку де он никому не плачивал, и жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке» (цит. по [262, с. 33]). Сразу же после появления в Приамурье русских казаков Гантимур принял русское подданство и стал с 1651 г. платить ясак [95, с. 86]. Впоследствии, в 1654—1655 гг., маньчжуры, желая лишить русских продовольственной базы в Приамурье, угнали оттуда часть местного населения, в том числе и подданных Гантимура; сам Гантимур был вынужден последовать за своими людьми. Маньчжуры дали Гантимуру звание чиновника Цинской империи, жалованье, надеясь, очевидно, закрепить его на новом месте. Но подкупить Гантимура не удалось, и когда Цины попытались вовлечь его в военные действия против русских поселений на Амуре, Гантимур бежал со всем своим родом и в 1667 г. вернулся на русскую территорию [95, с. 87].

Бегство Гантимура было воспринято цинским двором очень болезненно и стало причиной длительных споров между цинской стороной, требовавшей возвращения Гантимура, и русской стороной, категорически отказывавшейся это сделать.

Начало цинской агрессии на Амуре

В апреле 1670 г. в Нерчинск прибыл цинский гонец Шаралдай, который вручил воеводе Д. Д. Аршинскому грамоту цинского императора Сюань Е (девиз годов правления Канси, 1662—1722), в которой содержалось предложение отправить в Китай послов, «чтоб нам переговорить с очи на очи», а заодно захватить и Гантимура [69, с. 272].

Д. Д. Аршинский немедленно отправил в Пекин посольство, возглавленное казачьим десятником И. Миловановым. Русские представители были допущены на

аудиенцию к императору и, возвратившись, привезли еще одно послание Сюань Е. Это послание, переведенное людьми, плохо понимавшими маньчжурский текст, гласило, что цинский император хотел послать в Приамурье войско, но, узнав, что там живут подданные русского государя, а не беглые разбойники, «воевать не велел» [69, с. 276].

Несмотря на прозрачный намек о возможности военных действий, послание Сюань Е в целом выглядело довольно миролюбиво. Лишь спустя несколько лет с помощью иезуитов в Пекине был сделан новый перевод, в котором оказалось существенное добавление, придавшее посланию угрожающий характер: «И ныне, буде ты хочешь в миру жить, посылай к нам беглеца Гантимура» [69, с. 411].

Свои угрозы цинские власти подкрепили рядом военных демонстраций. Так, в феврале 1671 г. ясачные эвенки сообщили в Якутск, что Н. Черниговский в Албазине «обсажен накрепко от богдойских людей» [69, с. 281]. Якуты и эвенки, платившие ясак русским властям, сообщали о попытках маньчжуров переманить их в цинское подданство, о самовольном взятии с них ясака [69, с. 281], а в апреле 1672 г. букейский фудутун Монготу (селение Букей на р. Нонни, которое русские называли «Наунскими селами»), прибывший в окрестности Нерчинска с военным отрядом, открыто требовал перехода нерусских народностей в цинское подданство, угрожая в ближайшем будущем войной. «И ныне, — сообщал Д. Д. Аршинский, — под нерчинскими острогами во всех иноземцах стоит шатость, а служилых де людей в нерчинских острогах мало» [69, с. 301].

Енисейский воевода К. А. Яковлев в июне того же года послал в Нерчинск две маленькие пушки и 50 ядер к ним; якутский же воевода в августе отправил в Нерчинск 10 человек [69, с. 229, 302—303]. Это было все, чем могли помочь соседние сибирские воеводы, сами

постоянно жаловавшиеся на «конечное малолюдство» в острогах.

Именно в этот сложный момент русское правительство предприняло очередную попытку установить официальные дипломатические отношения с Цинской империей. В феврале 1673 г. главой русского посольства в Китай был назначен переводчик Посольского приказа Н. Г. Спафарий (Милеску); подготовка посольства длилась два года.

Спафарию была вручена грамота царя Алексея Михайловича цинскому императору, в которой выражалось желание русского правительства быть с цинским правительством «в приятной дружбе, любви и безурывных ссылках». В грамоте сообщалось, что в Москве получены цинские послания, но они, за отсутствием знатоков китайского языка, не прочитаны. А потому «для наших великого государя дел и для выразумения, о чем ваше ханово требование», и отправлено русское посольство. Цинскому правительству предлагалось отправить в Россию посольство, которому был обещан радушный прием [69, с. 334].

В своих действиях Спафарий обязан был руководствоваться наказной памятью, данной ему 28 февраля 1675 г.: он должен был выяснить наиболее удобные пути в Цинскую империю, узнать, с кем она граничит, какие русские товары пользуются спросом в Китае и что можно вывозить оттуда, а также намерено ли цинское правительство придерживаться мирных отношений с Русским государством [69, с. 335—346].

Наказная память Спафарию не содержала пунктов, касавшихся пограничных дел или вопросов территориального размежевания между двумя державами. Это обстоятельство на первый взгляд кажется несколько странным, особенно если учесть тревожную обстановку в Приамурье. Однако в выписке о путях в Цинскую империю (составленной специально для Спафария в

Посольском приказе) говорилось, что вдоль р. Аргуни живут «государевы ясачные люди», между реками Ган и Хайлар кочуют подданные халхаского правителя Цэ-цэн-хана (Халха в тот период еще не входила в состав Цинской империи). Цинское влияние не распространяется дальше населенного пункта Букей на р. Нонни [69, с. 326]. Таким образом, русское правительство не видело необходимости в разграничении русских и цинских владений, поскольку рубежи двух государств еще не сблизились вплотную.

Весной 1675 г. посольство Спафария отправилось в путь. Добравшись до Тобольска, Спафарий узнал, что двигаться через Монголию небезопасно из-за войны, начавшейся между монгольскими феодалами [69, с. 347]. Поэтому он избрал путь в Пекин через Маньчжурию. В декабре 1675 г. русское посольство прибыло в Нерчинск, а 15 мая 1676 г. в Пекин.

Цинские чиновники попытались сразу же запугать русского посла, заявив ему, что если в послании русского царя будет обнаружено что-либо неприятное для Цинов, то Спафария приказано отправить назад, а цинским полководцам «собирати войско, сколь мочно великое, и итить под Нерчинской и под Албазинский остроги и их до основания разорить, потому что ведаем по сколько человек живет в них». Спафарий ответил: «Почто он поминает разорение острогов? Ведают они и сами, как осадили Камарский острог, что взяли? А мы войною не хвалимся, а и бою их не боимся ж» [69, с. 373].

Камнем преткновения во время русско-китайских переговоров был вопрос о Гантимуре. Спафарию вновь и вновь приходилось доказывать цинским представителям, что «Гантимур никогда у них в подданстве не был, кроме того, что приезжал к ним на время и опять возвратился в Нерчинской» [69, с. 416]. Упорство цинской стороны в столь незначительном, казалось бы,

вопросе, как «дело Гантимура», очень точно разъяснил русскому послу близкий к пекинскому двору иезуит Вербист. По его словам, Цины намерены начать военные действия против русских поселений в Приамурье, и потому любое решение русского правительства относительно Гантимура будет на руку маньчжурским правителям: если русские выдадут Гантимура, за ним уйдут и прочие ясачные племена, а тогда незачем будет держать в Приамурье служилых людей; если же русские не выдадут Гантимура, то Цины, зная о нехватке людей в русских острогах, используют «дело Гантимура» как повод к войне [69, с. 433].

В конце августа 1676 г. цинские сановники сообщили Спафарию, что отныне в Китай не будут допускаться ни русские купцы, ни послы до тех пор, пока русский царь не исполнит три условия: «1-е, чтоб Гантимура послал сюды с послом своим; 2-я, чтоб тот посол был самой разумной и чтоб он делал все, что прикажем по нашему обычаю, и в ни чем не противился; 3-я, чтоб все порубежные места, где живут вашего великого государя порубежные люди, жили всегда смирно» [69, с. 441].

На вопрос Спафария, будет ли ему дана ответная грамота, цинские чиновники сообщили, что грамота будет составлена в духе обращения к зависимому, вассальному от Китая государству [69, с. 446]. Разумеется, Спафарий отказался принять эту унижительную для чести и достоинства суверенного Русского государства грамоту, и весной 1677 г. русское посольство вернулось в Нерчинск. Спафарий передал албазинцам приказ, чтобы они жили «от богдойских людей с великим бережением и опасою денно и ночью с караулы и на остроге снаряд пороха и свинец велел запасть» (цит. по [95, с. 99]).

Русское правительство, получив информацию Спафария о ходе русско-китайских переговоров и положе-

нии в Приамурье, не сразу осознало опасность ситуации на Дальнем Востоке. Внимание русского правительства было поглощено тяжелой борьбой с Турцией и Крымом за Левобережную Украину (русско-турецкая война 1676—1681 гг.), а также антифеодальным народным движением. В этих условиях положение в далеком Приамурье казалось вполне терпимым; к тому же Спафарий привез ответные подарки от цинского императора. Русское правительство ограничилось тем, что дало нерчинским властям довольно неопределенное указание строить впредь остроги там, где «с Китайским государством и иными немирными землями и впредь ссоры не чаять» [32, т. 7, с. 368].

Сразу же после отъезда посольства Спафария из Пекина Цины начали интенсивную подготовку к войне с русскими в Приамурье. Основной опорной базой цинской экспансии стал населенный пункт Гири (Цзилин), где еще в 1661 г. предшественник императора Сюань Е — император Фу Линь (девиз годов правления Шуньчжи, 1644—1661 гг.) учредил кораблестроительную верфь [63, с. 563]. В 1674 г. Гири получил статус города, и там был учрежден речной экипаж, в который помимо командного состава входило 250 матросов и 45 мастеровых, выстроивших 30 военных судов и 80 судов для перевозки провианта [63, с. 563].

Гири занимал исключительно выгодное стратегическое положение: он был расположен недалеко и от старой маньчжурской вотчины Мукдена (Шэньяна), и от крайнего административного центра Цинской империи на севере — Нингуты. Из Гирина можно было доплыть по Сунгари до Амура или же по р. Нонницзян до ее истоков, откуда было совсем близко до Верхнего Амура. В 1676 г., т. е. в год посольства Спафария, в Гири из Нингуты был переведен цзянцзюнь (генерал-губернатор); тогда же туда было переселено 100 семей ссыльных китайцев из Чжили и других провинций.

Ссылные построили 40 военных судов и несколько десятков более мелких судов. «На них происходили ежедневные упражнения в примерном морском бое, на случай войны с русскими (лао-цянь)» [63, с. 570].

Накапливая силы в Маньчжурии, Цины по-прежнему проводили провокационную политику в Приамурье. Они совершали грабительские набеги на русские поселения в Приамурье.

В марте 1681 г. к стенам Албазина прибыл отряд цинских войск, возглавляемый чиновниками из Букея. Они потребовали у казаков объяснения по поводу строительства на р. Зее русского острога, который якобы мешал цинским чиновникам ездить собирать ясак. Албазинцы послали в Букей для переговоров делегацию во главе с казачьим десятником Ю. Лабой; он заявил, что местное население, проживающее по Зее, признало русское подданство и платит России ясак, поэтому цинские претензии безосновательны. Маньчжуры в ответ объявили район Зеи своей «исконной» землей и потребовали вывести оттуда русских людей, угрожая войной [95, с. 118—119].

Слухи о готовившейся агрессии Цинов в Приамурье становились все более настойчивыми: так, в марте 1681 г. дауры сообщили албазинским властям, что цинские войска придут к Албазину по Амуру на судах, а также берегом на лошадях и что в союзниках у них «черные мунгалы». Хотя сведения эти были довольно точными, однако нападения цинских войск до 1683 г. не произошло. Цины еще не были готовы к войне, они плохо знали географию Приамурья, где им предстояло сражаться, не представляли военных возможностей противника.

Для выяснения всех этих вопросов была отправлена специальная экспедиция, возглавленная фудутуном Лантанем и гуном Пэнчунем.

В декабре 1682 г. нерчинский воевода Ф. Д. Воей-

ков получил сообщение из Албазина, что туда пришел конный маньчжурский отряд численностью 1000 человек, причем, к удивлению албазинцев, маньчжуры «ехали смирно и русских людей никого не били и не грабили». Командиры отряда сообщили, что они приехали просить о выдаче им нескольких беглых из «Наунских сел». Когда албазинский приказчик И. Семенов отказал им в этом, маньчжуры уехали вниз по Амуру [32, т. 10, с. 228].

Цель приезда маньчжурского отряда была совершенно ясна албазинцам: «И то де знатное дело, что они приехали в Албазинский острог не для беглых мужиков, для осмотра Албазинского острога и каковы крепости и много ли де в Албазинском есть русских людей» [32, т. 10, с. 229].

В январе 1683 г. фудутун Лантань подал императору донесение о результатах разведывательной экспедиции. Он сообщил, что сухопутные дороги в Приамурье довольно неудобны: можно ехать на лошадях, но тяжелые грузы нужно доставлять на судах по воде. Лантань считал, что для захвата Албазина следует использовать не менее 20 пушек европейского образца (хунъипао). Он также сообщил, что на Амуре уже имеется 40 больших и 26 малых судов [70, с. 690—691].

Император Сюань Ё признал, что еще не время выступать в поход, следует более тщательно подготовиться к войне, в частности построить городки вблизи Амура [70, с. 691]. В том же году на правом берегу Амура, против устья Зеи, была построена крепость Айгунь, при устье р. Хумаэрхэ — крепость Хумара, а между ними — крепость Эсули [70, с. 664].

Маньчжуры явно переоценили военные возможности русских поселенцев. В русских острогах ощущалась острая нехватка людей и оружия. В 1683 г. русское правительство вынуждено было предпринять некоторые меры по усилению обороноспособности Приамурья. Ени-

сейскому воеводе К. О. Щербатову было приказано создать особый полк, в который набирались добровольцы из разных сибирских острогов; каждому добровольцу давали жалованье 10 руб. и пищаль. Из Тобольска было прислано 350 человек, из Туринска — 30, из Верхотурья и Тюмени — 220 [17, т. 5, с. 185].

В июне того же, 1683 г. отряд албазинских казаков под командованием Г. С. Мыльников, пливший по Амуру на Бурею, встретился близ устья Зеи с цинской флотилией. Большая часть отряда была взята в плен. С двумя пленными, М. Яшиным и И. Енисейцем, цинские власти отправили послание императора Сюань Е, в котором земли дауров, солонов, а также фэйяка и цилэр (собираательные маньчжурские названия для целого ряда приамурских народностей) объявлялись цинскими, а русским под угрозой физического истребления предлагалось вернуться «на свои прежние земли» [70, с. 665]. Таким образом, Цины, пытаясь «обосновать» свои агрессивные замыслы, объявляли себя защитниками не только угнанных ими же в Маньчжурию дауров и солонов, но и фэйяка и цилэр.

Когда послание было зачитано албазинцам, они единогласно заявили, что скорее умрут, но острог не покинут, хотя «всяких чинов люди тужили, что де в Албазинском остроге в государеве казне пороху и свинцу и оружия и пушек гораздо скудно» [32, т. 2, с. 83].

М. Яшин и И. Енисеец рассказали, что маньчжуры выстроили «новый город» на правом берегу Амура, близ устья Зеи, в двух неделях пути от Албазина; они видели там несколько пушек, множество судов и солдат [32, т. 2, с. 82].

Этот «новый город», Айгунь (ныне Хэйхэ), использовался маньчжурами как основная база в период военных действий на Амуре: там был размещен гарнизон, создавались запасы продовольствия, с помощью военных поселенцев распахивались поля. Оттуда цинские

войска в начале 1684 г. стали совершать набеги на мелкие и отдаленные русские остроги: в феврале был разгромлен Верхозейский острог [95, с. 126] и одновременно — русские поселения на р. Бурее [70, с. 668]. Следует отметить, что командиру цинского отряда, направленного на Бурею и Амгунь, было дано указание: «Если же русские, услышав о приближении отряда, заранее уйдут, то отряд, воспользовавшись этим случаем, пусть умиротворит тамошних хэчжэнь и других туземцев, которые еще не совсем покорны нам» (цит. по [193, с. 8]). Очевидно, коренное население Нижнего Амура не желало подчиняться непрошеным «защитникам», хотя, разумеется, без помощи русских не могло оказать серьезного сопротивления маньчжурам.

Летом 1684 г., как сообщил албазинский казак Д. Фунтосов, маньчжуры выставили караул на Амуре, примерно на равном расстоянии от «нового города» Айгуня и Албазина («конною ездою восемь дней»). Узнав об этом, албазинцы стали готовиться к обороне: «А около де Албазинского острогу служилые люди учинили вал земляной и кругом вала выкопали ров две сажени косых» [32, т. 11, с. 174]. Летом же 1684 г. воеводой Албазина был назначен А. Л. Толбузин; при его отправлении в Албазин нерчинский воевода И. Е. Власов выдал ему 8 пудов свинца, да местные торговые люди «купили у всяких чинов людей на свои деньги и дали ему же, Алексею [Толбузину], 7 пуд пороху, 5 пуд свинцу» [32, т. 11, с. 174]. Прибыв в Албазин, А. Л. Толбузин сообщил в Нерчинск, что в Албазине живут 350 служилых и промышленных людей, а вокруг города — 97 пашенных крестьян [262, с. 119—120].

Цинская разведка предполагала, что в Албазине и Нерчинске проживает по 500—600 человек. Маньчжуры знали, что у албазинцев не осталось судов, что для защиты города сооружен дополнительный деревянный палисад, что запасы продовольствия в городе невелики.

Сообщения разведки привели императора Сюань Е к выводу: «Русские, расселившиеся в Албазине и Нерчинске, занимаются только земледелием. Если мы захватим их хлеба, они не смогут длительное время продержаться» [70, с. 669].

Поэтому в июне 1684 г. император приказал цзянцзюню Сабсу, командовавшему войсками на Амуре, пойти к Албазину и скосить все хлеба на полях русских, не дав им убрать урожай. Скошенный хлеб предполагалось либо увезти на судах, либо, если увезти невозможно, бросить в реку. Намечалось направить албазинцам очередное послание с угрозами, в котором сообщалось бы, что не только Албазин, но и Нерчинск якобы являются цинскими землями, «захваченными» русскими [70, с. 669—670].

Однако Сабсу не исполнил приказа, испугавшись, очевидно, ложного сообщения цинской разведки о прибытии в Албазин еще 400 человек [70, с. 670]. Он сослался на сообщения пленных о том, что русские рано убирают урожай, и, таким образом, поход был бы бесполезным. Разгневанный Сюань Е сместил Сабсу с поста главнокомандующего, но поход пришлось отложить до следующего года [70, с. 672].

15 февраля 1685 г. цинский император издал указ, в котором повторил стандартные обвинения в адрес русских поселенцев на Амуре и заявил, что «следует их немедленно уничтожить». Однако, отлично зная, что каждое слово его указа будет зафиксировано в исторических хрониках, Сюань Е лицемерно заявил, что «война — недоброе деяние и прибегать к ней следует, только когда к этому вынуждают». Император приказал передать жителям Албазина очередное угрожающее послание, в котором требовал «побыстрее вернуться в Якутск, который и должен служить границей» [70, с. 673]. Таким образом, Цины безосновательно стали претендовать на значительную часть Восточной Сибири.

К июню 1685 г. маньчжурские войска, сконцентрированные в Айгуне, были уже готовы к нападению. В начале июня конный отряд маньчжуров побывал под Албазином, очевидно, с разведывательными целями, а заодно угнал табун лошадей. Албазинцам оставалось лишь наблюдать за действиями маньчжуров, так как «послать в погоню за ними из Албазина, за малолюдством, некого, да и не на чем» [32, т. 12, с. 107].

10 июня 1685 г. цинская армия уже захватила русские деревни и займки по берегам Амура ниже Албазина и готовилась к нападению на острог. Перед штурмом жителям Албазина была передана через пленных Ф. Тельного и Г. Ситникова грамота императора Сюань Е на трех языках — китайском, русском и латинском. Ситников и Тельной рассказали: «А идут де тех богдойских людей на сте бусех, а на бусе де идет воинских людей по пятидесят человек, да конницы с тысячю человек и больши, а пушек с ними идет сто полковых да сорок ломовых больших и гранаток» [32, т. 12, с. 108—109]. Сообщая об этом нерчинскому воеводе И. Е. Власову, албазинский воевода А. Л. Толбузин просил помощи. Власов из своих скудных ресурсов выделил албазинцам две медные пушки весом 6,5 пуда и к ним 30 больших и 200 малых ядер, 8 пудов пороха, 7,5 пуда свинца, 10 пищалей и 300 кремней к ним, 43 бердыша. Вооружение должен был доставить казак А. Кондратьев. В то время в Нерчинске проживало более 330 человек. Воевода выделил из них 100 человек, дав каждому по пищали, по фунту пороха и свинца, и отправил на 11 стругах в Албазин [32, т. 12, с. 108—109].

Но эта помощь опоздала. Опоздало и более солидное подкрепление — казачий полк из 600 человек, двигавшийся из Енисейска в Даурию: командир полка А. И. Бейтон не смог удержать казаков, погнавшихся в районе Верхнеудинска за монголами, отогнавшими

несколько казачьих лошадей [105, с. 319]. В результате драгоценное время было потеряно.

12 июня Албазин уже был осажден цинскими войсками. 13 июня один из командующих маньчжурским войском, Лантань, послал в Албазин приказ: «Человеколюбие нашего императора безгранично, и он не может примириться [с необходимостью] дальнейшего кровопролития. [Вам] приказано возвратиться на ваши прежние земли» [70, с. 692]. Но жители Албазина не захотели подчиниться приказу «человеколюбивого» императора. По сообщению воеводы Толбузина, «сидело в осаде в Олбазинском остроге служилых и торговых и промышленных людей и пашенных крестьян 450 человек, а с ними, богдойскими неприятельскими людьми, бились, не щадя голов своих, покамест было пороху и свинцу». Но оружия на всех не хватало: в остроге было лишь 300 пищалей и 3 пушки [32, т. 12, с. 110].

Силы же цинской армии, по словам захваченного в плен китайца, намного превосходили силы защитников Албазина: маньчжуры приплыли «на 100 бусах, а на бусе де было человек по 40 и по 50, с луками и с сулемами, в том числе работных без всякого ружья 1200 человек, а с пищалами де было... человек со 100»; по берегу реки пришло 1000 кавалеристов; у противника было 30 пушек больших и 15 малых [32, т. 12, с. 112—113]. Таким образом, цинская армия состояла более чем из 5 тыс. человек.

15 июня маньчжуры заметили плот, плывущий по Амуру к Албазину, на котором находилось 45 русских (вероятно, крестьян из соседних деревень). Когда люди на плоту отвергли предложение маньчжуров сдать ся, они были перебиты [159, с. 119].

Зная о малочисленности защитников Албазина, маньчжуры решили взять город штурмом. Цинская армия была разделена на пять отрядов, каждый из которых получил особое задание: двум отрядам было приказано

подойти к южной (речной) стороне города, построить там земляные валы, расставить специальные осадные щиты (щиты изготовлялись из лиан в Фуцзяни, затем покрывались толстым слоем ваты). Третьем, отряду было поручено открыть артиллерийский огонь с флангов по стенам города. Четвертый отряд должен был погрузиться на суда и следить, чтобы к Албазину не прибыло по Амуру подкрепление. Пятый отряд, вооруженный пушками хунъипао, должен был скрытно разместиться у северной стены города и открыть огонь: именно с этой стороны и предполагалось пойти на приступ [70, с. 692].

На рассвете 16 июня 1685 г. маньчжуры пошли на приступ. Штурм продолжался до 10 часов вечера. По сообщению воеводы, во время штурма было убито русских «человек со 100 и больше, и башни и острог из пушек разбили, и служилых, и торговых, и промышленных людей, и пашенных крестьян от верхних и нижних боев (бойниц. — Е. Б.) отбили, и во многих местах в Олбазинском остроге церковь, и колокольню, и лавки, и хлебные амбары зажгли огненными стрелами» [32, т. 12, с. 110]. Несмотря на это, защитники Албазина продолжали сопротивляться.

По сообщению цинского источника, «поняв, что к городу нет возможности подступиться, Лантань предложил его сжечь. Для этого под стены были подложены собранный в окрестностях города хворост и дрова и подожжены» [70, с. 692]. Дальнейшее сопротивление стало невозможным; к тому же полностью кончились порох и свинец, и защитники Албазина вступили в переговоры с цинским командованием. Воевода Толбузин настаивал на том, чтобы албазинцы были пропущены с оружием и имуществом в Нерчинск; цинские начальники требовали ухода в Якутск, но затем согласились с Толбузиным.

Как только русские вышли из острога, маньчжуры,

нарушив соглашение, отобрали у них имущество, оружие и продовольствие и стали уговаривать перейти в цинское подданство; но таких нашлось немного. Затем они отпустили албазинцев, и те отправились в Нерчинск. «Хлебных запасов и рогатого скота нет, — сообщал Толбузин нерчинскому воеводе И. Е. Власову, — идем наги и босы и голодны и питаемся травой и кореньем» [32, т. 12, с. 111]. В устье р. Уруши Толбузин отпустил 120 человек в Якутск, поскольку так было больше надежды, что не все умрут от голода. По дороге в Нерчинск албазинцев встретил отряд А. Кондратьева, шедший им на помощь [95, с. 143]. Маньчжуры следовали за албазинцами до Усть-Стрелки, а затем повернули обратно.

В Пекине торжествовали победу. Император устроил специальный прием, во время которого принимал поздравления от своих сановников и похвалялся собственной мудростью и прозорливостью. Сюань Е заявил: «Нынешнее дело искоренения русских как будто бы не имеет чрезмерной важности, однако все связанное с этим имеет огромное значение. Русские в течение 30 лет беспокоили районы нашего Хэйлуңцзяна и Сунхуацзяна, и места, захваченные ими, находятся в чрезвычайной близости от мест возникновения нашей династии. Если мы не искореним их, пограничное население не сможет жить спокойно и мирно» [70, с. 677].

Таким образом, разрушение Албазина — политического и хозяйственного центра русской власти на Амуре — не изменило цинских планов по «искоренению» русских. Император считал, что «необходимо разместить в здешних местах постоянные гарнизоны, чтобы внушать русским страх» [70, с. 692]. В августе 1685 г. из министерства финансов, военного министерства и Лифаньюаня были посланы чиновники для измерения расстояния между Айгунем и Гирином. В докладе, представленном чиновниками, сообщалось: «По измерении

нами расстояния от Улы-Гириня до Айхуня малою саженью в пять чи оказалось 1340 ли. Тут возможно соорудить 19 станций» [63, с. 543]. И так, до 1685 г. Цины даже не знали точного расстояния до Амура. Что уж говорить о более отдаленных районах бассейна...

В августе того же года Сюань Е приказал направить в Удской острог грамоту «с приказом вернуть нашего Циэрмэньа и других и более не вторгаться в наши земли» [70, с. 679]. Вскоре воевода Удского острога А. Амосов получил это послание: «Вы ныне подите в Якуцкой острог, и Якутской острог рубежом поставьте, и там подите живите, и с тамошних иноземцев ясак берите, и в нашу землю впредь отнюдь не ходите» [32, т. 10, с. 262].

Итак, политика «усмирения» русских в Восточной Сибири продолжалась. Но пекинские стратеги, тщательно измерявшие расстояние до Амура, скрупулезно подсчитывавшие число людей и оружия в своих войсках и у противника, не учли морального превосходства русских людей, которые защищали свою землю и не намерены были ее никому отдавать.

Героическая оборона Албазина

12 июля 1685 г. А. Л. Толбузин вместе со своими людьми добрался до Нерчинска. Несмотря на то что эти люди чудом избежали гибели, нерчинский воевода И. Е. Власов просил их, «чтоб они, албазинские жители, крайней государской отчины не покинули». При этом Власовым владела мысль о том, «чтоб не потерять государской Даурской земли и побежной из Нерчинска славы не учинить» [32, т. 12, с. 112].

Власов отправил по Шилке и Амуру 70 казаков во главе с Я. Телицыным, которому велел выяснить положение в районе Албазина. Вернувшись, Телицын доложил, что острог и заимки сожжены, но хлеб на полях

цел; маньчжуров казаки не видели, но обнаружили и привезли китайца Уонцыся — дезертира из цинской армии. Китаец сообщил, что цинское войско не уничтожило хлеб потому, что в Китае началось восстание и армия торопилась уйти с Амура; лишь в Айгуне осталось 500 человек [32, т. 12, с. 112]. Сведения эти были неверными: крупных восстаний в тот период в цинском Китае не было, а приказ об уничтожении урожая на корню был вполне определенным [70, с. 692].

Как бы то ни было, но эта весть обрадовала всех в Нерчинске. По имевшимся у И. Е. Власова сведениям, под зерновыми в Албазине было занято 1050 десятин, и ему не хотелось «того засеянного хлеба потерять, чтоб было чем великих государей ратных людей прокормить», а когда будут присланы «ратные люди на оборону Даурской земли, было б к чему им пристать». Поэтому он отправил из Нерчинска военный отряд А. Бейтона численностью в 198 человек, а немного погодя — отряд, состоявший из 123 албазинцев и 193 нерчинских казаков под командованием А. Л. Толбузина. Им было дано 6 пушек, «пищаль затинная», 160 ядер, 100 пищалей ручных, 50 бердышей, знамя и барабан. Всего же, по сообщению Власова, в Албазин было отправлено «ратных людей с ним, Алексеем, 514 человек, да промышленных людей и пашенных крестьян 155 человек, да 2 человека московских пушкарей» [32, т. 12, с. 113—114].

Власов приказал Толбузину соорудить временное укрепление, в котором разместить людей, и «из-за той крепости с поль хлеб сымать, не испустя времени». После уборки урожая Толбузин должен был соорудить новый острог, в котором выкопать колодец на случай осады: «А острог велел строить со всякими городовыми окрепами ниже старого албазинского места, чтоб неприятелю было не в уступку» [70, с. 83].

В конце 1685 г. Толбузин сообщил Власову, что

урожай с полей в окрестностях Албазина убран, но в дальних деревнях выше и ниже острога убрать не успели, «потому что де время опоздало». Албазин был построен на прежнем месте, причем толщина наружных стен, в которые засыпалась земля, достигала «4 сажени печатных, а в вышину полторы сажени печатных же. А выше де того города зделать не успел, потому что де земля замерзла» [70, с. 83] (1 сажень равна 2,1 м).

Маньчжуры в Айгуне довольно быстро узнали о возвращении русских на Амур и стали тревожить их постоянными набегами: небольшие конные отряды нападали на русские деревни и заимки, жгли строения и необмолоченный хлеб, угоняли лошадей, убивали или уводили в плен население. Император Сюань Е, получивший донесения цзянцзюня Сабсу о возвращении русских, не желал верить этому; но когда цинская разведка захватила «языка», крестьянина с Покровской заимки А. Федорова, цинскому двору пришлось поверить неприятным известиям [70, с. 681].

А. Федоров был привезен в «Наунские села», где «ево, Оксенка, про Албазин, и что в нем людей, и пушек, и всякого ружья, и пороху, и свинцу, и прежние ль люди, что в Албазине были, или вновь присланы, допрашивали». А. Федоров рассказал маньчжурам, что к прежним защитникам Албазина прибавилось 1500 человек (что более чем вдвое превышало истинную цифру) и что в остроге имеется пять пушек, но вскоре будут присланы еще [70, с. 87].

Получив эти сведения, император Сюань Е приказал в апреле 1686 г. начать новое наступление на Албазин: «Если вы город Албазин возьмете, то немедленно идите на город Нерчинск, а когда окончите дело, возвратитесь в Албазин и, разместив тут войска, перезимуйте» [70, с. 693].

В начале июля 1686 г. цинское войско остановилось в 5 верстах от Албазина, отправив в Албазин пленного

А. Федорова с очередным посланием Цинов. Как сообщил Федоров, цинские войска двигались на 150 судах, причем каждое судно вмещало от 20 до 40 человек; они располагали 40 пушками и не скрывали, что сразу же после взятия Албазина отправятся громить другие остроги [70, с. 87—88].

Итак, взятие Албазина должно было послужить началом для нападения цинских войск на остальные даурские остроги; именно поэтому сохранение Албазина или его падение могло иметь решающее значение для судеб Приамурья в целом.

К этому времени, по сведениям нерчинского воеводы, Албазин был «построен весь, только де башни не покрыты, и для всякого де времени колодезь в нем выкопан». Хлеба, по расчетам воеводы, «на осадное время тем людям, которые ныне в Албазине в осаде, будет им на год. А водою де нескудно» [70, с. 87].

По тем же сведениям, «в Албазине июля по 26 день служилых и промышленных людей и пашенных крестьян 826 человек, 8 пушек медных, 3 пищали затинных, пушка верховая, к ней 30 гранатов пудовых, 140 гранатов ручных, 5 ядер духовых, 112 пуд 36 фунтов с полуфунтом пороху ручного и пушечного, 60 пуд 6 фунтов с полуфунтом свинцу» [70, с. 84].

Послание, переданное цинскими военачальниками с А. Федоровым в Албазин, ничем не отличалось и от предыдущих, и от последующих «прелестных писем»: «А в том письме написано, чтоб албазинской воевода Алексей Толбузин отдал по-прежнему богдойским воеводам город Албазин, а сам и с служилыми людьми шел в Якутский острог или куды похотят в сторону царского величества со всеми пожитками своими» [70, с. 90]. Но албазинцы не поддались ни на угрозы, ни на уговоры врага: «Един за единого, голова в голову, а назад де без указа нейдём» (цит. по [95, с. 148]).

Начиная с 7 июля 1686 г. Албазин оказался в оса-

де: «Китайские де люди Албазинской обошли бусами вверх по заречной стороне, протокою, и стоят выше города, а конница де обошла горою. И стоят круг Албазина и ис пушек де по Албазину бьют непрестанно» [70, с. 99]. Маньчжуры неоднократно пытались взять город штурмом, но албазинцы не только отбивали все попытки, но и внезапными смелыми вылазками заставляли врага отступать. Тогда цинская армия перешла к длительной осаде: «Кругом Албазина завален вал, по валу устроены бойницы, да в четырех местах построены роскаты, и на тех роскатах поставлено по 2 пушки, да около одного роскату поставлено 15 пушек ломовых, а против города за Амуром зделан вал земляной же... Да они ж, неприятельские люди, около Албазина зделали 3 городка, и в тех городках построили многие юрты» [70, с. 110].

На пятый день после начала осады был тяжело ранен и вскоре умер воевода А. Л. Толбузин; командование принял А. Бейтон. По сообщениям албазинцев, они во время вылазок «побили человек с полтора ста да гранатными ядры убили китайских сотников дву человек»; но в то же время и «албазинских осадных сидельцов побили неприятельские люди 21 человека да в городе побили 40 человек, да померло собою от цынги 40 человек» [70, с. 109].

19 августа нерчинский воевода И. Е. Власов отправил по Шилке и Амуру 70 казаков во главе с Г. И. Лоншаковым к Албазину «для проведыванья вестей и взятъя языка». Вернувшись 27 сентября, Лоншаков сообщил, что «языка» взять не смогли; однако казаки видели, что Албазин не разрушен и в нем даже «по зарям бьют в барабаны», хотя город и обстреливается «ис пушек с трех сторон по трем башням днем и ночью непрестанно». Лоншаков сообщил также, что хлеб на полях от р. Одекон до устья Аргуни весь сожжен врагами, но вблизи Албазина еще цел [70, с. 105].

Неудача цинской армии была очевидна для императора Сюань Е, который вынужден был признать этот факт: «Наше войско осадило Албазин, но русские, хотя и оказались в чрезвычайно тяжелом положении, продолжают стоять насмерть». Причины такой стойкости албазинцев неясны были цинскому двору: «Наш двор неоднократно посылал [к русскому царю] грамоты, но ни разу не получал ответа, а между тем русские, находящиеся в Албазине, стоят здесь насмерть и не соглашаются уходить. Вероятно, это произошло потому, что прежние наши грамоты задержались в Нерчинске и других местах и не дошли до места назначения, или же оттого, что русские, проживающие в Албазине, — все осужденные преступники и не могут возвратиться на родину» [70, с. 682].

Удивление императора Сюань Е выглядело несколько наигранным, так как он прекрасно знал, что русские казаки не преступники и осваивают Приамурье с ведома и согласия русского правительства. Об этом сообщил в Пекине Спафарий, об этом же неоднократно доносила и цинская разведка. Видимо, чувствуя, что его «доводы» шиты белыми нитками, император заявил: «Мы послали войска к Албазину для привлечения русских на нашу сторону, мы не убили ни одного человека» [70, с. 682]. Но и эти слова были явной ложью: и в период первой осады Албазина, и во время второй осады погибла большая часть защитников крепости.

4 сентября 1686 г. цинский император, видя, что «молниеносная война» сорвалась (Цины собирались взять Албазин и Нерчинск до зимы) [70, с. 693], приказал отправить с голландским послом указ русскому государю: «В указе уведомить его, что мы посылали к нему грамоты неоднократно, потребовать, чтобы он отозвал русских из Албазина и Нерчинска, установить в определенном месте границу, которую ни одна из сторон не должна нарушать» [70, с. 682].

Цины не знали, что русское правительство уже предприняло шаги по прекращению кровопролития в Приамурье. Получив в 1685 г. известия о первом нападении маньчжуров на Албазин, в Москве было решено отправить в декабре того же года в Пекин гонцов — подьячих Посольского приказа Н. Венюкова и И. Фаворова. В царской грамоте, которую везли гонцы, русское правительство высказывало свое недоумение по поводу нападения на русские остроги и указывало, что любое недоразумение можно было бы решить мирным путем. Русское правительство сообщало, что для урегулирования русско-китайских отношений будет отправлен русский посол, и требовало отвода цинских войск от русских острогов [104, с. 40—42].

20 января 1686 г. русское правительство приказало «окольничему и намеснику брянскому Федору Алексевичу Головину ехать в великих и полномочных послех в сибирские города в Селенгинской острог для договоров и успокоения ссор китайского бугдыхана с присланными для того послы» [70, с. 71]. 26 января посол выехал из Москвы, а 6 сентября прибыл в Енисейск [70, с. 92].

Тем временем цинские войска продолжали осаду Албазина. В октябре 1686 г. цзянцзюнь Сабсу доносил в Пекин: «Мы, верноподданные, строго выполняем высокое повеление. В настоящее время в лагере с трех сторон вырыты рвы и насыпаны валы. За рвами поставлен деревянный частокол и рогатки. Повсюду расставлены сторожевые посты. К западу от города, на противоположном берегу реки, размещен отряд. Если оставить наши суда у восточного или западного берега реки, то их трудно будет удержать вследствие быстрого течения. Мы опасаемся, что, пока река не замерзла, по ней могут проскользнуть русские, а из Нерчинска можно ожидать подкрепления. Поэтому с целью обороны мы распределили воинов по обоим берегам реки, вдоль

которых поставлены наши суда. В 6—7 ли от города вверх по течению реки имеются удобные бухты, где после того, как река станет, можно держать наши суда. Для охраны судов сюда выделен специальный отряд воинов, которому приказано преградить путь подкреплению, если оно прибудет из Нерчинска» [70, с. 683].

31 октября 1686 г. Н. Венюков и И. Фаворов прибыли в Пекин, где вручили послание русского правительства «хановым ближним людям». Статус гонцов не позволял Венюкову и Фаворову вести переговоры с цинской стороной, о чем они и заявили «ближним людям». Цинские сановники сообщили русским гонцам свою версию событий в Приамурье. По их словам, причиной войны были действия албазинцев, которые поселились в Приамурье и собирали там ясак «без указу великих государей самовольством». Далее цинские представители изложили ход событий в Приамурье: разгром Албазина, восстановление его и новую осаду острога. Теперь же русское правительство прислало грамоту с предложением провести переговоры о мире: «И слыша о том мирном постановлении, хан их, также и они, хановы ближние люди, чтоб кровопролитие на обе стороны перестало, радуясь для того, что у хана их ни с которым пограничным государем войны не бывало, и ныне войны с царским величеством потому и не желая... быти в дружбе и любви желает, и, жалея тех людей, которые сидят в Албазине, чтоб з голоду не померли, войскам своим от Албазина отступить указал [70, с. 114—115].

Цинские представители предложили Н. Венюкову и И. Фаворову послать в Албазин двух человек с извещением о предстоящем приезде русского посла, «чтоб они до твоего, государя нашего, приезде в Албазине жили и для рыбных ловель и зверовья ходили, и от войска их не опасались для того, что к воинскому вое-

воде пошлет хан их указы свои жестокие, чтоб никакова задору с албазинскими казаками не чинили, также, государь, и по твоему заказу никакова задору, покамест совершенной мир учинитца, албазинские казаки не чинили б, и на Амур в судах не выходили б, и ясачных их людей не побивали, и ясаку с них не брали б, и естли де от того престанут, и оттого учинитца совершенной мир» [70, с. 115].

Когда русские гонцы отказались исполнить эту просьбу, объяснив, что не имеют на это полномочий, цинские представители заявили, что, «узнав» (в который раз!), что албазинцы «сидят в городе по указу царского величества, а не самовольно», не хотят, чтоб они умерли от голода. Если же Венюков и Фаворов не пошлют сообщение в Албазин, пригрозили цинские дипломаты, то цинским войскам не будет направлен приказ отойти от Албазина, и албазинцы перемерут от голода. Тогда русские гонцы отправили в Албазин казаков И. Шарاپова и П. Бушкова с письмом, в котором приказывали албазинцам жить «с великим опасением, что для тех войск, обнадежа мирным постановлением, над городом какова дурна не учинили» и чтоб воевода цинских людей «в город к себе не пускал, а виделся за городом, потому что тому их предложению не совсем верим» [70, с. 115—116].

Венюков и Фаворов узнали в Китае от «хановых ближних людей», что цинский император хочет заключить мирный договор, но при условии, «чтобы Албазину, конечно, за великими государями не быть, а до Нерчинского им и до Селенгинского дела нет». Гонцам удалось также узнать, что цинский двор намерен был послать своих послов в Русское государство, но приезд Венюкова и Фаворова утвердил Цинов в мысли, что русская сторона отнюдь не стремится довести конфликтную ситуацию на Амуре до большой войны с Китаем [70, с. 116].

Получив послание русского правительства, император Сюань Е издал указ: «Белый царь русского государства, соблюдая этикет, говорит о мире и спешно прислал гонцов с просьбой снять осаду Албазина. Мы изначально не имели намерения уничтожить город и [теперь] должны проявить великодушие. Следует приказать Сабсу и другим, чтобы они отвели войско, стоящее под Албазином, в одно место, разбили лагерь поблизости от боевых кораблей и зачитали русским, находящимся внутри города, мудрый [императорский] указ, [по которому] им разрешается передвижение из города и обратно, но не допускаются произвол и захваты» [70, с. 684].

Казак И. Шарапов и П. Бушков были доставлены в Албазин через Маньчжурию. После их прибытия цинские военачальники «туры, и рогатки, и щиты, и пушечной снаряд от города прочь отнести велели, и сами с войском уступили, и стали в прежних своих местах, где построены им кочевья зимовные». Русским посыльным свои действия цинские чиновники объяснили так: «И рады б де они от Албазина итти в Китайское государство, только итти им некоторыми делы невозможно, потому что у них бусы на Амуре замерзли, также и пушечной снаряд и всякие воинские припасы вести и самим им ехать не на чем». Шарапов и Бушков, прибыв в Албазин, отдали письмо Венюкова и Фаворова А. Бейтону, который отправил для переговоров в цинский лагерь двух казаков-албазинцев. Цинские командиры, по сообщению А. Бейтона от 19 декабря 1686 г., «дали свободы только на Амур-реку ходить для воды, а для рыбные ловли вдаль и в лес для дров и для сосны не пускают, для того что де китайские люди найдут русских людей в лесу, убьют, а за всяким де человеком им не уходить, а после де спона учинитца». Цинские командиры согласились пропускать лишь по 20—30 человек со скотом из Нерчинска в Албазин или обратно,

но в одиночку или с вьючными верблюдами пропускать не будут [70, с. 118—119].

Воспользовавшись этой возможностью, А. Бейтон отправил в Нерчинск казака М. Чаплина (с И. Шарповым и П. Бушковым). Чаплин сообщил Власову, что «в осадное де время на выласках и на городе побито и от ран померло человек со 100. А собою де сколько человек в осаде померло, того де он, Мишка, не ведает. А ныне де налицо в Албазинску служилых и всяких чинов людей от ево Мишкина отъезду осталось человек с полтораста, и те все перецынжали, а иные ранены, а в караулах де только человек с 30 да подростков человек с 15. А верховая де и полковые пушки все в целости, а пороху де пуд з 20, свинцу тож. А хлеба де в Албазине будет тем осадным людям июля до первых чисел». Получив это сообщение, нерчинский воевода И. Е. Власов отправил в Албазин 27 человек и 20 коров; «а на лечбу, господине, — сообщил Власов Головину, — от мыта и цынги, и от ран албазинским осадным людям послать мне нечево, а пороху и свинцу послать опасно» [70, с. 123].

Тяжелым было положение и маньчжурской армии под Албазином: по сообщению русского пленного М. Ахреянина, которого обменяли на пленного китайца, в период осады Албазина «побито китайских и мунгальских людей тысячи с полторы и больши» [70, с. 129]. В цинской армии имелись раненые и больные; 10 февраля 1687 г. император Сюань Е приказал: «Нам стало известно, что после снятия осады Албазина среди воинов имеется много больных. Это лучшие маньчжурские войска, мы испытываем чрезвычайное сожаление. Ныне специально посылаются два врача и лекарства для их лечения». Очевидно, болезни вызывались суровым климатом Приамурья, непривычным для цинских солдат. Кроме того, император предлагал: «Если теперь в городе есть больные русские, то эти врачи также мо-

гут оказать им помощь с тем, чтобы, возвратясь в свою страну, русские распространяли там славу о нашем великодушии» [70, с. 684].

В феврале 1687 г. цинские военачальники сообщили албазинцам, что «китайской хан, жалеючи албазинских осадных сидельцов, прислал в китайские таборы лекарей 2-у человек, и сколько де в Албазинску немощных людей, тому б дать им в китайской обоз имянную роспись». А. Бейтон ответил, что все албазинцы здоровы, хотя это было далеко не так: он хорошо помнил, как незадолго перед этим он просил цинских командиров пропустить нескольких албазинцев из города в лес для сбора сосновой хвои, отвар которой служил лекарством от цинги. «И китайские де воеводы, приняв служилых людей 12-ти человек, за свои караулы в лес для сосны отпустили и, перевязав, на арканах по полю таскали, и отпустили в Албазин чуть живых. И от того де мучения тех людей того дни 6 человек умре» [70, с. 149]. Этот горький урок научил албазинцев не доверять «великодушую» маньчжурских захватчиков.

В феврале 1687 г. Ф. А. Головин послал воеводе Власову в Нерчинск приказ: после вскрытия Амура отправить в цинский лагерь под Албазином человека, который бы потребовал ухода маньчжуров, напомнив им, что в конце прошлого года они «от отступления от Албазина отговорились за зимним временем, а хотели отступить по весне со всеми своими войски». Теперь же, после вскрытия Амура, пребывание маньчжуров вблизи Албазина может быть расценено лишь в том смысле, что «вновь зачинают они, полковые восводы, ссоры, кроме повеления государя своего» [70, с. 132—133].

Ни Головин, ни Власов не предполагали, что цинские военачальники действуют по указке своего императора и не намерены отводить войска. По сообщению

казаков, посланных со скотом из Нерчинска в Албазин, в цинском лагере ожидали, что «будет китайскому войску на весну перемена, а старое войско от Албазина возьмут» [70, с. 144]. Пока же положение цинских войск было весьма трудным: перебежчики сообщили, что «в китайских табарех многие китайские воинские люди помирают голодной смертью» [70, с. 157], что «у них в обозе голод великой, запасов никаких нет, и ели де, побивая на промыслех, меж себя своих людей» [70, с. 158]. Тем не менее цинские войска упорно стояли близ Албазина.

20 апреля 1687 г. в маньчжурский лагерь на Амуре прибыл из Нерчинска казак А. Вологда, который передал цинским командирам слова Власова относительно ухода от Албазина. 6 мая цинская армия отошла вниз по Амуру на 4 версты и остановилась в районе русской деревни Озерной. Перед отходом маньчжуры сожгли все свои осадные приспособления — туры, щиты, рогатки, на новом же месте они, по словам А. Вологды, «вал валят и рогатки ставят» [70, с. 157—158]. Албазинцы теперь могли выходить из острога и плавать вверх по Амуру; «а вниз де Амура-реки им для всяких потреб оне, китайские воеводы, ходить, и около Албазина всяких осадных своих заводов их неприятельского строения рушить, и хлеба сеять, и дворового строения строить за городом не велели, чтоб де в том никакие споны не учинилось» [70, с. 157]. По словам А. Байгашина, служившего переводчиком в цинской армии, «китайские полковые воеводы стали от города в ближних местах для того, чтоб не дать албазинским жителем никакова хлеба сеять, а как де пройдет время хлебному севу, и они де в то время пойдут в Китайское государство со всеми войски» [70, с. 159].

30 августа 1687 г. маньчжурское войско покинуло свой укрепленный лагерь и отправилось к устью р. Зеи. Перед своим уходом «китайские люди албазинским слу-

жилым людям говорили, чтоб в Албазине дворами строились и всякие заводы заводили по-прежнему, и бугдыханово де высочество с царским величеством в мирном поставлении рад быть навеки, и чтоб де русские люди их ни в чем не опасались» [70, с. 176].

К этому времени в Албазине оставалось только 115 человек [70, с. 163].

Героическая оборона стоила жизни многим албазинцам; однако она сорвала захватнические замыслы цинских стратегов и вынудила их вступить в переговоры с представителями Русского государства.

Нерчинский договор 1689 г.

Великий и полномочный посол Ф. А. Головин при отъезде из Москвы получил правительственный наказ, основываясь на котором он должен был вести переговоры с цинскими представителями о мирном урегулировании отношений. Территориальные статьи наказа гласили: «Учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что, кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также чтобы подданные обоих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили, с ясашных людей ясака не собирали и никаких обид им не чинили; пограничные ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежнего». Понимая, что в условиях фактической оккупации Приамурья цинскими войсками Русское государство стоит перед выбором: война или определенные уступки, русское правительство решило пойти на уступки. «По последней мере учинить границу рекою Амуром по реку Быструю (Бурею. — Е. Б.) или Зею, в Амур впадающие. Буде же и в сем поупрямятся, то по самой последней мере быть границею Албазину, а промыслы иметь по реке Амуру, Быстрой и по Зее» [104, с. 50—51].

Таким образом, русское правительство готово было пойти на значительные уступки цинской стороне, однако при любом варианте разграничения промысловая деятельность русских людей должна была распространяться на все течение Амура и его левые притоки. Если же цинская сторона не согласилась бы на установление границы по Албазину, русское правительство, несмотря на нежелание воевать, приказывало послу «военною всего сего домогаться рукою» [104, с. 51].

Когда в Москве стали известны результаты поездки в Китай И. Фаворова и Н. Венюкова, в Посольском приказе был составлен новый наказ Головину. В наказе, как и прежде, предписывалось добиваться установления границы по Амуру; если же этого сделать будет невозможно — по Бурее или Зее; если же и этого «учинить будет немочно, договариватца и домогатца всячески, чтоб быть границею Албазину. А промыслы иметь по реке Амуру и по те вышеписанные реки Быстру или Зию» [70, с. 177]. В случае полной невозможности установить границу по Албазину Головину следовало «учинить, чтоб в Албазине острогу и поселению и в том месте ратным людям с обеих сторон, как с стороны их царского величества, так и с стороны ханова высочества, ныне и впредь не быть» [70, с. 178]. Даже в варианте сноса Албазина граница делимитировалась лишь к западу от него, а восточный участок оставался неразграниченным. Кроме того, в этом случае за русскими сохранялось бы право промыслов на Зее и Бурее. Затем при этом варианте посол не должен был вступать в переговоры по другим вопросам и возвратиться в Москву.

Если цинская сторона не согласится и на эти предложения, переговоры следовало «отложить до иного благополучнейшаго времени», а военных действий не начинать «никакими мерами», кроме «самой явной от них недружбы и наглова наступления» [70, с. 178—

179]. Очевидно, новые уступки русского правительства, возглавлявшегося царевной Софьей, были вызваны как слабостью русских сил в Даурии, так и неудачами русской внешней политики на западе страны (провал похода в Крым князя Голицына в 1687 г.). Несомненно, стремление к мирному исходу конфликта, даже за счет серьезных уступок, в значительной степени определялось и той борьбой за власть, которая развернулась между сторонниками Софьи и приверженцами царя Петра [168, с. 168].

Головин получил этот наказ в сентябре 1687 г. в Удинском остроге, откуда отправился в Селенгинск. Из Селенгинска 19 ноября он отправил своего представителя С. Коровина с извещением о прибытии русского посольства на границу, где оно и ожидает «на съезд для вышечисанных договоров и вечного умирения и покою обоих государств ссорам государя вашего, его бухдыханова высочества, послов вскоре» [70, с. 211]. С. Коровин должен был добиваться, чтобы с обеих сторон послов сопровождало не более 500 человек охраны [70, с. 214].

Цинский двор согласился устроить посольский съезд в Селенгинске, а число охранных войск ограничить пятьюстами. 20 мая 1688 г. императорским указом членами цинского посольства были назначены сановник Сонготу, дядя императора князь Тун Гоган, начальник министерства Арни, президент Палаты цензоров Маци, командир охранного отряда Мала. Их должны были сопровождать 800 воинов (вместо условленных 500) [70, с. 685].

Проект русско-китайского разграничения в Приамурье был изложен в докладе Сонготу и утвержден императором: «Мы, подданные, считаем, что Нерчинск, Албазин, верхнее и нижнее течение Хэйлуницзян, а также все впадающие в него реки и ручьи находятся на наших землях и их нельзя оставить Русскому государ-

ству». В случае, если русская делегация согласилась бы с этими условиями и выдала Гантимура, цинская сторона согласна была подписать договор о границе [70, с. 685].

В июле 1688 г. цинские послы сообщили в Селенгинск, что из-за джунгаро-халхаской войны они не могут проехать через Монголию и вынуждены вернуться в Китай. Послы предложили Головину отложить посольский съезд до будущего лета [70, с. 334]. Несколько позже Головин получил известие из Албазина о том, что в июле того же года под Албазин вновь пришло цинское войско, которое скосило и уничтожило посеянный русскими людьми хлеб, мотивируя эту акцию неприбытием русского посла [70, с. 353, 695]. Положение албазинцев могло бы значительно улучшиться в случае прибытия туда Головина с его эскортом; к тому же 7 июля Головин получил прямое указание русского правительства идти в Албазин «с великим радением и поспешением, не останавливаясь нигде ни для чего ни малого времени» [70, с. 314]. Но Головин остался в Забайкалье, мотивируя свои действия опасностью нападения монгольских феодалов на русские остроги [70, с. 358—359]. Опасность эта действительно существовала, но не была столь велика, как считал Головин; после разгрома Головиным в марте 1688 г. ополчения монгольских феодалов, пытавшихся захватить Селенгинск, основной угрозой была цинская экспансия в Приамурье.

В январе 1689 г. русский посол отправил в Пекин подьячего И. Логинова для выяснения вопроса, «в каком месте быти съезду, близ Албазина или Нерчинска»; решение вопроса, как и в первый раз, предоставлялось цинскому двору [70, с. 400]. В Пекине И. Логинову сообщили, что цинский император выбрал местом посольского съезда Нерчинск, что цинские послы отправятся к Нерчинску мимо оз. Далайнор, а сопро-

вождать их будут, кроме прислуги, 1000 человек охраны [70, с. 455].

Но на деле получилось все по-другому. Сонготу и Тун Гоган действительно должны были двигаться по суше в направлении Далайнора с войском, но другая группа войск во главе с Ланьтанем, Сабсу и Баньдаршой должна была двигаться на судах по Амуру. Император предписал послам сначала настаивать на установлении границы по Нерчинску, но в крайнем случае согласиться на границу по Аргуни [70, с. 686]. Кроме того, император заявил: «Если [на месте] представится удобный момент, действуйте в соответствии с обстановкой» [70, с. 695]. Фактически это было разрешением на проведение военных акций.

В июле 1689 г. цинская флотилия из 120 судов прошла мимо Албазина вверх по Амуру [70, с. 461—462]; и почти одновременно близ Нерчинска появилась вторая часть цинского посольства, двигавшаяся по суше [70, с. 467]. Таким образом, русская сторона была введена в заблуждение и относительно сроков прибытия цинских представителей: они прибыли к Нерчинску на полмесяца раньше Головина, фактически оккупировав Приамурье. С точки зрения цинской дипломатии, такая политика должна была дать Цинам существенный перевес во время переговоров.

Головин понимал расчет цинских дипломатов, но сделать уже ничего не мог. Численность цинских войск значительно превышала численность русских войск: у Головина было примерно 1450 человек, включая 600 человек, находившихся в Нерчинске, а численность только прибывших по Амуру цинских войск достигала 3 тыс. [70, с. 745].

9 августа русское посольство прибыло в Нерчинск, а 12 августа состоялась первая встреча русских и цинских представителей (переговоры происходили на берегу р. Шилки, недалеко от Нерчинска). На этой встре-

че обе стороны изложили друг другу взаимные претензии: цинские послы заявили, что все земли до Байкала принадлежат Китаю и при определении границы нужно исходить из этого «исторического» факта. Русские послы предложили границей сделать р. Амур, так, чтобы левая сторона была русской, а правая — цинской [70, с. 509—513].

Во время второй встречи, состоявшейся 13 августа, русская сторона последовательно предложила установить границу по Амуру сначала до р. Быстрой (Буреи), затем до р. Зеи. Цинская сторона предложила, чтобы граница прошла через Нерчинск, с тем чтобы левобережье Шилки и Онона было русским, а правобережье — цинским [70, с. 516—518]. Но даже при «зейском» варианте уступки русской стороны были довольно существенными: Русское государство теряло значительную часть освоенного русскими людьми Приамурья, тогда как Цины, «уступая» чужую землю, не теряли ничего.

После окончания второй встречи цинские послы стали тайно переманивать на свою сторону российских «ясачных людей» — находившихся в окрестностях Нерчинска бурят и онкотов (до 2 тыс. человек). Возникла опасность совместного наступления на Нерчинск цинских войск и изменивших Русскому государству бурят и онкотов [70, с. 532; 95, с. 188].

До 23 августа оба посольства, не проводя совместных встреч, передавали друг другу через посыльных новые и новые проекты разграничения. Цинская сторона последовательно отвергла ряд русских проектов установления границы (по Албазину, по Одекону и т. д.) и выдвинула свой проект: границе быть по р. Горбице, впадающей в р. Шилку близ р. Черной, и по р. Аргунь; Аргунский острог перенести с правой стороны Аргуни на левую и больше по Аргуни русских поселений не строить; Албазин снести, а его жителей вывести [70, с. 537—538].

Все эти переговоры сопровождались подрывной деятельностью цинских представителей среди российского населения. А 21 августа цинские дипломаты сняли свой палаточный лагерь и переместились ниже по течению Шилки; на горах вокруг Нерчинска расположилось около 3 тыс. вооруженных солдат, а в непосредственной близости от стен города находились цинские караулы численностью до 100 человек [70, с. 536].

Ввиду явно недружелюбных намерений цинской стороны русские послы Головин и Власов предприняли меры по укреплению обороны города: «Круг Нерчинска велено того часа делать служилым людям надолобы тройные и подле надолоб окоп. А сами великие и полномочные послы со стрелецкими полками, вышед за надолобы, стали, ополчась, ожидая приходу китайских людей к острогу, в готовности». Это было все, что можно было сделать, поскольку «Нерчинский острог был гораздо мал и худ, и многие бревна подгнили, и к воинскому промыслу был безнадежен» [70, с. 537].

21 августа к Албазину по суше и по воде подошли цинские войска, которые в очередной раз уничтожили хлеб на полях. «И в Олбазине де хлебом и скотом великая скудость», — сообщал А. Бейтон [70, с. 608].

22 августа, исчерпав все возможности установить более выгодную для Русского государства границу по сравнению с той, что предлагали маньчжуры, русские послы, учитывая обстоятельства, ввиду недвусмысленной угрозы применения силы, решили согласиться с последним цинским проектом разграничения.

На следующий день русские послы сообщили цинским дипломатам о своей готовности установить границу по Аргуни и Горбице. Цинские послы согласились принять данный проект, но выдвинули новые условия, значительно менявшие общее направление границы. Они потребовали, чтобы граница от вершины Горбицы шла

не по ближайшим к Амуру хребтам (как предлагалось русской стороной), а по некоему горному хребту, который якобы расположен между реками Амуром и Леной и доходит до мыса Святой Нос. Когда же русские попросили указать на карте, где именно расположен Святой Нос, маньчжуры не смогли этого сделать: на их карте такого географического объекта не было [70, с. 557].

Переговоры вновь зашли в тупик. Однако 27 августа цинские послы все же приняли последний русский проект договора и больше не настаивали на границе до Святого Носа.

29 августа 1689 г. состоялась третья встреча послов, во время которой был подписан первый русско-китайский договор, получивший название Нерчинского. Договор состоял из преамбулы и шести статей, основные его тексты были составлены на латинском и маньчжурском языках.

В статьях 1 и 2 устанавливалось общее направление русско-китайской границы на Дальнем Востоке: граница должна была проходить по р. Аргуни, причем Аргунский острог переносился на русский, левый берег реки; далее граница устанавливалась по р. Горбице, которая впадает в р. Шилку близ р. Черной, а от верховьев р. Горбицы — по «каменным горам». Особо было оговорено, что район, расположенный между р. Удью (другое название — Уда. Не путать с одноименной рекой, притоком р. Селенги) и «рубежом каменных гор», остается неразграниченным «до иного благополучного времени», так как русские послы не имеют полномочий на такое разграничение.

Статья 3 решала судьбу Албазина: его надлежало разрушить, а жителей с их имуществом вывезти на русскую территорию.

Статья 4 указывала, что перебежчики, ушедшие на чужую территорию до договора 1689 г., возвращению не

подлежат; впредь же перебежчики будут без промедления выдаваться другой стороне.

Статья 5 разрешала подданным обеих стран свободно торговать на территории другой страны, при условии наличия у них «проезжих грамот».

Статья 6 устанавливала режим русско-китайской границы: лиц, самовольно перешедших границу и совершивших там преступление, следует отсылать на родину для соответствующего наказания; подобного рода инциденты не должны служить поводом к войне — они должны разрешаться путем дипломатической переписки или переговоров [68, с. 9—10].

Кроме того, русские послы настояли на том, чтобы цинские послы принесли устную клятву в том, что район Албазина не будет заселяться цинскими подданными [70, с. 596—597].

31 августа 1689 г. Головин направил в Албазин распоряжение об уничтожении острога и уходе всех русских людей в Нерчинск [70, с. 605—606]. В Аргунский же острог был отправлен приказ о перенесении острога на другой берег реки [70, с. 606].

8 октября А. Бейтон сообщил, что «он, Афонасей, город Албазин разорил и всякое деревянное строение сожег, и земляной вал раскопал при тех вышеописанных великих китайских послех и полковых воеводах. И собрался со всеми людьми на бусы, каковы ему, Афонасью, и под служилых людей дали, ис того албазинского места пошел» [70, с. 612].

15 октября 1689 г. русское посольство отправилось из Нерчинска в обратный путь и в январе 1691 г. прибыло в Москву.

В Москве, где к этому времени к власти пришло новое правительство, Нерчинский договор был встречен без энтузиазма. Уступки и потери со стороны Русского государства были совершенно очевидны, и потому в Посольском приказе занялись выяснением того, действи-

тельно ли Головин предпринял все возможное для защиты государственных интересов. После тщательного допроса очевидцев русско-китайских переговоров был сделан вывод о правильном поведении Головина в сложившейся ситуации [262, с. 203].

Что касается Пекина, то там Нерчинский договор был воспринят с откровенным ликованием. Император Сюань Е заявил: «В этом деле все было сделано в соответствии с моими желаниями» [70, с. 730]. Государственный совет в докладе императору откровенно признал: «Земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав ваших владений» [70, с. 686].

Оценивая Нерчинский договор 1689 г., следует отметить несколько существенных обстоятельств. Во-первых, он был заключен в условиях фактической оккупации цинскими войсками Приамурья, что позволило цинским дипломатам шантажировать русских представителей угрозой войны и разрушения слабых русских острогов. Во-вторых, с юридической стороны Нерчинский договор был документом несовершенным: тексты договора на разных языках были неидентичны, обмена картами произведено не было, демаркация границы не была осуществлена. Географические ориентиры, обозначившие линию прохождения границы, очень неясны: наиболее четким географическим объектом являлась р. Аргунь; что же касается р. Горбицы и цепи гор, по которым должна была проходить граница, то расположение их всегда вызывало разногласия географов и историков.

Совершенно неясным географическим ориентиром является цепь гор, названная в русском тексте «каменными горами», а в маньчжурском — Большим Хинганом. Маньчжуры полагали, что хребет севернее Амура является продолжением Большого Хингана, что не

соответствует точке зрения современной географии. Что касается русского текста, то «каменными горами» в то время именовался любой хребет, не имевший точного названия. Как известно, не существует единой горной системы, которая вела бы от вершин Горбицы прямо к морю: на этом пространстве расположены отдельные хребты Джугджур, Ям-Алинь, Буреинский и др.

Итак, Нерчинский договор ни фактически, ни юридически не определил русско-китайскую границу в Приамурье. Граница была установлена лишь на сравнительно небольшом участке — по рекам Аргуни и Горбице; вопрос о значительной части Приамурья (к югу от р. Уды) был официально отложен на будущее. Огромная территория Приамурья осталась, по существу, в неопределенном положении.

Глава 2

РОЛЬ ПРИАМУРЬЯ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЦИНСКОГО КИТАЯ В КОНЦЕ XVII—ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Приамурье в последнем десятилетии XVII в.

После заключения Нерчинского договора 1689 г. цинское правительство решило установить на устье Горбицы каменную стелу с текстом договора на пяти языках. Весной 1690 г. маньчжурский сановник Лантань был отправлен для выполнения этого приказа. Миновав новый маньчжурский город Мэргэнь (построен в 1690 г.) и перевалив через хребет Хинган, Лантань обнаружил русскую деревню, окруженную засеянными полями. «Тогда он призвал к себе их старшину Василия и спросил, почему [они] тут остались. Старшина ответил, что грамота с печатью о возвращении назад от начальника Нерчинска им была прислана в прошлом году, но только у них не хватает средств для переселения. Поэтому [они], хотя и опасались, что их всех перебьют на месте, [все же] посеяли немного хлеба с тем, чтобы собрать хотя на семена. При этом просил у сановника снисхождения и прощения. Лантань распорядился сломать их избы, но дал им средства, позволив убрать хлеб и взять при возвращении с собой» [70, с. 696].

16 июня 1690 г. экспедиция Лантаня достигла сво-

ей цели. Близ устья Горбицы была установлена каменная стела с текстом договора, который был фальсифицирован: совершенно отсутствовало упоминание о неразграниченном пространстве к югу от р. Уды; не было сказано о вершинах (верховьях) р. Аргуни, являвшейся границей [70, с. 687].

Самовольное изменение текста Нерчинского договора отражало стремление цинского двора к новым территориальным захватам в Приамурье. Так, подьячему Г. Лоншакову, прибывшему в Пекин в мае 1690 г. с извещением, что Аргунский острог не мог быть перенесен на другой берег р. Аргуни из-за наступления зимы, удалось узнать, что Цины отправили на Нижний Амур военную экспедицию, хотя в тех местах «живут царского величества ясашные иноземцы и ясак платят в Якутской острог» (цит. по [71, с. 8]).

Вскоре выяснилось, что цинские войска были посланы в места, разграничение которых было в 1689 г. (согласно тексту Нерчинского договора) отложено: по сообщению удских казаков, в 1690 г. на р. Тугур проходило маньчжурское войско «с пушками и со всяким огненным боем» и направлялось к Удскому острогу, но затем по неизвестным причинам вернулось назад [262, с. 201].

Это была последняя акция Цинов в Приамурье. В последующие годы внимание маньчжуров было приковано к Монголии и Джунгарии, и Приамурье перестало интересовать их. На Амуре до середины XIX в. не было построено ни одного города. Существовал только Айгунь. По сообщению подьячего П. Хмелева, в 90-х годах XVII в. в том городе «поставлена сила тысяч десятка с полтора, а снаряду пушек ста с полтора и больши, а порох у них за городом, а не в городе, про то мы допряма знаем. А недоплыв города, тут есть увал и с тово увалу ис пушек бить в меру. А город не плотен, нижево бою нет» (цит. по [191, с. 109]).

Построенный в 1683 г. и объявленный центром провинции Хэйлунцзян, Айгунь с вытеснением русских из Приамурья потерял всякое значение для Цинов. Хэйлунцзянский цзянцзюнь был в 1691 г. переведен из Айгуня в новый город Мэргэнь, а в 1700 г. — в Цицикар (основан в 1691 г. на месте «Наунских сел») [206, с. 16]. Перемещение маньчжурского наместника в глубь Маньчжурии являлось фактом очень многозначительным: цинским правителям не нужен был необжитый и плохо известный край, поскольку он интересовал их лишь как буферная полудикая территория между Цинской империей и Русским государством.

Айгунь превратился в глухой пограничный пункт, в котором проживали лишь цинские пограничники да ссыльные. Русский китаевед Н. Я. Бичурин дал следующее описание Айгуня: «От Зеи вниз по Амуру — на правом его берегу — лежит Сахальянь-ула-хотонь (Айгунь. — Е. Б.), главный в сей стране город, имеющий около 4-х верст протяжения по берегу. С верхнего конца его отдельно построен каменный двор для пороха, а пониже лежит крепость, обведенная двойными надолбами. Внутри сей крепости находятся казенные дома для главноначальствующего и других военных чиновников, а за крепостью учебное поле с высокою земляною насыпью. От крепости вниз по берегу живут солдаты и обыватели. На нижнем конце города лежит каменная крепостца, содержащая около ста сажен в поперечнике. Стены имеют около двух сажен вышины; толщина их и внутренность крепости неизвестны. На стенах по местам видны небольшие чугунные пушки без лафетов, покрытые каменными сводами» [118, с. 242].

Обязанности айгунского гарнизона сводились к периодическому осмотру русско-китайской границы, под которой цинские пограничники понимали реки Аргунь и Горбицу. По сообщению Г. Ф. Миллера, проверка

осуществлялась двумя отрядами цинских войск: «Одна партия ходит по Амуру и по Шилке вверх до речки Горбицы, а другая отправляется сухим путем в верхние места реки Аргуна и следует по сей реке вниз по южно-восточному берегу до ее устья» [190, с. 325].

Цинский источник детализирует эту картину: «Ежегодно в пятом месяце из 3-х городов — Цицикара, Мэргэня и Айгуня — посылались по 100 солдат для патрулирования границы. Они двигались к восточному берегу реки Кербичи (Горбицы. — Е. Б.) проверять, нет ли следов лагерных стоянок на песке и траве.

Это путешествие занимало 50 или 60 дней. Те, кто отправлялся из Цицикара, следовали по северо-западной дороге через гору Ту-эр-ку-эр Хинганского хребта, плыли по рекам Си-ни-ко, Кай-ла-ли и И-му. Здесь трава росла, не приминавшаяся никогда колесами повозок, а чтобы проложить и отметить дорогу, прорубались сквозь деревья. Те, кто шел из Мэргэня, двигались к северу через те же горы, но путь прокладывать было легче. Айгунская партия двигалась по Амуру на судах мимо Яксы (Албазина. — Е. Б.) к пограничному знаку» [88, т. 2, с. 553].

Итак, маньчжуры даже не пытались осматривать территорию севернее Амура, считая границей лишь Горбицу и Аргунь (как это и было фактически).

Являясь пограничным пунктом, Айгунь в то же время служил местом ссылки политических и уголовных преступников. Переводчик цинского посольства на Нерчинских переговорах Ф. Жербийон отмечал в своих записях: «Далее по пути нам встретилась другая группа бывших чиновников, сосланных в Ула, Айгунь, Нингуту и другие подобные места в Восточной Татарии и теперь служивших на судах простыми солдатами. Они доведены до ужасного положения условиями ссылки, их используют на самых тяжелых работах: либо на повалке леса для государственных нужд, либо на бурлачении

судов; одежда у них была страшная и заношенная, у большинства были седеющие или совершенно седые бороды» [70, с. 745].

Наличие в Айгуне ссыльных отмечал и П. Хмелев: «А в том городе ссыльных людей гораздо много, а все честные (знатные. — Е. Б.) люди, а верстаны в конную и пешую службу, и оне будут какие бойцы» [191, с. 109]. Следует отметить, что ссылке на Амур подлежали как китайцы, так и маньчжуры: так, за побег из армии знаменный солдат столичного гарнизона ссылался на Амур [117, с. 125].

Разумеется, при слабой заселенности и фактической неосвоенности всей Маньчжурии преступники могли ссылаться и в другие маньчжурские гарнизоны, где они становились домашними рабами знаменных, солдатами или хлебопашцами. Так, в 1765 г. цинское правительство издало указ: «Ссыльные в Фынь-тяне, Нингуте, Хэй-лун-цзяне и прочих местах, согласно очередям, имеют быть приписываемы в качестве рабов к гарнизонным знаменным солдатам (чжу-фан бин-дин) каждой отдельной провинции» [63, с. 382].

Цинское правительство сделало несколько попыток закрепить на Амуре с помощью создания казенных земледельческих поселений. Было образовано 32 поселения, в которых ссыльные должны были заниматься земледелием «для запаса хлеба и сена». «В каждой такой ферме было поселено по 10 человек — 1 чжуан-тоу (старшина) и 9 работников, которые занимались хлебопашеством, охотой, выжиганием угля и извести и заготовкой тростника на маты. Однако эти фермы существовали, видимо, недолго. Ссыльные ушли самовольно в другие места, некоторая часть их поселилась в низовьях Зеи, образовав несколько мелких деревушек вместе с даурами и маньчжурами (так называемый «Маньчжурский клин», существовавший до 1900 года)» [201, с. 109].

Таким образом, Приамурье осталось не заселенным и не освоенным маньчжурами и китайцами: там существовали лишь Айгунь и несколько маньчжурских поселений на другом берегу, при устье Зеи. Граница по рекам Аргуни и Горбице никем не охранялась и лишь периодически подвергалась проверке; на самом Амуре цинские власти выставляли два сезонных караула — в устье р. Кумары (Хумаэрхэ) и на излучине Улусу-Модон (Корсаковский кривун). Личный состав этих караулов с наступлением зимы уходил в Айгунь [201, с. 110].

Несомненно, что отсутствие постоянной цинской охраны на Горбице и Аргуни в значительной степени было обусловлено добросовестным выполнением русской стороной своих договорных обязательств. Между тем сразу же после заключения Нерчинского договора русское правительство стало получать предложения джунгарского правителя Галдана Бошокту-хана о заключении русско-джунгарского военного альянса в обмен на пересмотр территориальных статей Нерчинского договора 1689 г.

Военный альянс с Россией был давней мечтой Галдана: еще в 1688 г., в период джунгаро-халхаской войны, Галдан распускал слухи о том, что джунгары ведут войну, «соединяся царского величества с людьми» [70, с. 307], что в его войске «русские люди есть многие, также огненного ружья и пушек с ним много» [70, с. 360].

В феврале 1690 г. в Иркутск, куда прибыл Головин, возвращавшийся из Нерчинска, явился посланец Галдана, зайсан Дархан, привезший предложение Галдана Бошокту-хана о совместном наступлении джунгарских и русских войск на халхаских феодалов. Головин для выяснения обстановки направил к Галдану казака Г. Кибирева, поручив ему узнать, «ныне в коих местах Бушукту-хан стоит, и сколько с ним воинских лю-

дей числом, и куды мыслит совершенно итти; и каким поведением от китайского хана к нему, Бушукту-хану, послы были ль и в какое время, и что у них с калмыцким Бушукту-ханом в договорах учинилось» [70, с. 628].

Тем временем Галдан, не имея известий о результатах своего посольства, направил еще одного посла — Аюку Дархана, который в июне 1690 г. прибыл в Нерчинск. Теперь Галдан предлагал уже военный союз не только против халхасцев, но и против Цинов: «Я бы вместе с их государевыми ратными людьми на войну и вместе бы заодно воевать китайцев и мунгал или мир учинить». Но нерчинский воевода Ф. И. Скрипицын, не желая нарушить Нерчинский договор, не стал оказывать помощь джунгарам (цит. по [193, с. 31]).

В марте 1691 г. состоялись переговоры между иркутским воеводой и послами Галдана, выразившими сомнение в правомочности Цинов производить разграничение в Приамурье: по словам джунгарских послов, «преж сего была земля, на которой земле был построен Албазин, мунгальская, а не богдойская, и мунгалами де и землю завладел он, Бушухту-хан, и тою землю Бушухту-хан им, великим государем, поступитца, естли будет их царскому величеству угодно строить по-прежнему города, а богдыхану де до той земли дела нет» (цит. по [193, с. 30]).

В подтверждение своего заявления послы Галдана сообщили, что «по леву де сторону ниж Албазина от хребта вниз по Амуру никаких городов и слобод китайских не было и ныне нет, а город де Наун слободами стоит на китайской земле... и по левую де сторону Амуре-реки, ниж Нерчинска и Албазина, жили тунгусы и юкагири и иные многие роды мунгальские и ясашные люди, а не китайские, вклепался де богдыхан в тою землю напрасно» (цит. по [193, с. 30]).

Претензии Галдана на Приамурье могли бы сделать принципиально иной картину Нерчинских перегово-

ров, будь они выдвинуты несколько раньше; теперь же военная поддержка Галдана русскими войсками означала бы войну с Цинской империей. Впоследствии же не исключена была борьба за Приамурье и с самими джунгарами. Очевидно, именно поэтому русско-джунгарские переговоры, состоявшиеся в Москве в 1692 г., окончились безрезультатно [95, с. 199].

Слухи о русско-джунгарских переговорах чрезвычайно встревожили цинский двор. Уже в июне 1690 г. подьячему Г. Лоншакову, прибывшему в Пекин в связи с задержкой переноса Аргунского острога, были сообщены слова императора Сюань Е: «Галдан создает гражданские смуты. Не имея пищи и места, куда бы он мог уйти, он грабит территории, прилегающие к нашим владениям. Сейчас он заявляет о своем желании соединиться с вашими солдатами и совместно вторгнуться в Халху. Но халхасцы всегда подчинялись нашей империи. Так что если ваша страна вступит с ним в союз, это будет нарушением взаимного доверия и договорных обязательств, что приведет к войне. Вы должны отправить двух добрых конников в Россию и передать начальнику Нерчинска Ивану Власову, чтобы он соответственно проинструктировал своих людей» [88, т. 1, с. 104].

Разумеется, слова о «подчинении» Халхи были ложью: Халха лишь весной 1691 г. была включена официально в состав Цинской империи; но Г. Лоншаков, избегая обострения отношений, отправил гонцов в Нерчинск. В январе 1691 г. в Нерчинск прибыл цинский представитель Кишты, доставивший послание командующего знаменным корпусом Сонготу, бывшего участником переговоров в Нерчинске, написанное на имя И. Е. Власова (в это время в Нерчинске воеводой был уже Ф. И. Скрипицын).

В письме содержалось предостережение против коварства джунгаров, которые «промеж нами обманом

ходят», а также наполовину просьба, наполовину угроза относительно возможного вмешательства русских в джунгаро-цинскую войну: «Ваши б люди с ними не мешались, чтоб их не побить». Нерчинский воевода, по всей видимости, запросил инструкций свыше и лишь в июле послал в Пекин успокоительный ответ [95, с. 199—200].

Позиция России в цинско-джунгарском конфликте была по достоинству оценена в Пекине. Позднее, в 1700 г., император Сюань Е опубликовал следующий указ, интересный не только оценкой русско-джунгарских отношений, но и откровенным признанием, что земли, отошедшие к Цинам по Нерчинскому договору, никогда прежде цинскими не были: «Россия расположена очень далеко от нас, на далеком берегу северо-западного моря. Русские проявляют к нам лояльность и уважение. Когда Галдан находился в крайне затруднительном положении, он просил помощи у России и не получил ответа. Ранее, когда мы направили людей для размежевания границ, Россия тут же преподнесла нам в дар земли Нерчинско. Граница была установлена восточнее [их]. Нерчинск и другие места прежде принадлежали племенам бурятов и урянхов, которые жили в лесах и охотились на соболей. Их называли «жителями лесов». Позже, когда Россия стала сильной и могущественной, она присоединила их. С тех пор прошло 50—60 лет» [71, с. 51].

В январе 1692 г. цинские власти направили нерчинскому воеводе новое письмо (как и предыдущее, от имени Сонготу), в котором поставили вопрос о разграничении русской территории и территории Халхи; по словам Сонготу, данный вопрос был якобы отложен на Нерчинской конференции, хотя на самом деле Головин категорически отказался даже обсуждать его, так как в тот период Халха была независимым государством [194, с. 11]. Но русское правительство не спешит

ло обсуждать вопрос о разграничении земель на монгольском участке.

В Москве существовали серьезные сомнения в том, будет ли цинская сторона соблюдать Нерчинский договор. Для выяснения этого в начале 1692 г. было решено направить в Китай полуофициальную миссию, которую возглавил торговец И. Идес. Идес должен был выяснить, намерен ли цинский император сохранить мир с Россией, будет ли он способствовать развитию русско-китайской торговли, не собирается ли он строить крепости на оставленной русскими территории, а также заверить цинское правительство в желании России точно соблюдать все условия Нерчинского договора 1689 г. Идес должен был уклониться от переговоров по пограничным вопросам, но постараться тайно выяснить планы цинского двора по дальнейшему размежеванию в Приамурье. Русское правительство поручило также ему выяснить, каковы истинные размеры потерь России по Нерчинскому договору: «Тем рубежом сколько с Албазиным отошло из их великих государей стороны по Амур-реку рек и земель и ясачных всяких народов, которые служили их царскому величеству и дань давали, и на много ль того верст». Избегая осложнений в русско-китайских отношениях, правительство предписывало Идесу узнать, не ходят ли русские люди через границу на цинскую территорию «и китайцы в том на них не жалуютца ль», а также «и китайцы на их государеву сторону чрез тот же рубеж не переходят ли и обид каких русским людям не чинят ли?» (цит. по [194, с. 10]).

Идес прибыл в Пекин в ноябре 1692 г. Он выполнил церемониальный обряд «коутоу» (ему это было разрешено русским правительством как человеку, не состоявшему в русском подданстве), передал подарки императору, в результате чего в цинских исторических хрониках появилась запись: «Чаган-хан России напра-

вил посла преподнести дань». Однако там же зафиксирован и любопытный отзыв Сюань Е о России, свидетельствующий о понимании ее истинного международного положения: «Конечно, это великолепно, что иностранные вассалы вынуждены приходить для представления дани, но мы опасаемся, что через несколько поколений Россия сможет причинить заботы. Короче говоря, до тех пор, пока Срединное государство является мирным и сильным, иностранные смуты нам не будут страшны. Поэтому укрепление нашего могущества есть дело первостепенной важности» [88, т. 1, с. 106].

1 февраля 1694 г. И. Идес вернулся в Москву, привезя товары, продажа которых позволила казне получить 7646 руб. прибыли [235, с. 114]. Но дипломатические результаты его поездки были весьма скромными: он сообщил, что с большим трудом ему удалось узнать от европейского миссионера, близкого к правительственным кругам, что «богдыхан принял мир с любовью и с великими государями тот мир вельми желает держать нерушим, и впредь царского величества над городами никакого зла не мыслит». Относительно будущего разграничения Идесу «проведать было нельзя, для того что народ подозрительной и обманчивой»; но в период пребывания его в Пекине цинские представители вновь поднимали вопрос о желательности скорейшего разграничения на монгольском участке (цит. по [71, с. 11—12]).

Идес не смог ничего узнать о размерах потерь, понесенных Русским государством по договору 1689 г.: «А сколько по описанному договорному рубежу с Албазиным с стороны царского величества ясачных людей всяких народов в китайскую сторону отошло и на сколько верст по Амуру реку земель, о том проведать было невозможно, для того что великих государей ясак с тех албазинских ясачных людей збирался в Албазин, а как Албазин разорен, и в который город из Албазина

те ясачные зборные книги взяты, и о тех книгах ему, Елизарью, ведомости из Сибирского приказу не дано, в который город взяты или к Москве присланы, а кроме ясачных книг ведомости ему, Елизарью, взять о том негде. А чрез Албазин ему, Елизарью, путь не надлежал и о земле доведатца было невозможно» [33, с. 344—345].

И. Идесу в Пекине были сообщены жалобы цинских властей на то, что в Приамурье было замечено «российских промышленников с двадцать человек, перешедших границу для промысла зверей» [104, с. 71]. Цинские представители требовали, чтобы «сии нарушители спокойствия сысканы и пред китайскими пограничными начальниками смертию казнены были непременно; в противном случае пошлются здешние люди, кои, вошед в российские селения, взаимное произведут междуособие» [104, с. 71].

Итак, первая попытка русского правительства выяснить размеры ущерба, понесенного Русским государством в связи с оставлением русскими Приамурья, успеха не имела. Этот ущерб, как следует из наказа Идесу, отождествлялся в основном с уменьшением налоговых поступлений в казну, что можно было в какой-то степени возместить за счет развития русско-китайской торговли.

В 1693 г. цинское правительство издало «Правила сношений с русскими», которые касались торговых, политических и пограничных вопросов. Относительно торговли в «Правилах» говорилось: «Когда русские купцы будут приходить в Пекин для торговли, их число не должно превышать 200 человек, и они должны приходить только 1 раз в 3 года. Они должны пользоваться собственными лошадьми и верблюдами. Их товары не должны облагаться пошлиной, но и они не должны торговать контрабандными товарами. По прибытии в Пекин они должны селиться в «русском доме» и могут

оставаться в Пекине 80 дней. Провианта от казны они получать не будут» [88, т. 1, с. 106—107].

Кроме того, в «Правилах» говорилось, что Идесу, несмотря на хороший прием в Пекине, были возвращены царская грамота и подарки, поскольку привезенная им грамота была составлена «неверно» (титул царя располагался выше титула императора). «Впредь, когда посланник России прибудет на границу, генерал Хэйлунцзяна должен вскрыть послание и определить, соответствует ли оно правилам. Если оно составлено неверно, то его следует задержать на границе. Только после тщательного досмотра и проверки формы послания оно может быть представлено двору» [88, т. 1, с. 106—107].

В тех же «Правилах» говорилось, что ввиду появления российских промышленных людей в Приамурье необходимо связаться с воеводой Нерчинска и потребовать от него «расследовать факты и наказать русских, и объявить людям своей страны, что впредь им не позволено пересекать границу. Если начальник города не прикажет строго выполнять этот закон, тогда мы свяжемся с Чаган-ханом (русским царем. — Е. Б.) и велим ему наказать начальника Нерчинска» [88, т. 1, с. 107].

Но сибирская администрация была совершенно не виновата в случаях появления российских подданных—промышленных или «ясашных людей» в Приамурье. Неопределенность русско-китайской границы севернее Амура, неохрляемость даже фиксированной границы (по Аргуню и Горбице) приводили к тому, что местное население обеих сторон появлялось на чужой территории.

Русское правительство постоянно заботилось о недопущении подобных случаев: так, в наказных статьях нерчинским воеводам от 18 февраля 1696 г. говорилось: «И в Нерчинску и во всех острожках всяких чинов лю-

дем учинить наказ под смертною казнию, чтоб никаких чинов люди и ясачные иноземцы ниоткуда против сих договорных розменных писем за вышеписанные границы на китайскую сторону для звериных и птичьих для каких промыслов отнюдь не ходили» [61, т. 3, с. 249]. Воеводам рекомендовалось переписываться с цинскими властями «осторожно и разумно, чтоб тем его письмом или какими ответы Даурской стране не навесь какой тягости и с китайскими людьми розгласия, и его, великого государя, людем, которые в Китай с торгами ездят, трудности» [61, т. 3, с. 251]. Воеводам приказывалось «смотреть и беречь накрепко», чтоб никто не ездил в цинский Китай торговать, минуя Нерчинск, «чтоб в том великого государя пошлина не терялась» [61, т. 3, с. 242].

Нерчинские воеводы неукоснительно соблюдали этот приказ: так, в 1699 г., отпуская двух казаков «вверх Черной речки на постороннюю речку на Урим и на Зилинбу для прокормления рыбного промыслу», воевода И. С. Николев приказал им «за китайскую границу для рыбного промыслу не ходить, чтоб в том с китайским богдыханом какой споны не учинилось» (цит. по [194, с. 14]).

В 1701 г. наказные статьи нерчинским воеводам были повторены дословно [61, т. 4, с. 123—126]. В 1706 г. был издан специальный царский указ, требовавший от сибирской администрации неослабного контроля за приграничным населением, «чтоб за китайский рубеж, за границу, по договорным статьям русские люди с стороны нашего царского величества ни для какова промыслу отнюдь не ходили»; в указе говорилось, что за недомотр виновным «учинена будет смертная казнь без всякого отлагательства» [71, с. 75].

Однако неопределенность границы севернее Амура приводила к постоянным и, как правило, неумышленным переходам на русскую или цинскую территорию

подданных той или другой державы. Были, разумеется, и специально запланированные побеги за границу: так, в 1700 г. среди нерчинских казаков возник заговор, направленный против городской администрации: заговорщики «Никитка Мара, Васька Пешков с товарищами думали и хотели великому государю изменить и всякую его, великого государя, казну пограбить, и воеводу Ивана Николева убить и ограбить, и таможенного голову Петра Худякова и государевых купчин и торговых и свою братью служилых людей, собрався многолюдством, грабить же, и с пушками и с мелким ружьем великому государю изменяя, уйтить по Амуру-реке вниз к морю» [61, т. 1, с. 142—143]. Между казаками, намеревавшимися поднять бунт, не было единства: одни на следствии говорили, что «хотели в Албазине город строить»; другие утверждали, что собирались доплыть по Амуру до моря, где на одном из близлежащих островов зажить свободной общиной. Казаки понимали, что им трудно будет миновать Айгунь: «А мимо китайских береговых по Амуру городов хотели они проплыть к морю обманом, так что назватца будто от великого государя послы за море они посланы, и, тому бы де китайцы поверя, их пропустили без задержания» [203, с. 128—129].

С китайской стороны также бывали случаи побегов на русскую территорию: в июле 1703 г. нерчинский воевода М. Ю. Шишкин получил от хэйлуңцзянского цзянцзюня Шанахая письмо с просьбой найти и выслать цинским властям «беглецов Селенка с бабами и парнями и з девками, всех 12 голов, которые убежали к Горбице-реке» [21, с. 135]. Воевода велел русским служилым людям перебежчиков «искать с великим прилежанием накрепко» [21, с. 136].

Однако цинские власти не были удовлетворены этим и отправили вооруженный отряд в составе 70 человек на русскую территорию, что явилось прямым наруше-

нием Нерчинского договора и, по сути дела, враждебной акцией по отношению к России. Но цинскому отряду не удалось найти перебежчиков: это сделали братья Федор и Яким Лоншаковы, доставившие пленных в Нерчинск, откуда они были отправлены на цинскую территорию [21, с. 147—149].

Русское правительство и в дальнейшем строго придерживалось пункта Нерчинского договора о выдаче перебежчиков цинским властям; так, в 1710 г., когда близ Нерчинска были обнаружены пятеро цинских подданных, бежавших из «Наунских сел», они были переданы цинской администрации, а иркутскому губернатору было послано подтверждение запрета принимать цинских перебежчиков [71, с. 117].

Русские исследования на Дальнем Востоке в конце XVII — начале XVIII в.

Несмотря на вынужденное оставление русскими людьми Приамурья, процесс исследования и хозяйственного освоения Дальнего Востока продолжался. В 1697—1699 гг. группа казаков во главе с В. В. Атласовым исследовала и включила в состав Русского государства Камчатку; Атласов отбил у ительменов пленного японца по имени Денбей (Дэмбэй), занесенного на полуостров штормом. Атласов сообщил, что «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют» [30, с. 16].

Разумеется, никаких «каменных городов» на Курильских островах не было; до камчатских жителей дошли смутные слухи о Японии, которые заинтересовали и русское правительство. В России, как и в других странах Европы, существовали преувеличенные представления о богатстве Японии (так, Н. Г. Спафарий

писал, что в Японии «больше 100 рвов серебряной руды копаются» [77, с. 13]), но точных сведений о местоположении Японии не имелось. Русские казаки, собирая в середине 50-х годов XVII в. ясак с жителей Сахалина, узнали, что в южной части о-ва Хоккайдо проживает народ «чижем» — японцы; но каким путем и за какое время можно добраться до Японии, не было известно [212, с. 58].

Наиболее удобным пунктом для отправки экспедиции в Японию было устье Амура, так как Приамурье было уже освоено русскими людьми; но после 1689 г., как справедливо отмечает С. Знаменский, «для окончательных розысков Японии — не по книгам и картам, но фактически на океане — приходилось отправляться не с устья Амура, закрытого для нас, а из более отдаленных пунктов Тихоокеанского побережья — с устьев рек Уды, Ульи или Охоты, из пунктов, не связанных с внутреннею Сибирью таким прекрасным путем, как широкий и многоводный Амур» [154, с. 33].

Очевидно, эта причина была определяющей в настойчивом стремлении русских властей исследовать Тихоокеанское побережье и прилегающие к нему острова. В 1710 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин приказал якутскому воеводе Д. А. Траурнихту и подьячему И. Тараринову отправить людей для исследования островов, расположенных против устья р. Уды. Тогда же было приказано «для проводывания от Уцкого острогу до Нерчинска пути прикащику послать из Удского в Нерчинск служилых двух человек» [56, кн. 2, с. 48]; это была, по сути дела, первая попытка русских властей связать Забайкалье с Тихоокеанским побережьем сухопутной дорогой, не используя Амур. Однако посланные казаки в Нерчинск пройти не смогли и вернулись обратно ни с чем.

Другое задание Гагарина было выполнено более успешно: казаки, возглавлявшиеся И. Быковым и С. Ана-

барой, доплыли до Шантарских островов и осмотрели их. Острова оказались необитаемыми; лишь на третьем из осмотренных островов «нашли они, Иван с товарищи, иноземскую женку, языку ее и она их, Иванова с товарищи, не знала». Острова оказались вполне пригодными для жилья, и казаки прожили там целый год: «А на том де острове соболи, и лисицы, и волки, и медведи, и лес листвяк, и ельник, и березник, и осинник есть» [56, кн. 2, с. 48—49].

Почти одновременно с Шантарскими островами были открыты и Курильские. Их открытие было прямо связано со стремлением русского правительства найти путь в Японию и установить с ней торговые отношения: так, при назначении якутского казачьего десятника В. Савостьянова приказчиком Верхнекамчатского острога ему был дан наказ: «Домогатца ему всякими мерами, по которое время прислан будет с Москвы из спалников, и чтоб учинить с Японским государством меж русскими людьми торги немалые, как и у китайцев с русскими людьми бывают торги и посылаютца с Москвы великого государя с товары купчины, чтоб в тех новоприискных торгах великого государя казне учинить многую прибыль» [56, кн. 1, с. 418—419]. Но местоположение Японии было неясно, и потому Савостьянов должен был выяснить, «какими пути проезд к ним бывает», и сообщить все сведения в Москву, в Сибирский приказ [56, кн. 1, с. 418—419].

Очевидно, содержание наказа стало известно камчатским казакам. В январе — марте 1711 г. они восстали, убив несколько приказчиков, и решили заслужить прощение за свое преступление открытием Японии. Возглавленные И. Козыревским, в августе 1711 г. казаки вышли в море и обследовали два острова Курильской гряды, взяв ясак с местного населения (айнов). В сентябре того же года они подали челобитную на имя царя с просьбой о прощении, в которой обещали: «И об

том Матмаском и Апонском государстве радетьельное свое тщание к службе твоей, великого государя, мы, раби твои, приложим и чрез дальнейшую видимую землю проведать впредь обещаемся» [56, кн. 1, с. 418—419]. В 1713 г. казаки во главе с Козыревским вторично побывали на Курилах, обследовали уже три северных острова. Козыревский составил чертеж Курильских островов до Японии (по собственным наблюдениям и вопросам), а также описание Курил и острова «Матманского» [161, с. 291—292].

Хотя истинное местоположение Японии не соответствует ее положению на чертеже Козыревского, но все же стало ясно, что она расположена южнее Камчатки и отделена от Камчатки Курильскими островами.

Экспедиция Козыревского на Курилы примечательна двумя моментами: во-первых, это была, пожалуй, последняя экспедиция на Дальнем Востоке, совершенная русскими землепроходцами и мореходами на свой страх и риск; отныне царское правительство стало направлять и контролировать процесс освоения и исследования новых земель; во-вторых, открытия Козыревского несколько оживили интерес русского правительства к Амуру, заметно снизившийся после заключения Нерчинского договора. В результате изнурительной многолетней войны со Швецией Русское государство нуждалось в металле, промышленном и сельскохозяйственном сырье и возлагало большие надежды на торговлю с Японией.

Уже в 1714 г. один из сподвижников Петра I, кораблестроитель Ф. С. Салтыков, подал на рассмотрение правительства проект под названием «О взыскании пути морского от Двины-реки до Омурского устья». Суть проекта заключалась в открытии и использовании Северного морского пути для торговли с Японией, Китаем и другими странами. Салтыков предлагал построить небольшие морские суда в устьях рек Двины, Оби, Ле-

ны, а также, «обыскав удобное место, на реках, которые близко к устью Амуры реки, также и на Амурском устье»; затем на этих судах, экипаж которых должен состоять из русских и иностранных моряков, отправиться по Северному морскому пути, обогнув Чукотку, дойти «до последнего речного устья, которое отыщется удобное близ Амуры реки и по устье Амурское». Оттуда же, считал Салтыков, «ежели оный проход до китайских и японских берегов сыщется свободный, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль» [55, с. 32—34].

Разумеется, проект Ф. С. Салтыкова был для своего времени нереальным; однако он интересен как первое предложение об использовании устья Амура для развития русской внешней торговли на Дальнем Востоке.

Но не все считали нужным искать путь в Тихий океан на севере. В 1716 г. два торговых дома обратились в Сенат с просьбой разрешить им открыть торговлю с Японией. Вывоз своих товаров в Тихий океан они планировали производить по сибирским рекам; начать плавание из Северной Двины, а затем по морю дойти до Обской губы, а оттуда реками — до Байкала; из Байкала — по рекам Селенге, Шилке и Амуру — в Тихий океан [199, с. 14]. Просьба была передана генералу Я. В. Брюсу, который запросил сибирского губернатора М. П. Гагарина о возможности плавания по Амуру. Ответ губернатора был неутешителен: он считал, что цинская сторона не допустит плавания русских судов по Амуру и, возможно, по реке выставлены цинские караулы.

Итак, невозможность использования Амура как водной магистрали должна была побудить русское правительство и сибирскую администрацию использовать для исследовательских и торговых целей населенные пункты, расположенные на Тихоокеанском побережье, связав их с внутренней Сибирью сухопутными дорогами.

Но дороги эти были крайне неудобны, длинны и опасны: так, согласно сообщению якутской администрации, дорога от Якутска до Камчатки пролегла «пустыми дальними местами, со многим трудом и от противных народов с нападками» (цит. по [139, с. 11]).

Летом 1714 г. из Якутска в Охотск был послан служилый К. Соколов, который проплыл реками Леной, Алданом, Маей, Юдомой до Юдомского креста. Перевалив волоком через хребет Джугджур, Соколов и его спутники проплыли по р. Урак к Охотскому морю. Дойдя вдоль морского берега до устья р. Охоты, Соколов построил здесь первое на Охотском море морское судно, на котором в 1716 г. было совершено плавание из Охотска на Камчатку. Таким образом, был открыт новый путь из Якутска через Охотск на Камчатку, о котором якутский воевода Я. А. Ельчин сообщал в столицу, что этот путь «безопасный и ближе, до Охотска верст с тысячу, а от Охотска морем переходят в Камчатку в четверы сутки» (цит. по [139, с. 11]).

Вполне понятно, что по сравнению с сухим путем на Камчатку путь, предложенный Ельчиным, был легче и короче; но сам по себе он был очень труден и неудобен, и это обнаружилось довольно скоро. Согласно подсчетам служилых людей С. Максимовых и Ф. Антипина, специально отправленных с этой целью Ельчиным в 1715 г., путь от Якутска до Охотска занимал ровно три месяца; при передвижении же с грузами время проезда должно было существенно удлиниться. Идти по новой дороге нужно было и под парусом, и бечевой, и волоком, и на нартах [56, кн. 2, с. 60]. Поэтому Ельчин резонно отмечал, что «ежели б Амур-река была в российском владении и мочно б было от Нерчинска выходить судами в Амурское устье, а оттуда во все вышеозначенные поморские места ездить судами, то о вышеписанном от Якутска до Охотска пути старания иметь не надлежало б» (цит. по [139, с. 11]).

В 1716—1720 гг. на Дальнем Востоке была организована крупная экспедиция, названная Большим Камчатским нарядом. В круг задач Большого Камчатского наряда входили: разведка и присоединение к Российской империи островных земель, расположенных против устьев рек Колымы, Камчатки, Пенжины, Яны, Охоты, Уды и Тугура, построение острогов на берегах Тихого и Ледовитого океанов, установление торговых отношений с местным населением. Главой экспедиции был назначен Я. А. Ельчин.

Большой Камчатский наряд по ряду причин (в частности, из-за трудностей с перевозкой грузов в Охотск) не выполнил тех задач, которые намечались организаторами экспедиции. Единственным удачным мероприятием этой экспедиции следует считать поездку группы казаков во главе с С. Харитоновым и И. Татариновым на Шантарские острова.

Вначале казачий отряд прибыл в Удской острог, где было построено морское судно. Первая попытка попасть на Шантары была неудачной: штормовой ветер несколько дней носил судно по морю, пока не выбросил в Тугурскую губу. Отсюда часть казаков отправилась в Удской острог, а другая — все же добралась до Шантарских островов.

Перезимовав там, в июне 1720 г. казаки отплыли с острова, держа курс на северо-восток, а затем, заметив вдали берег, вошли в залив между Амуром и Тугуром, где и стали на якорь. На берегу казаки обнаружили неизвестный им народ — нивхов (гиляков), которые жили в юртах, напоминающих якутские, но язык их не был похож на якутский. Казаки прожили там несколько дней, наблюдая за жизнью местного населения; но когда десять казаков отправились вверх по реке, желая наловить и заготовить впрок рыбу, то были перебиты. Очевидно, местные жители не желали допускать пришельцев во внутренние районы.

Уцелевшие путешественники с большими трудностями вернулись в Удской острог, сообщив начальству лишь два известия: Шантарские острова оказались безлюдными, а на Охотском побережье, почти у самого устья Амура, живет воинственный народ, никому не подчиняющийся и не желающий никому платить ясак [221, с. 136—137].

Посольство С. Л. Владиславича и влияние его на позицию России в амурском вопросе

Стремясь отыскать пути в Японию для установления с ней торговых отношений, русское правительство в то же время старалось сохранить и развивать торговлю с Цинской империей. В период с 1693 по 1718 г. в Китае побывало десять русских казенных караванов, причем частные торговцы до 1706 г. могли включать свои товары в состав товаров, провозимых казенными караванами. Помимо того, процветала нелегальная торговля русских купцов, провозивших свои товары в Китай или Монголию без уплаты пошлин в русскую казну. Это приводило к убыткам казенной русской торговли, и в 1706 г. царское правительство полностью запретило частную караванную торговлю с Цинской империей [61, т. 4, с. 350]. Несмотря на это, частная торговля не прекратилась. В 1710 г. в казенной русско-китайской торговле наметился застой [235, с. 122]. В немалой степени этому способствовала и политика цинских властей в отношении России.

Цинское правительство, захватив в 1691 г. Халха-Монголию, опасалось, что это будет воспринято враждебно не только Джунгарией, но и Россией. Разгром Галдана в 1696 г. ничего не дал — Джунгария снова окрепла, джунгарские ханы вновь претендовали на роль всемонгольских лидеров, а следовательно, и на Халху.

Цинский двор, опасаясь русско-джунгарского альянса, старался сохранять дружественные отношения с Россией, но вместе с тем все более настойчиво требовал русско-китайского разграничения в Халхе. Правительство России, не имевшее ни малейших видов на Монголию, не желало вмешиваться в цинско-джунгарский конфликт и сохраняло нейтралитет.

В 1712 г. цинское правительство направило к хану волжских торгоутов (калмыков) Аюке специальное посольство, которое должно было побудить торгоутов к совместному с Цинами выступлению против джунгаров. 18 ноября 1712 г. ландрихтер Сибирской губернии И. Чепелев доносил в Сенат, что, по сообщению главы русского казенного каравана П. Худякова, цинское посольство к торгоутам «с немалым делом идет, для того что ис Китай никогда никуда послов и посланников не посылавали, и естли бы де не для великого дела, то б не послали ис Китай». Суть посольства, сообщал Чепелев, заключается в том, чтобы убедить Аюку начать войну с джунгарами; Чепелев предупреждал, что для России невыгоден разгром джунгаров цинскими войсками, поскольку джунгары, кочующие близ границ Южной Сибири, служат своеобразным заслоном от цинской экспансии. И хотя между русскими людьми и подданными джунгарского хана и случаются ссоры и стычки, но если «китайской хан ево завоеует, то от китайского владенья будет зело тягостно. А без Аюки один завоевать ево не может» [71, с. 131].

28 декабря 1713 г. Сенат приказал казанскому губернатору П. С. Салтыкову выяснить цель прибытия цинского посольства к торгоутам; и если окажется, что задачей посольства является провоцирование войны между торгоутами и джунгарами, то губернатору поручалось передать Аюке, «дабы он на него, контайшу, войною не ходил, для того что он, контайша, его царскому величеству примирителен» [71, с. 144].

Посольство Цинов к торгоутам успеха не имело: Аюка, будучи подданным Российского государства, не мог самовольно не только вступить в военные действия с джунгарами, но даже отправить посольство в Китай [71, с. 156]. Хотя в записках участника посольства Тулишеня и отрицается, что главной целью цинского посольства было втягивание торгоутов в войну с джунгарами [71, с. 439], однако, как показали дальнейшие действия Цинов, именно эта цель и была поставлена перед послами. Так, в 1716 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин сообщил правительству: «Писали ко мне ис Китай министры их, что калмыцкой владелец контайша, которого город Эркетъ (Яркенд. — Е. Б.), с китайцы поссорился и послал на него войски четырьмя дорогами, чтоб и нам приказать своим людем ево воевать; а он и Аюке учинил великую обиду, и Аюкины де люди ево воевать будут же» [71, с. 169].

Таким образом, Цины делали формальное предложение России вступить в войну с джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом и просили позволить торгоутам выступить в этой войне на стороне Цинов. Но правительство России, заинтересованное в добрососедских отношениях с Джунгарией, не откликнулось на этот призыв. Не проявляло оно активности и в вопросе установления границы между двумя империями по северным рубежам Халхи, на чем давно настаивало цинское правительство. Тогда Цины решили оказать на Россию экономическое давление. В 1717 г. казенный русский караван был выслан из Пекина до распродажи им всех привезенных товаров, а в следующем году караван, возглавлявшийся Ф. Истопниковым, вообще не был допущен в Китай [266, с. 48—49].

26 августа 1717 г. император Сюань Е утвердил проект письма на имя воеводы г. Нерчинска, которое предполагалось отправить от имени хэйлуңцзянского цзянцзюня Толю. В письме говорилось, что нерчинский

воевода требует от цинских властей выдачи перебежчиков, хотя на самом деле он думает лишь о развитии русско-китайской торговли и «использует перебежчиков как предлог для торговли частным образом». Это, отмечалось в письме, «мелочи, пустяки», но плохо то, что нерчинский воевода употребляет такие серьезные выражения, как, например, «с тех пор, как две наши империи утвердили мир и т. п.», заботясь лишь о своей прибыли. Далее Цины излагали причину своего неудовольствия: «После того как наши две империи заключили договор (в то время Халха была независимой, хотя после халхасцы добровольно подчинились нам), мы, более 10 лет тому назад, писали относительно границы между Халхой и Россией, но даже не получили ответа. Мирный договор был заключен немного раньше, халхаские же события сложились позже. Как же вы можете смешивать эти события?» [88, т. 1, с. 124—125].

Далее в цинском послании высказывались упреки за укрывательство перебежчиков из Халхи, сообщалось о расходах, которые несет цинское правительство в связи с приходом русских торговых караванов, и, наконец, объявлялось: «Я запрещаю продажу товаров, доставляемых вами сюда, и не позволю вам вести торговлю» [88, т. 1, с. 125].

Русское правительство вынуждено было как-то прореагировать на новую ситуацию, сложившуюся в отношениях двух держав, и весной 1719 г. было решено отправить в Китай посольство во главе с гвардейским капитаном Л. В. Измайловым. Ему было поручено заключить с цинским правительством торговый договор, предоставлявший русским купцам право свободного передвижения и торговли в Китае, причем торговля должна была быть беспошлинной, добиться разрешения иметь в Китае русского консула, который ведал бы всеми делами, касавшимися русских купцов в этой стране. Такие же льготы и права русское правительство готово

было предоставить и цинским купцам в России [71, с. 183—185].

Посольство Измайлова встретило в Пекине чрезвычайно любезный прием, поскольку Петр I, ставивший превыше всего интересы дела, не только разрешил Измайлову исполнить церемониал «коутоу», но даже не поставил в грамоте своего титула, подписавшись лишь своим именем. Измайлов не только получил официальную аудиенцию, но и имел несколько неофициальных встреч с императором Сюань Е, во время одной из которых Измайлову было прямо высказано пожелание установить границу на монгольском участке и выражено удивление, почему Россия не отвечает на неоднократные запросы по этому поводу. Измайлов ответил, что по возвращении в Россию сообщит об этом своему правительству, а пока что желает изложить предложения русской стороны [71, с. 230].

Цинские сановники явно надеялись, что Измайлов будет говорить либо о границе с Халхой, либо о военной помощи со стороны России в джунгаро-китайской войне. Когда же Измайлов представил проект русско-китайского торгового соглашения, чиновники Лифаньюаня ответили ему с раздражением: «У нас здесь купеческое дело невелико, и поставляем купечество не в великое дело, самые убогие люди торгуют и служители. А у нашего государя торгов никаких нет. Ныне мы видим, что вы купечество свое в велико ставите. В государственной грамоте о купечестве не написано. И написано у вас, что для пользы обоих государств» [71, с. 238]. Когда Измайлов попытался детализировать свои предложения, чиновники Лифаньюаня намекнули, что вопрос о торговле они тесно увязывают с вопросом о русской помощи Китаю в войне против джунгаров: торговля с Россией в условиях китайско-джунгарской войны будет, по их мнению, выгодна лишь русской стороне, в то время как Измайлов утверждал, что «в таком ку-

печестве будет на обе стороны великая прибыль» [71, с. 242].

Но Измайлов не имел полномочий на ведение переговоров по тем вопросам, которые волновали цинскую сторону. Когда же цинские власти попросили оказать содействие в возвращении 700 монгольских перебежчиков, оказалось, что он и на это не имеет полномочий. Переговоры значительно осложнились.

В конце концов цинские власти согласились пропустить в Китай задержанный на границе русский казенный караван и разрешили остаться в Пекине российскому консулу Л. Лангу: «Повелели ему здесь остатца, но только, чтоб ему дожидатца одного каравана. Когда о пограничных делах решения учинено будет, тогда и о торговом деле договор учинен будет, и Ланге быть ли или не быть, тогда учинено будет» [71, с. 260]. Перед отправлением Измайлова из Пекина ему были вручены десять статей, которые он должен был передать русскому правительству. Несколько статей касались вопроса о монгольских перебежчиках, причем этот вопрос цинские дипломаты тесно увязывали с вопросом о монгольской границе: «Как был Китаях Елизарей Избрант (И. Идес. — Е. Б.), и в то время Мунгальская земля не розграничена, и о том не говорено. И чтоб ныне розграничить и определить к тому людей и назначить время и место, где о том говорить. И чтоб о том чрезвычайной посланник донес своему монарху, чтоб для розграничения тех мунгальских земель прислан кто был как наискорее, которой бы мог и о беглецах решение учинить, о чем писано было и с-Избрантом, а ответу не получено доныне» [71, с. 263]. О том, на каких условиях Цины собирались установить границу в Монголии, они предельно откровенно сообщили русскому послу: по их мнению, рубежом российских владений является р. Ангара, «которой дале к их стороне после мирных договоров построены вновь города Амукан, Се-

ленгинской, Удинской, Нерчинской, и от времени до времени в их границы приближаются. Также по Иртышу у Соляного озера в разных местах строят крепости». Теперь же, заявили цинские представители, война с Джунгарским ханством близится к завершению, и они сами выстроят на Иртыше крепость и поставят там сильный гарнизон. Там будет новый пункт русско-китайской торговли, где будет удобнее торговать и через который будет гораздо удобнее ходить в Китай русским караванам или посольствам [71, с. 264].

Разумеется, цинские дипломаты не могли не знать, что Селенгинск, Удинск и Нерчинск были построены задолго до заключения русско-китайского договора 1689 г. и что Урянхайский край и верховья Иртыша никогда не принадлежали Цинам; но, самонадеянно заявляя, что войне с джунгарами скоро наступит конец, они надеялись поставить русскую сторону перед фактом захвата этих обширных территорий, а затем диктовать свои условия. С этой целью и предполагалось строительство крепости на Иртыше, а отнюдь не для развития русско-китайской торговли; кроме того, по мнению историка Б. Г. Курца, «китайцы домогались этим отводным вариантом отдалить русских от столицы и от Амура» [169, с. 64].

2 марта 1721 г. Измайлов выехал из Пекина, а 8 апреля прибыл в Селенгинск.

Итак, посольство Измайлова было неудачным: торговый договор с Китаем подписать не удалось; караван Ф. Истопникова, пропущенный в Пекин, встретил искусственно созданные Цинами затруднения в продаже русских товаров. Измайлову удалось лишь временно оставить в Пекине Л. Ланга в качестве российского агента, но 8 мая 1722 г. ему был объявлен указ цинского императора: «Чтоб с нынешняго времени в ево государстве никакого российского купечества не было, покамест о всех прежде бывших на границах контроверс-

нах или спорах согласия учинено не будет» [71, с. 359]. 12 июля 1722 г. Ланг был выслан из Пекина, и русская казенная торговля в Китае прекратилась.

Следует отметить, что русское правительство, предпринимая усилия по расширению русско-китайской торговли, в то же время не забывало о возможности установления торговых связей с Японией. В период пребывания посольства Л. Измайлова в Китае по личному распоряжению Петра I была организована тихоокеанская экспедиция И. Б. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, официальная задача которой состояла в открытии пролива между Азией и Америкой, но на деле она описала и нанесла на карту Курильские острова — подступы к японскому рынку [161, с. 295].

Сведения о Японии собирались и в Китае. 25 апреля 1722 г. Н. П. Крисниц, входивший в состав посольства Измайлова, подал реляцию в Коммерц-коллегию, в которой изложил сведения, полученные в Китае относительно внешней торговли Японии. Он сообщил, что Китай с Японией не торгуют, но в двух японских городах происходит японо-голландская торговля: голландцы привозят сыромятные кожи, а взамен получают золото и серебро. Крисниц отмечал, что японцы ограничивают торговлю с голландскими купцами четырьмя-пятью кораблями в год, причем голландцы содержатся в Японии «за караулом» [71, с. 329].

Между тем цинская сторона деятельно готовилась к будущему русско-китайскому разграничению в Монголии. Еще в период пребывания в Пекине Л. В. Измайлова император Сюань Е спросил его, «где вершина Саянского камня и далеко ли он идет», а также будут ли пропущены цинские чиновники для осмотра Саянских гор [71, с. 339]. В августе 1721 г. Л. Лангу в Пекине было объявлено, что цинский император «четыре мандарина в Селенгинской отправить хочет, от которого места они чрез Байкальское море до вершины

речки Окки (которая в Ангару протекает) до некоторого места, на мунгальском языке Табуи-Мундурга завомаго, ехать имеют». Целью поездки в приграничные районы Российской империи якобы являлось стремление отыскать чудотворную каменную статую («идола»), которой поклонялся сам Тамерлан (Тимур) [71, с. 315]. Разумеется, Тамерлан никак не мог поклоняться идолу, поскольку был мусульманином и никогда не бывал в районе Байкала; кроме того, Ланг узнал от пекинского иезуита, что «отправлением оных мандаринов здешний двор весьма иное намерение имеет, нежели для идолы, а имянно такое, что те мандарины искать будут в разных местах пограничные знаки поставить, чтоб тогда китайцы, когда до разграничения приходиться будет, впредь по сим пограничным знакам требовать могли, будто оные издревле поставлены. И тако, по их мнению, трактаты о границах в пользу их могли заключены быть» [71, с. 316].

Российский Сенат, рассмотрев требование цинской стороны в июле 1722 г., категорически запретил сибирскому губернатору А. М. Черкасскому пропускать цинскую разведывательную экспедицию в Саяны [71, с. 346—347].

По возвращении из Китая Л. Ланг отметил, что «китайский караул несколько верст ближе, нежели прежде сего, к Селенгинскому подался»; и как сообщили ему местные жители, китайский караул «начал каменные малые горки, яко знаки границы класть» [71, с. 353]. Осенью 1722 г. селенгинский приказчик сообщил в Сибирскую губернскую канцелярию в Тобольск, что монгольские отряды стали устанавливать пограничные знаки и караулы по р. Чикюю [71, с. 375—376].

В декабре 1722 г. губернатор А. Черкасский направил в Селенгинск дворянина С. Фефилова «для подлинного розыску и изследования о вышедших из Мунгальской земли иноземцах», причем Фефилов в своих

действиях должен был руководствоваться следующим правилом: «которые подданные хана китайского вышли в сторону его императорского величества после договорных пунктов, тех отдать, и впредь которые придут, не принимать, но отдавать; и о том к ним писать; а которые пришли до мирного трактата, тех не отдавать» [71, с. 380]. В результате следствия, проведенного Фефиловым, перебежчиков, подлежащих возвращению в Цинскую империю, оказалось всего лишь 36 человек [71, с. 389].

20 января 1724 г. указом Петра I Л. Ланг был назначен уполномоченным по решению пограничных споров, дел о перебежчиках и т. п., а помощником — секретарь И. И. Глазунов. Для охраны пограничных мест направлен подполковник И. Д. Бухгольц с тысячью пехотинцев и тысячью кавалеристов [71, с. 393]. В марте 1724 г. Л. Ланг сообщил в Лифаньюань, что следствие о перебежчиках, проводившееся С. Фефиловым, окончено, и просил прислать цинских представителей в Селенгинск [71, с. 402—403].

18 июля гун Олондай и руководитель Лифаньюаня Тэгуту прибыли в Селенгинск, откуда послали письмо в Сенат; в письме говорилось, что они прибыли «для сочинения договоры как о пограничных, так и протчия всякие дела и для подтверждения оных договоров». Цинские сановники признавали, что, кроме инцидентов с перебежчиками, у цинского двора не было причин обвинить Россию в несоблюдении Нерчинского договора; а дела о перебежчиках, заявили они, «за малые дела почитаем, и не для них приехали, но паки для подтверждения любви и всякие дела к лутшему состоянию привести и узаконить, також и для договору о границах: из мунгальской стороны какому на оных границах вечному порядку и состоянию быть» [71, с. 411].

Во время переговоров в Селенгинске Ланг сообщил цинским представителям, что через несколько месяцев

туда будет прислан специальный человек для разграничения в Монголии [71, с. 418].

18 июня 1725 г. указом Екатерины I главой русского посольства в Китай был назначен опытный дипломат С. Л. Владиславич (граф Рагузинский). Ему были даны инструкции из Коллегии иностранных дел и Коммерц-коллегии.

Инструкция Коллегии иностранных дел указывала основную задачу русского посольства — «прежнее доброе согласие и свободное отправление купечества восстановить и утвердить». Поскольку же эта задача находилась в прямой связи с требованием цинского двора о дальнейшем разграничении между двумя империями, то Владиславичу поручалось установить границу между Россией и цинским Китаем по северным рубежам Халхи. В помощь ему были приданы «особливые комиссары» — П. Власов и С. Колычев, а также посланный уже в Сибирь подполковник И. Д. Бухголец с полком пехоты и ротой драгун. Лангу в Селенгинск был послан указ относительно сбора сведений о границе и составлении карты. Самому же послу поручалось во время пребывания в Сибири собирать все сведения, относящиеся к русско-китайской границе, особенно о неразграниченных землях: «Сколь оные Российскому империи нужны и для чего в то время не разграничены, сему учинить, сколько возможно будет, обстоятельное описание и карту». До тех пор, пока карта и описание границы не будут составлены и один экземпляр прислан в Петербург, Владиславич должен «сие разграничение как можно вдаль отводить». Для осмотра пограничных районов послу надлежало направить комиссаров, которые должны были заниматься этим в период его пребывания в Пекине. Ему предписано было отвергнуть цинские территориальные притязания, сообщенные Измайлову, если они будут возобновлены в период переговоров [104, с. 434—455].

Инструкция Коммерц-коллегии, касавшаяся исключительно торговых вопросов, содержала пункт, свидетельствующий о стабильном интересе русского правительства к торговле с Японией и тесной связи этого вопроса с ситуацией на Амуре: «И понеже китайцы всегда с японцами торгуют, того ради надлежит как возможно о японском торге уведомиться, того ради, что когда ея императорское величество изволит учинить рекою Амуром ездить, то верно есть, что из всех торгов российских никакой бы торг так прибыльнейший не был, как сей, особливо ради малых коштов или убытков и без опасения в езде русским и в провозе своих товаров и оттуда в вывозе других; а у голландцев сие купечество, которое они там имеют, есть самое важное» [104, с. 481—482].

С. Л. Владиславич, тщательно изучивший материалы по истории русско-китайских отношений и лучше представлявший ситуацию в Приамурье, ответил: «О Японском государстве, сколько возможно, проведывать буду, также и о состоянии их торгов, пристаней и прочего. И ежели счастием ея императорского величества допущено будет российским людям рекою Амуром в Океан навигацию иметь, тогда лучше проведать можно, а ныне, чаю, до того китайцы допустить не позволят, от которой реки они имеют наивящий страх от россиян» [104, с. 481—482].

27 декабря 1725 г. С. Л. Владиславич выехал из Москвы, а в августе следующего года прибыл в Селенгинск. Во время своей поездки через Сибирь посол, выполняя правительственный наказ, энергично составлял карту пограничных районов; наличие такой карты позволило бы ему обсуждать пограничные вопросы со знанием дела. В апреле 1726 г. такая карта уже была составлена геодезистом П. Скобельцыным и вручена послу Л. Лангом в Иркутске. Однако эта карта, составленная на основании ряда старых карт, показалась

С. Л. Владиславичу неудовлетворительной, и он направил две геодезические партии в районы предполагавшегося разграничения. Одна партия, возглавлявшаяся геодезистами П. Скобельцыным и Д. Баскаковым, должна была исследовать и нанести на карту Иркут, Косогол, Саянские горы, верховья Енисея и Абакан, причем карта должна была не только содержать сведения о физической географии этих мест, но и указать места проживания племен, плативших ясак России. Партия во главе с геодезистами В. Шетиловым и И. Свистуновым была направлена с аналогичными задачами в районы южнее р. Уды. Эта партия временем была очень ограничена, и даже в случае заболевания одного из геодезистов другой должен был продолжать работу один [266, с. 96].

Работа первой геодезической партии завершилась успешно, и русский посол располагал самыми точными сведениями о южных районах Сибири.

Попытки же составить карту земель южнее р. Уды успеха не имели. Как сообщил Коллегии иностранных дел русский посол в апреле 1728 г., «об оных местах подлинного ныне ничего проведать не можно было (ибо дважды геодезистов для описания посылал, кои, девять недель ехав от Якутска до реки Уды и пожив в тамошнем острожке три дня, возвратилися ни с чем)» [104, с. 148]. С. Л. Владиславичу удалось лишь узнать, что «земли сии в превеликом расстоянии, и сказывают, что около трех месяцев ходу от Якутска пустыми местами проходят зимнею дорогою якуты за соболиными промыслами и никакого не находят жилья, кроме близ моря Охотского на реке Уди есть острожек, где 12 казаков живут на карауле для прикрытия промышленников и кормятся сухою рыбою, не имея иного запаса и провианту... и ежели из оных земель хотя половину китайцам уступить, то казне в ясачных приходах немалое умаление в Якутском уезде воспоследует» [104, с. 148].

Итак, Владиславичу не оставалось иного выхода, кроме указанного ему инструкцией: «Разграничение как можно вдаль отводить».

В начале сентября 1726 г. русское посольство отправилось в Китай и 21 октября прибыло в Пекин. Несмотря на торжественный прием, оказанный русскому посольству, переговоры в Пекине сразу же приняли чрезвычайно острый характер. Цинские представители потребовали признать китайскими значительные территории в Забайкалье, допустив мошеннический прием: пытаясь сыграть на сходстве названий двух разных рек — Уды, впадающей в Охотское море, и Уды, текущей в Селенгу, они требовали передать им русские земли в Южной Сибири. Когда Владиславич легко разоблачил эту наивную хитрость, цинские дипломаты, не отказываясь от первоначальных требований, стали настаивать и на разграничении земель к югу от Уды, текущей в Охотское море.

С. Л. Владиславич категорически отказался продолжать разграничение земель на Дальнем Востоке, ссылаясь на отсутствие инструкций по этому вопросу; в то же время он соглашался вести переговоры о территориальном размежевании по северным рубежам в Монголии. Испробовав все способы давления на русского посла — от фактического домашнего ареста до угрозы войной, — цинский двор убедился в неизменности русской позиции и согласился начать переговоры о разграничении в Монголии.

В июне 1727 г. русское посольство вернулось на монгольскую границу, где с июня по август проходили дальнейшие русско-китайские переговоры. В результате длительных и упорных дискуссий в основу определения границы был положен принцип фактического владения, фиксировавший новое соотношение сил между двумя империями — состояние равновесия сил. Цинская сторона, требовавшая в Пекине разграничения земель на

дальневосточном участке, согласилась ограничиться установлением лишь того участка русско-китайской границы, который проходил по северным рубежам Монголии, оставив восточные районы в прежнем состоянии («сие учинено с превеликою трудностью», — отмечал С. Л. Владиславич [104, с. 488]).

20 августа 1727 г. был подписан русско-китайский Буринский договор, определивший границу между двумя государствами на монгольском участке. После демаркации границы совместно русскими и цинскими комиссарами 21 октября 1727 г. был подписан Кяхтинский русско-китайский трактат, составной частью которого стал Буринский договор. После этого трактат был отправлен в Пекин для ратификации его цинским императором; когда же ратифицированный трактат был возвращен, то оказалось, что он содержит такие изменения и добавления, которые не могли быть приняты русской стороной: например, цинские правители, «реку Удь назвав старым своим владением, запрещали россиянам оною владеть, и ежели какое там имеется строение, оное разорить повелевали» [104, с. 148].

С. Л. Владиславич категорически отказался принять фальсифицированный текст, и переписка по этому поводу длилась до апреля 1728 г., когда из китайской столицы был прислан наконец согласованный в ходе переговоров текст трактата. 14 июня 1728 г. состоялся обмен ратифицированных экземпляров Кяхтинского договора, состоявшего из 11 статей, по которому устанавливалась линия прохождения русско-китайской границы по северным рубежам Монголии, упорядочен был режим границы, восстанавливалась и расширялась русско-китайская торговля (в первую очередь приграничная).

Статья 7 договора была посвящена разграничению территории Приамурья. В ней говорилось, что цинские представители предлагали С. Л. Владиславичу разгра-

ничить тот район Приамурья, вопрос о котором был отложен на переговорах 1689 г., мотивируя это опасностью, «дабы обеих империй подданные, которые живут при границах, между собою ссоры и несогласия не возбудили»; но российский посол отказался, ссылаясь на отсутствие полномочий и географических сведений об этом районе. Далее в статье сообщается, что цинская сторона согласилась с доводами С. Л. Владиславича, предупредив его о необходимости строгого запрета подданным обеих сторон переходить границу. Вопрос о статусе земель южнее р. Уды был сформулирован следующим образом: «Того ради, понеже ныне не трактуется о реке Уде ниже о протчих тамошних реках, да останутся по-прежнему, но ваши люди не имеют более завладеть на поселение». С. Л. Владиславичу было рекомендовано по возвращении на родину сообщить правительству о необходимости разрешить данный вопрос, иначе, «ежели останется сие малое дело, худо гласиться будет с миром обеих государств» [68, с. 20—21].

Итак, посольство С. Л. Владиславича успешно завершилось. В своей записке, поданной правительству 27 декабря 1731 г., С. Л. Владиславич так ответил на вопрос о разграничении территории на Дальнем Востоке: «Чего ради я того не учинил? Отвещаю: понеже не имел о том указа, и ежели бы вступил в разделение вышереченных дальних и незнаемых земель, то бы и в десять лет не окончил бы порученную комиссию. К тому же, когда вступил бы во искание помянутого разделения, то воистину до генерального окончания китайцы удержали бы коммерцию, а товары в карантине на границе погнили бы» [26, с. 294].

Таким образом, позиция Владиславича относительно будущего разграничения в Приамурье определялась следующими моментами: с одной стороны, он не имел точных сведений и карты тех мест в Приамурье, на раз-

граничении которых настаивала цинская сторона; с другой — он располагал убедительными свидетельствами местных жителей о том, что именно в этих районах производится пушной промысел, а это, при общем истощении пушных ресурсов Сибири, имело немаловажное значение для казны. Боязнь новых потерь для Российского государства в случае возможного разграничения, ясное понимание того, что только граница по Амуру отвечала бы интересам России, — все это побудило Владиславича настоять на сохранении статус-кво в Приамурье.

На это решение, очевидно, повлияли и такие соображения, как возможная торговля России с Японией, при которой Амур использовался бы как транспортная артерия (что было указано в инструкции из Коммерц-коллегии), и возможность русско-китайской морской торговли, по поводу чего Владиславич вел безуспешные переговоры в Пекине.

В своей докладной записке от 27 декабря 1731 г. С. Л. Владиславич писал, что, по сообщениям пограничных русских жителей, есть возможность добраться до Пекина не только по суше, но и водным путем: «В Селенгу-реку, ниже Селенгинска около 50 верст, неподалеку от Байкала, впадает река Хилок, хотя не широка, но глубока, по которой весною ходят дощаники и плоты до некоторого места, называемого Плотбища; оттуда переправиться сухим путем около 100 верст до реки Ингоды, Ингодюю до Онона, Ононом до Шилки, где река Нерча, а Амуром до Ламского моря». Далее, отмечал Владиславич, обойдя Корею, можно доплыть до китайского порта Тунжи (вероятно, имеется в виду г. Тяньцзинь), а оттуда до Пекина по суше всего около 70 верст [26, с. 336—337].

В той же записке С. Л. Владиславич изложил и свое личное мнение относительно вопроса о Приамурье. Он считал, что соотношение сил между двумя импе-

риями на данном историческом этапе вполне позволяло России изменить ситуацию в Приамурье в свою пользу. Однако убытки, которые неизбежно понесла бы русская казна при проведении такой акции (прекращение русско-китайской торговли, финансовые затраты и т. п.), были бы, по мнению Владиславича, таковы, что «и во сто лет не можно возратить». Исходя из этого, Владиславич рекомендовал сохранять дружественные и мирные отношения с цинским Китаем «до предков», оставив вопрос о Приамурье в прежнем положении [26, с. 326].

Докладная записка С. Л. Владиславича была подана правительству в то время, когда возникла реальная возможность изменить ситуацию в Приамурье в пользу России не путем конфронтации, а, наоборот, путем союза с Цинами.

В 1729 г. возобновились военные действия между джунгарскими и цинскими войсками. Учтя трудности борьбы с Джунгарским ханством, император Инь Чжэн (1723—1735 гг., девиз годов правления Юнчжэн) решил обратиться за военной помощью к России. Одновременно цинский двор попытался получить помощь и от российских торгоутов, которых Цины продолжали считать если не своими вассалами, то, во всяком случае, совершенно независимыми от России.

Цинское посольство состояло из 10 человек (из них пять должны были отправиться к торгоутам). Послы заявили встречавшему их на границе чиновнику И. Глазуну, что они «посланы от богдыхана с подарками — поздравить государя Петра II со вступлением на престол; что к императору грамоты не имеют, а донесут ему словесно о великом деле в пользу Российской империи, имеют же лист от Трибунала к Российскому Сенату, а от богдыхана к калмыцкому хану Аюке указ и жалованье» [104, с. 167]. Как удалось узнать И. Глазуну, посольство к торгоутам направлялось для того,

чтобы убедить их вступить в войну с джунгарами [104, с. 171].

Цинское посольство было принято в Москве уже Анной Иоанновной, сменившей умершего 18 января 1730 г. Петра II. Во время переговоров, происходивших в январе—марте 1731 г., послы изложили свое «великое дело»: они сообщили, что цинский император отправил свою армию против Джунгарского ханства, и если эта армия «близь российских границ пойдет, то в том российский двор да не имеет никакого подозрения». Кроме того, послы заявили, что «когда те их китайские войска зенгорский народ атакуют и землю их овладеют, то, ежели ея императорскому величеству что из земли их по соседству потребно, о том бы им объявить, и оно имеет уступлено быть в российскую сторону» [104, с. 179].

Русское правительство ответило послам: «Хотя императрица, имея пространное владение, никакой чужой земли себе присовокупить не желает», но, «по содержанию мира и для отнятия между обеими империями подозрения, с ними согласиться не оставит» [104, с. 179]. Относительно просьбы пропустить часть китайского посольства к торгоутам русское правительство сообщило, что в виде исключения они будут пропущены; но в дальнейшем все дела, касающиеся торгоутов, должны решаться через Сенат, ибо «оный калмыцкий народ в подданстве ея императорского величества обретается и без ея воли и соизволения ничего чинить не могут» [104, с. 180—181].

Цинские послы были допущены на Волгу, в калмыцкие улусы, где вручили хану торгоутов Церен-Дондоку послание цинского императора, выражавшего свое благоволение к нему, и просили хана отправлять в Пекин знатных джунгарских перебежчиков (если они попытаются спастись от Цинов в России). Церен-Дондок заявил в ответ, что это не в его власти и зависит от

отношений России и Китая, «понеже дорога через Россию». Очевидно, цинские послы пытались убедить торгоутов вступить в войну с джунгарами или перекочевать в Китай, поскольку, как отмечал присутствовавший на переговорах подполковник Беклемишев, «калмыцкие зайсанги частые и тайные имели с ними, послами, свидания» [104, с. 185].

Другие члены посольства, ожидавшие в Тобольске возвращения цинских дипломатов от торгоутов, написали в Сенат письмо с напоминанием «о неразграниченных доселе близ реки Уды местах, просили прислать туда искусных людей в скорейшем времени для решительного о сих спорных землях обоюдного постановления» [104, с. 186].

Съехавшись в Тобольске, обе группы цинских послов отправились дальше через Сибирь, к границе. По пути им встретилось цинское посольство, направлявшееся из Китая с целью официального поздравления Анны Иоанновны с восшествием на престол. И на этот раз цинский двор собирался отправить особое посольство к торгоутам с той же целью, что и раньше.

Пропустив беспрепятственно цинских послов, направлявшихся в столицу Российской империи, сибирские власти, по указанию из центра, задержали на границе цинских послов к торгоутам (ноябрь 1731 г.). Иркутский вице-губернатор А. И. Жолобов в своем письме в Лифаньюань в марте 1732 г. вновь подчеркнул, что первое цинское посольство было допущено к торгоутам «токмо по имеющейся дружбе», но в дальнейшем такое положение, когда чужой правитель имеет «партикулярную переписку и корреспонденцию» с российскими подданными, «терпимо быть не может» [241, с. 122—123].

Узнав о задержании посольства к торгоутам, цинские власти отправили в Сенат письмо, в котором выразили желание, чтобы, «ежели оных послов пропус-

тить нельзя», то по крайней мере нужно ходатайствовать перед императрицей, «дабы приложенный от богдыхана к калмыкам указ отправлен был с повелением императрицы, чтоб они, калмыки, помогли китайскому войску противу зенгорцев воевать» [104, с. 193]. Настойчивое стремление цинской дипломатии втянуть российских торговцев в джунгаро-китайскую войну свидетельствовало о затруднительном положении, в котором оказался цинский Китай.

Многим государственным деятелям России этот момент казался исключительно удобным для решения вопроса о Приамурье. Так, Л. Ланг, побывавший в 1732 г. с торговым караваном в Пекине, писал в 1733 г. в Коллегию иностранных дел, что Цины находятся в затруднительном положении ввиду тяжелой джунгаро-китайской войны и нуждаются в поддержке со стороны России. По мнению Л. Ланга, «доколе зенгорцы в поле их одолевают, то они весьма не похотят с российским двором в несогласии пребывать; и потому время ныне способно учинить реку Амур по-прежнему границею» [104, с. 199].

Сходную мысль высказал годом позже обер-секретарь Сената И. К. Кирилов в своем проекте построения Оренбургской крепости. Планируя политику России в Средней Азии на ближайшие десятилетия, Кирилов подчеркивал, что не только цинский Китай, но и Джунгария является опасным соседом Российского государства. Исходя из этого, он предлагал сообщить цинскому двору, «что ежели Болды-хан желает в российскую сторону на контайшу помощи, то могут и кроме калмык ближними войсками действия показать, а напротив того к содержанию войска потребовать золото, которого у них довольно, также по-прежнему во владение российское Амура-реки, которой собою богат и зело нужен» [61, т. 9, с. 312].

Но русское правительство не приняло предложений

Ланга и Кирилова. Цинскому правительству был послан официальный отказ на его просьбу о военной помощи силами российских подданных — торгоутов [104, с. 205].

Нежелание русского правительства вступить в военный союз с Цинами имело ряд причин. Отношения России с Джунгарией, несмотря на определенные сложности (набеги джунгар на пограничные районы, территориальные претензии джунгарских ханов), имели в общем дружественный характер. В периоды военных неудач в джунгаро-китайской борьбе джунгарские правители даже изъявляли желание войти в подданство России; и хотя дальше переговоров дело не шло, Россия стремилась сохранить независимую Джунгарию как буфер на пути цинской экспансии в Центральной Азии. Сильная Джунгария была угрозой не для России, а для соседних объединений кочевых народов, которые были вынуждены искать защиты у России (так, в начале 30-х годов XVIII в. в русское подданство вступил казахский Малый Жуз) [106, с. 131]. Но даже если бы правительство России решило вступить в военный союз с Цинами в обмен на согласие последних восстановить власть России в Приамурье, сделать это ввиду занятости европейскими делами было бы весьма непросто.

Вопрос о Приамурье, для решения которого данная политическая ситуация являлась, вне всякого сомнения, самой благоприятной за весь XVIII в., остался нерешенным.

Заключение в 1689 г. Нерчинского договора между Россией и Китаем положило начало так называемому вопросу о Приамурье (амурскому вопросу). Военное давление цинского Китая, его бесспорный военный перевес на Дальнем Востоке в конце XVII в. привели к составлению русскими людьми Приамурья, уже освоенно-

го экономически и включенного в состав Русского государства. Значение этого факта для хозяйственного развития Восточной Сибири не сразу было понято и оценено правительством России. Вопрос о Приамурье на начальном этапе его существования рассматривался как невозможность использования большой территории с плодородными землями и значительным числом налогоплательщиков («ясашных людей»). Но выгоды мирного урегулирования конфликта с цинским Китаем преобладали, казалось, эти потери.

Русское правительство, твердо придерживаясь духа и буквы договора 1689 г., требовало от сибирской администрации недопущения случаев нарушения русско-китайской границы со стороны местного населения. Однако данные установки вступали в противоречие с реальной обстановкой в Приамурье и никогда не выполнялись полностью. Неопределенность географических ориентиров в тексте Нерчинского договора, неустановленность границы на местности (за исключением естественных рубежей — рек Аргуни и Горбицы), неохраняемость границы — все это способствовало взаимопроникновению российских и цинских подданных в неразграниченное пространство; фактически таким неразграниченным пространством было все левобережье Амура. Взаимоотношения российских и цинских подданных в неразграниченных районах строились на основе соблюдения традиционно сложившихся рубежей охотничьих угодий. Полное безразличие цинской администрации к положению дел севернее Амура могло лишь стимулировать указанный процесс.

В первой четверти XVIII в. в России продолжался процесс, охарактеризованный В. И. Лениным как «новый период русской истории», продолжалось создание «связей буржуазных» [10, с. 153—154]. Зарождавшаяся торгово-промышленная буржуазия стремилась к открытию новых рынков сбыта и источников сырья, что

объективно совпадало с потребностями страны после колоссальных внутренних преобразований и изнурительных войн. Дальнейшее исследование и хозяйственное освоение русскими людьми Дальнего Востока привело отдельных государственных деятелей России к мысли о возможности установления экономических и политических контактов с Японией, наподобие тех, которые были установлены с цинским Китаем.

К началу второй четверти XVIII в. русское правительство уже осознало значение Амура как наиболее удобной дороги в Тихий океан, использование которой могло бы существенно ускорить развитие русской торговли со странами Дальнего Востока; в то же время правительство России не было еще готово к каким-либо действиям по изменению статуса Приамурья. Эта позиция еще более укрепилась после того, как С. Л. Владиславичем была совершенно определенно установлена невыгодность для России любого разграничения в Приамурье, кроме как по течению Амура.

Равновесие сил двух империй, Российской и Цинской, сложившееся к началу второй четверти XVIII в. и зафиксированное Кяхтинским договором 1727 г., а также выгодная для России политическая ситуация, создававшаяся в связи с китайско-джунгарской войной, позволяли русскому правительству предпринять попытку изменить статус Приамурья в свою пользу, однако оно в силу ряда политических и экономических причин не пошло на этот шаг.

Глава 3

ОБОСТРЕНИЕ АМУРСКОГО ВОПРОСА ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Возрастание интереса русского правительства к вопросу об Амуре в связи с активизацией политики России на Дальнем Востоке

Укрепление международного положения России к концу первой четверти XVIII в. позволило русскому правительству открыть, по выражению А. В. Ефимова, «третий период движения на Восток» [149, с. 284]. Успешная политика правительства Петра I в Европе означала, что Россия стала равноправным участником мировой политики, действительно великой державой. Но, являясь одновременно и европейской и азиатской державой, Россия не могла не включить в сферу своей активной деятельности и Тихий океан. Дальнейшее исследование русскими людьми Дальнего Востока ознаменовалось рядом великих русских географических открытий.

Одним из самых первых шагов на этом пути стала организованная Петром I перед самой его кончиной Первая Камчатская экспедиция (1725—1730). По словам А. К. Нартова, близкого к царю, Петр лично составил инструкцию участникам экспедиции [177, с. 98]. Инструкция эта гласила:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлася с Америкою, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оный кюст называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и поставя на карту, приезжать сюды» [61, т. 7, с. 413].

Как сообщает Нартов, после сочинения инструкции Петр I вызвал к себе генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и заявил ему: «Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге чрез Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенный путь, называемый Аниан, назначен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству чрез искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскать берегов американских?» (цит. по [177, с. 98—99]).

Следовательно, намеченная экспедиция помимо решения чисто научных задач была призвана осуществить и определенные практические цели: присоединить к России еще не занятые другими державами земли в Северной Америке и выяснить возможность морского сообщения Российского государства с Китаем через Ледовитый океан.

По мнению А. В. Ефимова, вопрос о существовании пролива между Азией и Америкой имел и оборонное значение для России: в случае, если бы пролив этот не существовал, можно было бы ожидать в недалеком буду-

шем проникновения европейцев из Америки в Азию [149, с. 285].

24 января 1725 г. экспедиция отправилась из Петербурга в Охотск. В состав экспедиции входили В. Беринг, А. И. Чириков, М. П. Шпанберг, П. Чаплин и 23 матроса. 13 июля 1728 г. В. Беринг на боте «Гавриил» вышел из Нижнекамчатска в море; экспедиция направилась к северу, вдоль восточного берега Азии, обошла мыс Чукотский, открыла остров и залив Святого Лаврентия, миновала мыс Дежнева и убедилась, что берег Азии поворачивает на запад. Пройдя еще 200 миль к северу и не встретив земли, Беринг достиг $67^{\circ}18'$ с. ш. и правильно заключил по разным косвенным признакам, что прошел пролив, отделяющий Азию от Америки и соединяющий Тихий и Северный Ледовитый океаны. 15 августа 1728 г. экспедиция, опасаясь льдов, повернула назад, и 2 сентября «Гавриил» вошел в устье р. Камчатки. В 1729 г. было предпринято плавание на судах «Гавриил» и «Фортуна», на этот раз к востоку, но бури помешали экспедиции. В 1730 г. Беринг прибыл в Петербург, где вручил Адмиралтейств-коллегии все материалы своего путешествия [110, с. 16].

В период Первой Камчатской экспедиции правительство направило на Дальний Восток большую экспедицию под командованием А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого. Задачи экспедиции были изложены в сенатском указе от 23 марта 1727 г. В основном они сводились к двум целям: 1) укрепление и усиление людьми северо-восточных острогов, поскольку коренное население Чукотки и Камчатки все чаще выступало против гнета и насилий царской администрации; 2) исследование и присоединение к Российской империи земель, находящихся в северных и восточных районах [61, т. 7, с. 770—772].

Относительно последней задачи в донесении Сената императрице от 18 января 1727 г. говорилось: «1. Что

те земли прилегли к Российскому владению и ни у кого не подвластные, и к содержанию и владению под Российскою державою нетрудные, но таковые, каковы во всей Сибири в подданстве обретающа. 2. Для прибыли государственной, понеже в тех местах соболь и протчей зверь родитца и оттуду вывозитца... 3. Для познания по Восточному морю морскому ходу, от которого может впредь воспоследовать коммерция с Японною или... Кореею, понеже между Камчатки и Удского и Ламского берегов море теплое, а не ледовитое. 4. Наипаче для предбудущей заимки, пока никто других земель... в те новосысканные земли не вступили и никакой претензии не имеют» (цит. по [139, с. 45]).

Конкретизируя задачу, указ повелевал выяснить, не принадлежат ли Шантарские острова какому-либо государству, в каком расстоянии от Удского острога расположены и какими природными богатствами обладают. Кроме того, Шестакову была дана секретная инструкция, которая предписывала ему осмотреть и описать морское побережье от Охотска до Удского острога, а затем — исследовать побережье и острова от устья Уды до устья Амура [225, с. 11, 18—20].

Экспедиции, имевшей обширную программу действий, удалось сделать немного. Глава экспедиции А. Ф. Шестаков в марте 1730 г. был убит чукчами на р. Эгаче; военные задачи были выполнены его преемником Д. И. Павлуцким. Им же была отправлена на восток партия И. Федорова и М. Гвоздева, совершившая в течение 1730—1732 гг. историческое плавание к берегам Северо-Западной Америки на боте «Гавриил» [119, с. 120—121].

«Гавриил» был одним из двух кораблей Первой Камчатской экспедиции, принятых А. Ф. Шестаковым под свое командование весной 1729 г. в Охотске [112, с. 7]. Первоначально «Гавриил» предназначался для исследования и описания Охотского побережья от

р. Островной до устья р. Уды, с последующим продвижением до Большерецка. Для исследования островов, находящихся близ устья Амура, и сбора точных сведений о подвластности или неподвластности коренного населения Охотского побережья какому-либо государству двум служилым, Чекалову и Чурукаеву, было приказано построить особое судно в устье Уды [225, с. 10—11].

В сентябре 1729 г. племянник А. Ф. Шестакова И. Шестаков получил запечатанную инструкцию, которую должен был прочесть, лишь отойдя на «Гаврииле» 10 верст от берега. Инструкция, предписывая И. Шестакову указанный выше маршрут, еще раз подчеркивала необходимость выяснения того, чьими подданными считали себя сами аборигены тех мест [225, с. 19]. Однако сильные ветры помешали «Гавриилу» в 1729 г. продвинуться к югу, и руководитель экспедиции вынужден был приказать мореходу Мошкову повернуть к Камчатке.

Перезимовав в Большерецке, участники похода (62 человека) в июне 1730 г. отправились к Удскому острогу. 19 июля «Гавриил» прибыл в устье Уды и принял на борт служилых Чурукаева и Чекалова, поскольку построенное ими судно оказалось непригодным для плавания. В инструкции, которую служилые передали И. Шестакову, содержался план по исследованию устья Амура.

28 июля группа И. Шестакова приступила к выполнению приказа. Были осмотрены Шантарские острова; затем «Гавриил» зашел в устье Амура, где были сделаны промеры глубин. Журнал, который велся во время плавания, не сохранился; но некоторые сведения о походе известны из донесения полковника Т. Горяистова, получившего их от участника экспедиции И. Скурихина. Скурихин сообщил, что во время путешествия они доходили до Амурского устья, а «на том устье живут

иноземцы, прозываемые гилиаки, тысяч с сорок по морскому берегу и по островам, которые ни у кого не в подданстве» (цит. по [139, с. 48—49]). Таким образом, русское правительство смогло еще раз убедиться в том, что население неразграниченных районов (к югу и востоку от р. Уды) является совершенно независимым. Относительно промеров глубин И. Скурихин рассказал, что «на одном устье явилось глубины пятнадцать сажен, а широты полверсты; а на других устьях ходу нет, понеже мелко» (цит. по [139, с. 49]). В августе 1730 г. «Гавриил» прибыл в Большерецк, а в сентябре— в Охотск.

Сын А. Ф. Шестакова В. А. Шестаков посетил на судне «Фортуна» несколько островов Курильской гряды и взял ясак с местных жителей [139, с. 49].

Хотя успехи, достигнутые русскими исследователями в результате двух экспедиций — Первой Камчатской и Шестакова — Павлуцкого, были значительны, все же не удалось выполнить грандиозный план Петра I и его современников: выяснить возможность прохода Северным морским путем, открыть морские пути в Америку, Японию, Китай и Индию, составить достоверные карты новых земель и присоединить их к России. Эта сложнейшая задача была поставлена перед руководителями Второй Камчатской экспедиции (1733—1743) — командором В. Берингом, лейтенантами А. И. Чириковым, М. П. Шпанбергом.

Определенные предпосылки к организации столь важного мероприятия появились сразу же после окончания Первой Камчатской экспедиции. В апреле 1730 г. В. Беринг, вернувшись из экспедиции, представил правительству свои соображения по поводу дел на Дальнем Востоке, среди которых был и проект организации новой экспедиции: «Не без пользы б было, чтобы Охотский или Камчатский водяной проход до устья Амура и далее до Японских островов выведывать; понеже на-

жду имею, что тамо нарочитые места можно находить и с теми некоторые торги установить; також, ежели возможность допустит, и с Японами торг завести, чего б не малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться» (цит. по [240, с. 436]). Говоря о «неимуществе судов» на Дальнем Востоке, Беринг предлагал строить их на Камчатке [240, с. 436].

Проект Беринга был положительно встречен русским правительством, поскольку сообщение об открытии пролива между Азией и Америкой оно считало не вполне достоверным. В самом правительстве нашлись энтузиасты, доказывавшие необходимость новой экспедиции; так, обер-секретарь Сената И. К. Кирилов составил специальную записку по этому поводу, в которой сжато обрисовал основные задачи экспедиции: «Во-первых, подлинно проведать, могут ли Северным морем проходить до Камчатского или полуденного моря (я, по исследованиям некоторых, конечную надежду имею, что могут). Второе, от Камчатки до самых американских берегов, где места около 45° долготы, дойти. Третье, от Камчатки же до Японии, между чем расстояния получено 10° с. ш., притти. Четвертое, в том походе и везде сыскивать новых земель и островов и неподвластных, сколько можно, в подданство приводить. Пятое, металлов и минералов осматривать. Шестое, разные обсервации астрономические как на земле, так и на воде делать и подлинную длину и широту сыскать. Седьмое, историю о древностях и новостях и натуральную сочинить и прочая». Ниже Кирилов прибавлял, касаясь возможности торговли с Японией: «К размножению же сей новой восточной коммерции Россия особливо от бога одарена, что через всю Сибирь натуральные каналы, т. е. реки великие, пролегли, по которым суда с товарами способны ходить могут, и только в трех местах, и то небольшие, сухим путем переволоки. А Охотск, самый крупный там порт, вскоре распространиться

имеет, когда в нем командир главный жить будет» (цит. по [119, с. 123]).

Масштабы намеченной экспедиции требовали и огромного материального обеспечения: «неимущество судов», отмеченное Берингом, могло сорвать любое начинание. Все предыдущие экспедиции базировались в Охотске — маленьком селении, где строились время от времени небольшие суда, способные в хорошую погоду доходить до Камчатки. Именно здесь правительство решило устроить порт с судоверфью, который пригодился бы не только для экспедиции Беринга, но и для хозяйственных нужд Охотско-Камчатского края (снабжение Камчатки припасами и вывоз оттуда пушнины). 10 мая 1731 г. был издан указ, согласно которому ссыльный вельможа Г. Скорняков-Писарев отправлялся в Охотск главным командиром, «чтоб ты то место людьми умножил, и хлеб завел, и пристань с малою судовою верфью». Среди множества обязанностей, возложенных на командира, были и взимание ясака с населения Шантарских и Курильских островов, доставка на родину японцев, занесенных штормом на русскую землю, чтоб «тем подать причину к дружбе и искать способа к свободному торгу» [61, т. 8, с. 523—524]. Однако уже 17 апреля 1732 г. было приказано вернуть Г. Скорнякова-Писарева в место ссылки [61, т. 8, с. 749].

2 мая 1732 г. был издан указ об отправлении Беринга на Камчатку и о начале Второй Камчатской экспедиции. Берингу поручалось исследовать районы между Камчаткой и Америкой и между Камчаткой и Японией, приводя население открытых земель в российское подданство, «токмо того накрепко остерегаться, чтоб в американские и азиатские такие места не зайтить, где уже владение европейских государств или китайского богдыхана и японского хана есть, чтобы не войти в подозрение и не открыть бы к Камчатским бере-

гам своим приездом пути, о котором они поныне неизвестны, а наипаче в нынешнем тамошнем малолюдстве чрез ту причину не заняли нужных пристаней» [61, т. 8, с. 774].

28 декабря 1732 г. был издан указ, содержащий инструкции руководителям экспедиции. Перед ними были поставлены три основные задачи. «Первая охватывает совершенно самостоятельный круг вопросов, относящихся к описи берегов Северного Ледовитого океана на пространстве от Архангельска до пролива, ведущего в Тихий океан. Ее выполнение служило практической предпосылкой к решению проблемы северо-восточного прохода из Европы вокруг Сибири на Анадырь, Камчатку и дальше к устьям Амура. Несмотря на то что вопрос о существовании пролива уже был решен плаванием И. Федорова и М. Гвоздева, Адмиралтейств-коллегия, ничего не зная об их исследованиях, снова выдвигала его в качестве одной из первоочередных задач. Вторая задача касалась открытий в Тихом океане, которые надо было осуществить для установления путей с Камчатки или из Охотского порта в направлении Америки, Японских островов и устья Амура» [161, с. 303]. Третья задача включала комплекс чисто научных проблем, упомянутых в вышеприведенной записке И. К. Кирилова.

Таким образом, две из трех стратегических задач Второй Камчатской экспедиции были связаны с Амуром; не могли обойтись без рассмотрения вопроса о Приамурье и участники академической группы (Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и др.).

В пункте 13 указа от 28 декабря 1732 г. особо ставилась задача по осмотру территории между устьями Уды и Амура, в то время «покамест в дальние экспедиции приуготовляться будут». Следовало послать одно-два судна для осмотра берега от Охотска до устья Уды, описать Уду, обращая внимание на то, как дале-

ко вверх по реке могут проходить суда, есть ли хорошие земли для пашен и лес для постройки судов; затем описать берег до р. Тугура «и за Тугуром, буде мочно, до Амурского устья, а далее, хотя б и противности ни от кого не было, не следовать, дабы не впасть у китайцев в подозрение» [61, т. 12, с. 1009].

Таким образом, русское правительство подходило с чрезвычайной осторожностью к вопросу об Амуре. Тем не менее новый этап продвижения России на восток явился началом обострения амурского вопроса. Причина этого состояла в невозможности использования Амура — естественного пути из Забайкалья к побережью Тихого океана — для снабжения русских поселений на Дальнем Востоке. Разумеется, при слабой заселенности Охотско-Камчатского края в 30-х годах XVIII в. вопрос об Амуре еще не стал серьезным препятствием на пути экономического развития русского Дальнего Востока. Тем не менее Берингу было указано, что «нужда состоит искать ближайшего пути к Камчатскому морю (Охотскому. — Е. Б.)» из Забайкалья, «не заходя в Якуцк, хотя для легких посылок и пересылки писем». Берингу поручалось немедленно отправить геодезистов из Забайкалья к верховьям р. Уды и «велить осмотреть и описать все реки, впадающие с восточной стороны в озеро Байкал (выключая Селенгу и Ангару, потому что они уже описаны), и вершины рек же, текущих в Лену, и не найдутся ль какие места между тех рек и реки Уды вершин, коими б мочно проезду быть летом или зимою, дабы убавить в проездах дальности, бываемой через Якуцк» [81, с. 97]. 16 марта 1733 г. этот пункт инструкции был подтвержден [81, с. 132].

13 августа 1735 г. отряд из 31 человека во главе с В. Шетиловым и П. Скобельцыным отправился с устья Горбицы. Геодезисты получили подробную инструкцию, составленную совместно В. Берингом, Г. Ф. Миллером

и И. Г. Гmeliным [81, с. 132]. Несмотря на то что геодезисты шли «с нерчинскими служилыми людьми и с толмачем и с вожами (проводниками. — Е. Б.) со удовольствием подводами, какие по тамошнему пути подлежат, и прочим», путешествие было неудачным. «Пройдя из Нерчинска Шилкою, до пограничной реки Горбицы, далее они следовали на лошадях, вверх по этой последней, и через вершины речек, впадающих в Шилку и Амур, к реке Еловой, впадающей в Олёкму, которая течет в Лену» [240, с. 247]. Таким образом, в своем походе по горным хребтам отряд миновал верховья рек Амазара, Урки, Омутной и их притоки. По словам участников похода, конечным пунктом экспедиции была р. Большая Еловая (приток Олёкмы), откуда они по рекам Олёкме и Лене 3 июня 1736 г. прибыли в Якутск. Однако карта, составленная Скобельцыным и Шетилковым по материалам похода, заставила В. И. Грекова предположить, что отряд обследовал также и р. Нюкжу [139, с. 152]. Экспедиция была прервана из-за раздоров, возникших между руководителями похода и рядовыми участниками, в результате чего большинство людей бежало. Оказавшись без проводников и переводчиков эвенкийского (тунгусского) языка, Скобельцын и Шетилков не решились идти по тайге и прекратили экспедицию.

В июне 1735 г. Сенат получил из Лифаньюаня напоминание о желательности дальнейшего разграничения на Дальнем Востоке. Цинское правительство сообщало, что русские промышленники переходят границу и охотятся на китайской территории; кроме того, оно напоминало про обещание С. Л. Владиславича доложить русскому правительству о желании Китая разграничить территории к югу от р. Уды и настаивало, «дабы по силе мирных договоров некоторые особы, знающие те места, ныне при реке Уди границу учредили» [104, с. 221—222].

Таких «особ» русское правительство не имело. В Пекин было сообщено, что сибирским властям приказано строже следить за пограничными жителями и наказывать виновных в нарушении границы «без всякой пощады». Что же касается упомянутых мест, то новое определение границы, сообщали из Москвы, пока что не представляется возможным, «поелику о положении оных, за великим отдалением, никакого верного доселе не имеется известия» [104, с. 225]. Получив ответ, цинская сторона согласилась временно отложить вопрос о разграничении [104, с. 228—229].

Одновременно Коллегия иностранных дел предписала иркутскому вице-губернатору о вышеуказанных землях «обстоятельное известие и описание получить, оным верную карту сочинить и для того нарочных в те места искусных и ученых людей, по согласию с губернатором тобольским капитаном-командором Берингом, послать»; карту же с описанием представить в Коллегию [104, с. 224].

Итак, задача исследования малоизвестных районов Приамурья снова была возложена на Беринга, точнее, все на тех же геодезистов Скобельцына и Шетилова. Решено было сделать вторую попытку отыскать удобный путь из Забайкалья к Охотскому морю, а заодно и выполнить задание Коллегии иностранных дел.

В августе того же года экспедиция Скобельцына — Шетилова вторично двинулась в путь. Прежняя инструкция была дополнена, намеченный маршрут стал более четким: сначала нужно было от Горбицы дойти до верховьев Зеи, а оттуда повернуть к истокам Уды; затем следовало спуститься по течению реки до моря. Экспедиция располагала быками и подводками, а для того, чтобы проводники и обслуживающий персонал не разбежались, геодезистов сопровождали 12 солдат во главе с капралом.

Участники экспедиции прошли 1316 верст (от Нер-

чинска до верховьев Зеи), хотя путь был чрезвычайно труден: «много непроходимых мест и гор каменных и болот топких, что с великою нуждою переправиться можно, и каменные розсыпи вострые, также в корму лошадям и быкам имеется немалая нужда, и ход на них самой тихой, толко верст по 8 и по 9 в день». Когда участники похода дошли до Зеи, проводники заявили, что дальнейший путь им неизвестен; ввиду этого, «а паче де затем, что провианта и никакого корму у солдат и у вожей и у служилых не стало», Скобельцын и Шетилов решили вернуться в Нерчинск [81, с. 133].

Разумеется, экспедиция должна была возвращаться тем же путем, но Скобельцын и Шетилов узнали от проводников, что по рекам Гилюю, Зее, Амуру и Албазихе постоянно промышляют пушного зверя русские люди и, следовательно, можно «на тех реках от промышленных людей взять на пропитание скотинного мяса и провианта, которого несколько и взяли; а ежели б де им по объявленным рекам на Нерчинск не возвратитца, и иттить обратно тем же трактом, которым они шли вперед, то бы им с командою помереть голодом, ибо тем путем на пропитание корму взять не у кого» [81, с. 253].

Слова проводников полностью оправдались: на Гилюе обнаружили зимовье русских промышленников, где получили немного продовольствия; выйдя затем лесами к Амуру, они дошли до устья р. Албазихи, где постоянно проживал с семьей некий Д. Солдатов (Бурук), также снабдивший изголодавшихся путешественников провиантом [188, ч. 1, с. 163—164]. В декабре 1737 г. экспедиция Скобельцына и Шетилова вернулась в Нерчинск.

Докладывая о результатах своего похода, руководители экспедиции были вынуждены сообщить и об изменении маршрута, что вызвало грозный запрос из Адмиралтейств-коллегии: почему Скобельцын и Шетилов

«были за границую... и тем учинили мирному трактату, заключенному между Российской и Китайскою империями, нарушение, чего и по данным им, геодезистом, от оног капитана-командора обще с обретающимся там профессорами инструкциями чинить запрещено?» Узнав все обстоятельства, Адмиралтейств-коллегия передала дело Скобельцына и Шетилова на рассмотрение Беринга и местных властей [81, с. 252—253]. Шетилову и Скобельцыну, как офицерам, грозил военный трибунал; однако экспедиция Беринга требовала большого числа специалистов, а их в Сибири было не слишком-то много. По всей вероятности, Берингу удалось замять этот инцидент, тем более что цинская сторона никак не отреагировала на появление русских на Амуре.

Безразличие цинских властей к Приамурью было совершенно явным: по сообщению геодезистов, нерчинские жители систематически уходят в Приамурье на соболиные промыслы: «Плавают плотами вниз по реке Амуру и выбирают себе пристойную речку, и от Амура вверх по той речке ходят на быках дней десять... а быки де у промышленных приходят на место в полном жиру». Для геодезистов же такой путь запрещен: они идут севернее Приамурья, истощая животных и утомляя людей.

К тому же, по словам геодезистов, «знающих вожей (проводников. — Е. Б.) в Нерчинску не имеется, и за таким де незнанием много вожи блудят, и многим де рекам и речкам звания не знают». Выход из этого положения геодезисты видели в отправке экспедиции из Удского острога, причем в состав экспедиции должны войти удские тунгусы, кочующие по рекам Тайде, Гилюю и в верховьях Зеи [81, с. 133].

Но Беринг не решился отправить геодезистов в третий раз, и 22 января 1739 г. запросил дальнейших указаний из Адмиралтейств-коллегии [81, с. 133]. Только

18 марта 1741 г. последовал указ коллегии, которым Берингу предлагалось «об отправлении во оной путь кого пристойно учинить ему по общему с профессорами и с прочими морскими офицерами рассуждение, однако ж при том довольно рассмотреть, чтоб оной путь был не бесплодной, как то уже двоекратно учинено, и не учинилось бы в том интересу е. имп. в-ва напрасной траты» [81, с. 254]. Больше такие экспедиции не посылались.

Итак, вторая попытка исследовать и нанести на карту неисследованные районы в Приамурье оказалась столь же неудачной, как и первая, предпринятая еще С. Л. Владиславичем. Несколько лучше обстояло дело с описанием морского берега от Охотска до устья Амура, что предписывалось В. Берингу пунктом 13 инструкции от 28 декабря 1732 г.

В своем отчете о Второй Камчатской экспедиции, составленном 18 апреля 1741 г., В. Беринг сообщал, что при отъезде его на Камчатку в 1740 г. он послал приказ М. П. Шпанбергу об исполнении этого задания, «ежели между отправлением ево в ваяж столкно способного времени останетца и тому ево ваяжу препятствия не будет». Кроме того, 16 февраля 1741 г. Шпанбергу был послан еще один приказ, подтверждающий прошлогоднее указание: «А буде ж того ему, Шпанберху, конечно, за отправлением в ваяж учинить невозможно, то велено ему отправить геодезиста из Охоцка сухим путем, чего ради от капитана-командора послана тому геодезисту инструкция» [81, с. 168]. Геодезист должен был осмотреть р. Уду и описать берег до р. Тугура, а также острова, до которых можно будет доплыть на лодке [81, с. 169].

Выполнение важного правительственного задания по описи морского побережья М. П. Шпанберг поручил мичману А. Е. Шельтингу. К этому времени отряд Шпанберга сумел выполнить свою главную задачу —

побывать у берегов Японии: в 1739 г. Шпанберг и Вальтон, независимо друг от друга, достигли Японии. Вернувшись в Охотск и получив приказ Беринга, Шпанберг отправил Шельтинга на судне «Надежда» описывать берег.

В сентябре 1741 г. «Надежда» прибыла к устью Уды, которая и была исследована до Удского острога. Река оказалась непригодной для входа в нее морских судов — глубина устья составляла лишь 3 фута при отливе; лес по берегам реки не годился для строительства судов, а пахотной земли оказалось мало. С 22 по 28 сентября «Надежда» пыталась пристать к Шантарским островам, но не смогла ввиду отсутствия подходящей гавани. 9 октября она прибыла в Большерецк [240, с. 418].

Перезимовав на Камчатке, эскадра Шпанберга сделала вторую попытку достичь Японии. 23 мая 1742 г. четыре корабля вышли из Большерецка. В начале июня они дошли до Курильских островов, где растеряли друг друга в тумане; это обстоятельство, а также различные неполадки на судах заставили их вернуться на Камчатку, откуда 26 августа они добрались до Охотска. Шельтинг, посланный на «Надежде» с Курильских островов для продолжения описи, 1 августа 1742 г. подошел к Сахалину на широте $45^{\circ}34'$, затем вошел в пролив, названный позднее проливом Лаперуза. Неизвестно, побывал ли Шельтинг в устье Амура, но, по его мнению, побывал, «токмо за великими же туманами видеть оного Амурского устья было невозможно» (цит. по [144, с. 35]). 10 сентября «Надежда» вернулась в Охотск.

К этому времени в связи с серьезным осложнением международной обстановки правительство решило прекратить Вторую Камчатскую экспедицию. Начавшаяся в 1741 г. русско-шведская война требовала крупных материальных и финансовых затрат; в этой обстановке

дальнейшее финансирование Камчатской экспедиции представлялось невозможным. 23 сентября 1743 г. Сенат представил императрице доклад, в котором говорилось: «Ту экспедицию, от которой Сенат нимало плода быть не признавает, надлежит вовсе остановить». На доклад Сената последовала резолюция: «Быть по сему» (цит. по [145, с. 165]).

Наиболее дальновидные участники русских экспедиций второй четверти XVIII в., такие, как А. И. Чириков, понимали, что развитие русского Дальнего Востока не может быть полноценным без использования Амура. В своем проекте, поданном в Адмиралтейств-коллегию 25 июля 1746 г., Чириков подчеркивал значение Амура для снабжения вновь открытых земель и установления торговли с Японией: «Понеже из Якутской провинции реки Ингода и прочие впадают в реку Шилку, на которой и город Нерчинск, Иркутской же провинции, селение свое имеет, а Шилка впадает в реку Амур; Амур течет местами благорастворенной климаты и впадает ниже 50° северной широты в Пенжинское или Камчатское море; и для того, ежели бы и на то высочайшее соизволение и повеление ея императорского величества воспоследовало, исходатайствовать от китайского двора, без нарушения с ним согласия и без пресечения происходящей коммерции, хотя точию свободное по Амуру подданным плавание и при устье Амурском, хотя на северной стороне оной реки свободные места для строения там города и довольного при нем селения жителей; ибо по оному месту из Иркутской провинции провианты и всякие материалы можно б было без великого труда отправлять, а со временем и при самом Амурском устье, по климату оного уповательно (ежели каких противных неизвестных свойств земли не имеется) сеетвою хлеб умножить. Через оное все вышесказанное в первом пункте в совершенное действие произвесть была бы надежда, а наипаче к доброму про-

изведению коммерции с Японским государством» (цит. по [240, с. 456—457]).

Чириков не был одинок в своем стремлении подтолкнуть правительство к более решительным действиям в отношении Амура. Между 1745 и 1747 гг. правительству был представлен проект с Камчатки, предлагавший вернуть Амур, действуя с моря [217, с. 338]. Но оба эти проекта были оставлены без последствий. Пассивное отношение русского правительства к вопросу об Амуре было вызвано рядом причин: слабой географической изученностью районов Приамурья, подлежащих будущему разграничению, занятостью европейскими делами и т. п. В немалой степени нежелание переводить вопрос об Амуре в политическую плоскость вызывалось стремлением сохранить дружественные, добрососедские отношения с цинским Китаем.

Русское правительство вынуждено было постоянно заботиться об укреплении обороноспособности Западной Сибири, определенную угрозу которой создавало Джунгарское ханство. До 1745 г. в Западной Сибири находилось четыре полка (Тобольский, Енисейский, Сибирский и драгунский) и пехотный батальон; в Забайкалье же разместились лишь один Якутский полк (не считая малочисленных гарнизонов по острогам). В 1745 г. по просьбе сибирской администрации, опасавшейся нападения джунгар, к войскам Западной Сибири были добавлены еще два пехотных (Нотебургский и Ширванский) и три драгунских (Олонецкий, Луцкий, Вологодский) полка, а также 1000 яицких казаков. В Восточной Сибири никаких изменений произведено не было [103, с. 103].

Разумеется, русское правительство не могло не ценить спокойной обстановки на русско-китайской границе. При этом необходимо отметить, что если на кяхтинском участке русско-китайской границы нередко происходили мелкие пограничные инциденты (угон скота,

грабежи и т. п.), вызывавшие длительную дипломатическую переписку, то для приамурского участка границы подобных случаев в архивных документах, которыми мы располагаем, почти не отмечено.

Попытка России изменить ситуацию в Приамурье на основе компромисса

Прямым следствием Камчатских экспедиций было усиление интереса русских зверопромышленников к пушному промыслу на островах Тихого океана. В итоге плаваний частных судов была открыта вся цепь Алеутских островов и обследовано северо-западное побережье Америки. В 1743—1746 гг. состоялись промысловые экспедиции Е. Басова, в 1745—1747 гг. — А. Чебаевского и М. Неводчикова, в 1747 г. экспедиции были снаряжены уже четырьмя купеческими компаниями [178, с. 44—47]. Правительство благожелательно относилось к деятельности промышленников и купцов, поскольку она способствовала расширению территории Российского государства, приведению новых народов в подданство и «ясачный платеж»; кроме того, государство было заинтересовано в получении пошлин за продажу пушнины в Кяхте, куда поступала почти вся добыча промышленников.

Вывоз товаров (пушнины) и ясака осуществлялся по Якутско-Охотскому вьючному тракту протяженностью в 927 верст, который был построен для перевозки грузов экспедиции Беринга. Он проходил от Якутска до Охотска через Пуоратов, Амгинскую и Бельскую переправы, Аллах-Юнь и Анчинск, откуда можно было добраться до Охотска двумя путями: или через Юдомский крест по берегу р. Урака, или через Юдомскую, Кетанду и по берегу р. Кухтуй [128, с. 217]. По словам Г. Ф. Миллера, по тракту «путь весьма труден..

лошадей вьючат сыромятными сумами, в которые кладут скарб и товар, ибо ни летом на телегах, ни зимой на санях ездить не можно» (цит. по [128, с. 218]).

Но эти трудности были терпимы, пока дело касалось лишь снабжения экспедиций и малочисленного населения Охотско-Камчатского края. К середине же XVIII в. русское население Дальнего Востока значительно увеличилось; на Охотском побережье существовали остроги Тауйск, Ямск, Гижигинск, Акланск, Охотск; на Камчатке — Тигильский, Большерецкий, Петропавловский, Верхнекамчатский и Нижнекамчатский. Население этих городков, состоявшее в основном из служилых и промышленных людей, получало продовольствие из Иркутска по Иркутско-Якутскому и Якутско-Охотскому трактам. В середине века для перевозки грузов в Охотск требовалось ежегодно 4—5 тыс. лошадей, которых предоставляли якуты в порядке гужевой повинности. Помимо дороговизны продовольствия, доставлявшегося с огромным трудом, любая задержка могла иметь катастрофические последствия для местного русского населения. Примером тому служит указ Сената от 7 декабря 1760 г., в котором сообщается о голодной смерти 40 служилых в отдаленных от Якутска острогах [61, т. 15, с. 577].

В то же время провиант мог бы доставляться быстро и дешево, если бы русские суда могли проходить по Амуру. Необходимость использования Амура диктовалась еще и тем, что Охотский порт из-за мелководья и отмелей был опасен для стоянки даже небольших судов. Уже второй начальник Охотского порта, Девиер, просил у Адмиралтейств-коллегии разрешения на перенос порта в другое место; но перенос не состоялся, и Охотск надолго остался единственным портом России на Дальнем Востоке, заслужив из-за постоянных кораблекрушений прозвище «новой Сциллы» [223, с. 33].

Таким образом, к началу 50-х годов XVIII в. эконо-

мические потребности русского Дальнего Востока поставили правительство перед необходимостью предпринять какие-то практические шаги с целью получить для русских судов свободу плавания по Амуру. Вскоре представился и повод для подобных действий.

В июне 1753 г. сенатор П. И. Шувалов подал в Сенат представление о возобновлении Камчатской экспедиции, «которая остановлена по большей части за неспособностью к поставке припасов и прочих потребностей». Он предложил поручить бывшему моряку генерал-лейтенанту В. А. Мятлеву, направленному в Сибирь в качестве губернатора, составить проект новой Камчатской экспедиции. Сенат согласился с этим предложением [74, т. 9, с. 93—95].

В том же месяце В. А. Мятлев представил Сенату свой проект. Он считал, что задачей будущей экспедиции должно стать «обыскание вновь неизвестных восточных, северо-восточных и южно-восточных мест и описания земли, которая от устья реки к западно-южной стороне склонение иметь начинает»; неизвестные народы следует приводить в российское подданство или утаивать с ними торговые отношения. По его мнению, наиболее удобный путь в Тихий океан — по рекам Ингоде и Амуру; но, поскольку Россия не владеет Амуром, нужно будет обратиться за разрешением к цинскому правительству, которое «по обязательству соседственной дружбы» не может отказать в плавании по этой реке. Если же Амур окажется мелководным, то следует получить разрешение на строительство верфи для морских судов в устье Амура и осуществить намеренную экспедицию [74, т. 9, с. 103].

Кроме того, В. А. Мятлев полагал, что доставка провианта из Забайкалья по Амуру и впадающим в него рекам будет служить «к наилучшему довольствию всех гарнизонов по крепостям и острогам, лежащим по северо-восточным берегам, и всех по тем берегам живу-

щих промышленников и обывателей», притом «не такую высокою ценою, в какой в Охотском и Удском острогах и в других местах состоит» [74, т. 9, с. 206].

Сенат запросил мнение Коллегии иностранных дел по этому вопросу. Коллегия сообщила, что, по ее мнению, обращение к цинскому двору «совсем бесплодно быть имеет и токмо безвременное откровение оному о здешнем к тому намерении подано будет, ибо китайский двор, услышав токмо, что на устье Амура для морских судов российскую верфь и крепость строить хотят, легко позволить на то не может, но паче из того явное подозрение возымеет, будто с российской стороны таким образом намерены р. Амуром завладеть и морскими судами против областей китайских действовать». Коллегия предложила, чтобы Мятлев вначале отыскал удобное место при слиянии Шилки и Аргуни, собрал сведения о глубине Амура, «и ежели в той реке глубины довольно, то б тут и морские суда строить». У цинского же двора следует просить разрешения только на плавание по Амуру, «в чем, уповательно, может позволено быть». Если же Амур окажется мелководным, то лишь в этом случае можно будет просить о разрешении строить верфь в устье реки; однако Коллегия выражала сильное сомнение в том, что Цины пойдут на это [74, т. 9, с. 207—208].

9 декабря 1753 г. был издан указ Сената, которым утверждался проект Мятлева о возобновлении Камчатской экспедиции и одобрялось мнение Коллегии иностранных дел. Общее руководство Нерчинской секретной экспедицией (так была названа возобновленная Камчатская экспедиция) возлагалось на Мятлева; практическое же осуществление ее — на Ф. И. Соймонова, которому придавались все бывшие участники Второй Камчатской экспедиции, находившиеся в Сибири по указу от 24 сентября 1743 г. Руководителям экспедиции поручалось организовать выплавку железа в Нер-

чинском округе, открыть в Сибири штурманские (навигационные) школы, построить на реках, впадающих в Амур, несколько судов. По получении разрешения из Пекина следовало немедленно отправиться вниз по Амуру, делая по пути тщательный промер реки и подробно описывая побережье [74, т. 9, с. 102—105, 206—217].

Выбор организатора Нерчинской экспедиции оказался на редкость удачным: Соймонов незамедлительно развернул кипучую деятельность. Он открыл две навигационные школы — в Иркутске и Нерчинске, чтобы готовить штурманов и геодезистов в Сибири, не запрашивая их из центра; при Иркутской навигационной школе, кроме того, было открыто отделение японского языка. В устье р. Нерчи Соймонов устроил верфь и заложил несколько транспортных судов, отыскал удобный путь, соединяющий рр. Ингоду и Хилок, чем связал Амурскую систему с Байкалом, принял меры к увеличению хлебопашества в Забайкалье [136, с. 137, 141; 226, с. 72].

В сентябре 1754 г. Соймоновым были осмотрены реки Ингода и Шилка и собраны сведения об Амуре. В декабре 1754 г. Мятлев переслал все сведения и чертежи Соймонова в Сенат, приложил и проект Соймонова об осмотре фарватера Амура еще до получения разрешения цинских властей. Сам Мятлев сомневался в реальности этого проекта по нескольким причинам: 1) противодействие цинских пограничников или местных народностей; 2) недостаток провианта и природные трудности. В то же время Мятлев еще раз подтверждал необходимость открытия водного сообщения по Амуру, поскольку на всем северо-востоке Сибири сложилось очень тяжелое положение с продовольствием: «В Большерецке ржаная мука зимою в 5, а весною и в 10 р. пуд и более, и то малое число к продаже для народного удовольствия отыскивается, а в Верхнем и Нижнем острогах покупают в 15 р. пуд и более ж». Пере-

возка провианта сухим путем настолько трудна и разорительна для местного населения, что «верноподданные народы, а паче яшашные от упадка лошадей подъедают себе несносно преогорчительное отягощение и бедственное разорение» (см. [74, т. 9, с. 365—368]).

18 мая 1755 г. Сенат постановил, что план Соймонова следует отвергнуть и дожидаться из Пекина «о свободном плавании российским судам Амуром рекою от китайского двора точного позволения или в недаче оно-го какого ни есть уведомления», а тем временем продолжать подготовку судов к плаванию [74, т. 9, с. 368].

Крупный сибирский администратор, комендант Селенгинска бригадир В. В. Якоби весьма критически относился к надеждам В. А. Мятлева получить официальное согласие Пекина. По его мнению, «китайский двор во всем оном требовании удовольствия всемерно не сделает и будет от того отговариваться тем, что оные места не только не трактованы, но в трактате положено, чтоб российским людям в те места не переходить и более на поселение не завладеть; и потому того дозволения, яко в противность трактата, учинить не должно». Он считал, что цинская сторона, узнав о желании России открыть судоходство по Амуру, «не оставит, чтоб того ж времени не учинить в тех местах довольной и строгой предосторожности, дабы чрез оное российских судов по Амуру плавание совсем не допустить» (цит. по [241, с. 138]).

Несколько ранее В. В. Якоби сообщил В. А. Мятлеву, что вернувшийся из Китая директор торгового каравана А. М. Владыкин рассказал ему, что, по слухам, в устье Амура побывала китайская флотилия с экипажем 4 тыс. человек. Слухи эти были ложными, однако они, несомненно, повлияли на решение правительства России добиваться разрешения вопроса о Приамурье исключительно дипломатическими средствами. К тому же инцидент, происшедший в 1755 г. на границе, значи-

тельно осложнил планы открытия судоходства на Амуре.

4 мая 1755 г. Мятлев сообщил в Коллегию иностранных дел, что на русский Цурухайтуйский караул цинскими властями был доставлен перебежчик, бывший каторжник М. Шульгин, бежавший вниз по Амuru. В ходе следствия выяснилось, что Шульгин жил в Нерчинске, когда туда приехал по делам Нерчинской экспедиции Ф. И. Соймонов; подготовка последним сплава по Амuru вызвала среди местных жителей толки, «что тот господин Соймонов намерен брать стоящий подле Амуре-реки первой китайского государства город Ангун». Шульгин, влачивший жалкое существование в Нерчинске, решил бежать по Амuru в Айгунь и объявить о планах Соймонова айгунскому начальству, предполагая, что «тогда оне ево, Шулгина, наградят, и будет у них жить во всяком к пропитанию и одежде удовольствию». В августе 1754 г. Шульгин бежал из Нерчинска на краденой лодке по Нерче, Шилке и Амuru в Айгунь, где объявил местному начальству, что «господин Соймонов приехал в город Нерчинск с четырьмя полками и с пушками и хочет взять город Ангун сего 1755 году летним временем в страдную пору». Маньчжурские чиновники гордо ответили ему: «Хотя де у того господина Соймонова войска и четыре полка, но у нас де более ево войска имеется, да к тому ж и предосторожность можем учинить; да и как де тот Соймонов может взять наш город Ангун, ибо де оной весьма многолюден?» Однако в этом «многолюдном» городке, по рассказу Шулгина, не имелось ни одной пушки. Местные хэйлунцзянские власти наверняка сообщили об этом происшествии в Пекин. Любая попытка русской стороны пройти по Амuru теперь, в свете сообщения Шулгина, выглядела бы враждебной по отношению к Цинской империи, и русское правительство учитывало это обстоятельство [51, с. 49—50].

В течение долгого времени Коллегия иностранных дел не находила подходящего человека для отправки в Пекин: деликатность вопроса требовала серьезного дипломатического опыта, и простой курьер здесь не годился. В то же время вопрос об открытии навигации по Амуру представлялся слишком незначительным для отправки целого посольства. В 1755 г. Коллегия решила послать в Пекин надворного советника А. Иванова; но в мае 1756 г. по специальному распоряжению императрицы Елизаветы курьером в Пекин был назначен В. Ф. Братищев, опытный дипломат, до этого представлявший русские интересы в Персии [104, с. 264].

21 декабря 1756 г. Братищеву была дана инструкция, в которой подробно излагались возложенные на него поручения. Он должен был добиться от цинского двора разрешения на свободное плавание русских судов по Амуру, обосновав это крайней необходимостью снабжать население русского Дальнего Востока продовольствием именно этим путем. Другим важным поручением было улаживание различных пограничных инцидентов, случившихся на монгольском участке русско-китайской границы. Наконец, Братищеву было приказано убедить цинскую сторону прислать в Россию посольство, заверив, что такое же посольство будет послано и из России.

Братищев должен был передать также грамоту Сената в Лифаньюань, в которой убедительно разъяснялась неотложная потребность для России провозить провиант именно по Амуру и содержались заверения в том, что местным приамурским жителям не будет причинено ни малейшего ущерба [104, с. 254—265].

27 января 1757 г. миссия Братищева отбыла из Москвы. В состав миссии входили: В. Ф. Братищев, И. В. Якоби, переводчики Шарин и Е. Сахновский, солдаты и слуги — всего 12 человек. 28 мая миссия прибыла в Селенгинск, 26 июля выехала из Кяхты в Пе-

кин, куда и прибыла 26 сентября 1757 г. Помещение, в котором разместились миссия, строго охранялось; свобода передвижения для членов миссии была ограниченной [246, с. 53].

В том же месяце Братищев отправился в г. Жэхэ, где проходила императорская охота и находился весь двор. Предложения России были рассмотрены; от посылки в Россию посольства решено было воздержаться, «так как нет к тому никакого повода». Относительно пропуска русских судов по Амуру цинское правительство не сразу пришло к единому мнению. Братищеву было сказано, что «хотя малое дело пропустить российские суда рекою Амуром, но многого требует рассуждения». На собравшемся по данному вопросу совещании министров фаворит императора Фугун заявил, что пропуск российских судов невозможен из-за опасности столкновения русских и цинских подданных на Амуре. После совещания Братищеву было объявлено, что «пропуск российских судов с хлебными припасами рекою Амуром по многим причинам недозволен» (цит. по [246, с. 53—54]).

Главе русской духовной миссии в Пекине А. Юматову удалось узнать от миссионера-иезуита Сигизмунда, «что пропуск оных судов не за чем иным недозволен, как токмо за опасением и боязнию, дабы россияне, быв до сей реки допущены, не завладели оной, по примеру города Албазина» [104, с. 277]. Несомненно, что эта причина была главной и решающей.

Определенное влияние на отказ пользоваться Амуром оказало и серьезное ухудшение русско-китайских отношений в связи с разгромом Цинами Джунгарии. Если в периоды неудач в ходе многолетней джунгаро-китайской войны цинские императоры предлагали России часть джунгарской территории в обмен на военную помощь с ее стороны, то теперь Цины опасались претензий России. Бегство ряда джунгарских феодалов, и

особенно Амурсаны, законного претендента на джунгарский престол, в пределы России привело в ярость Хун Ли (девиз годов правления Цяньлун, 1736—1795 гг.) [287, т. 1, с. 10]. В Сенат из Лифаньюаня было послано требование о выдаче Амурсаны и ряда других беглецов (Шерына, Лоужанджапа и др.). Одновременно цинские войска проводили рейды на русскую территорию, вплотную подходя к русским пограничным крепостям и угрожая применить силу для возврата перебежчиков.

Понимая, что в ходе переговоров Братищева джунгарский вопрос непременно будет поднят, Сенат отправил в Лифаньюань письмо от 20 мая 1757 г. В письме, написанном в миролюбивом тоне, излагалась позиция русской стороны по вопросу о джунгарских беглецах: Россия не считала их перебежчиками по той причине, что они не были до бегства подданными Китая, а потому и выдачу Амурсаны можно требовать «не по силе трактата, но на основании одной только между государствами продолжающейся дружбы» [21, с. 180]. Но это послание не оказало ожидаемого воздействия на ход переговоров; наоборот, по словам Братищева, цинский император «весьма озлобился и, пришед в жестокую запальчивость, приказал в грубых терминах ответный лист написать; и ежели по оному со здешней стороны удовольствия не покажут, то богдыхан помышляет многочисленную армию к здешним границам послать и сильною рукою из внутреннего владения принятых в подданство зенгорцев доставить» (цит. по [241, с. 180]).

Вернувшись 12 мая 1758 г. в Петербург, Братищев представил официальный ответ цинского правительства, который гласил: «У нас из веку того не бывало, чтоб когда-нибудь позволено было России провозить рекою Амуром хлеб свой, чего и ныне никоим образом позволить не можно, как для того, что в трактате о сем не упомянуто, так и для того, что при таком проезде легко

может от непотребных людей повредиться мирное согласие» (цит. по [104, с. 278]).

Отказав Российской империи в пользовании Амуром, цинское правительство не было, однако, уверено в эффективности отказа. Как отмечает Фу Лошу, 13 апреля 1757 г. император издал указ, в котором говорилось, что русские «умоляли» его позволить плавание судов по Амуру, но им было отказано на основании отсутствия такой статьи в Кяхтинском договоре; Лифаньюаню же приказано отправить письмо с «выговором» русским. «Однако варвары, — отмечал император, — не понимают должных церемоний. С тех пор как они уже вручили письмо Лифаньюаню, они могут вообразить, что им не нужно ожидать ответа, и могут отправиться и потребовать от людей наших почтовых станций пропустить их». Хэйлуцзянскому цзянцзюню Чолето повелевалось приказать подчиненным отвечать русским, что разрешения на проход не было. Если же русские не подчинятся, говорилось далее в указе, следует «послать нужное количество солдат и схватить их. Затем с ними следует поступить по закону, как с нарушителями границы» [88, т. 1, с. 206].

Опасения цинского правительства оказались напрасными: Россия твердо придерживалась традиционного принципа добрососедских отношений с Китаем и духа русско-китайских договоров. Понимая, что проход российских судов по Амуру вызовет дальнейшее ухудшение и без того уже напряженных межгосударственных отношений с Цинской империей, русское правительство не сочло возможным настаивать на немедленном решении вопроса об Амуре.

Хотя между двумя империями существовало равновесие сил, зафиксированное еще Кяхтинским договором и нашедшее наглядное подтверждение в активной и успешной политике, которую Российская империя проводила в Европе, а Цинская империя в Центральной

Азии, соотношение сил на границе было неравным. Цинская империя имела мобильную армию около 200 тыс. человек, расположенную в относительной близости от русско-китайской границы [180, с. 34]. Русские же войска в Сибири были малочисленны и разбросаны по крепостям; к тому же они находились довольно далеко от баз снабжения.

В этих условиях попытка решить вопрос об Амуре в одностороннем порядке могла иметь тяжелые последствия для русского Дальнего Востока. Заняв выжидательную позицию в данном вопросе, русское правительство тем не менее не считало нужным отменять Нерчинскую секретную экспедицию.

Ухудшение русско-китайских отношений и состояние амурского вопроса

Десятилетие, прошедшее после неудачной попытки русского правительства добиться открытия Амура для русского судоходства, характеризовалось постоянной и все усиливавшейся напряженностью в отношениях между двумя государствами. Проводя крайне агрессивную политику в отношении своих более слабых соседей, цинские правители считали Россию препятствием в их захватнических устремлениях. Бегство ряда джунгарских феодалов, спасавшихся от гибели, на территорию Российской империи раздражало и беспокоило цинский двор. Наиболее остро проявились подозрительность и враждебность Цинов к России, как возможному сопернику в Центральной Азии, в деле Амурсаны. Узнав о его бегстве в пределы России, император Хун Ли приказал Лифаньюаню направить письмо российскому Сенату с требованием выдачи Амурсаны, заявив в ноябре 1757 г. в Великом совете: «Если вероломный бандит (Амурсана) действительно на их территории и они, повинувшись нашему эдикту, представят его и тем самым

выразят верность, тогда, с его поимкой, Джунгарская кампания будет завершена» [88, т. 1, с. 209].

Однако Россия не торопилась выдать Амурсану. В упоминавшемся выше «листе» от 20 мая 1757 г. Сенат фактически отказал в выдаче Амурсаны на том основании, что он является джунгаром, а не цинским подданным [21, с. 180]. Лишь после смерти Амурсаны от оспы сибирские власти предложили цинским представителям осмотреть тело и убедиться в его смерти. Получив это сообщение, Хун Ли издал пространный указ, в котором говорилось, что «русские укрывали этого вероломного бандита, предполагая сначала, что делают его послушным орудием. С его смертью исчезла и надежда использовать его». Однако, говорилось далее в указе, если русские не выдадут прах Амурсаны, то «не поздно будет мобилизовать карательную армию» [88, т. 1, с. 213].

Опасения императора оправдались: русская сторона отказалась выдать прах Амурсаны, справедливо полагая, что этот факт был бы использован цинскими властями для подрыва авторитета России среди народностей, живших близ русско-китайской границы. Хун Ли был вынужден заявить в апреле 1758 г.: «Ныне комиссары, посланные нами в Россию, совместно осмотрели и опознали труп: это, без сомнения, он» [88, т. 1 с. 213].

Но и после этого «дело Амурсаны» не только тянулось еще несколько лет, но и осложнилось бегством в 1758 г. на русскую территорию торгоутских нойонов Шерына и Лоужанджапа, причем Шерын увел тысячу семей своих подданных. Их бегство послужило причиной крайнего раздражения цинского двора: письма, направлявшиеся из Лифаньюаня в Сенат, были полны грубых выражений, абсолютно недопустимых согласно нормам европейского международного права. Но ни грубость, ни угрозы не достигли своей цели. Русская сторона решительно отказалась выдать торгоутов, объ-

ясняя это тем, что беглецы не являлись цинскими подданными, а были отколовшейся частью российских торгоутов [21, с. 185—187]. В то же время, придерживаясь принципиальной позиции — выдавать цинскому Китаю только лиц, действительно состоявших в его подданстве, русские власти выдали князца Септына из рода Махачин, тайшу Дондука и других перебежчиков. Цинская сторона, в свою очередь, была вынуждена вернуть нескольких перебежчиков из России. Тем не менее отношения между двумя империями продолжали ухудшаться.

В декабре 1758 г. цинским пограничным управителям был дан императорский указ, разрешавший вооруженным отрядам переходить границу, «преследуя разбойников». «Конечно, мы и Россия всегда имели статью в нашем договоре, гласящую, что никто не может нарушать границу, — признавал Хун Ли, — так что, если разбойники убегут настолько далеко, что не будет видно их следов и теней, мы должны вспомнить данную статью договора, отступить от разбойников и прекратить преследование. Однако если мы будем видеть разбойников, когда они перейдут на русскую территорию, то мы должны последовать за ними и схватить их. Этим мы сэкономим время, затрачиваемое на посылку письма в Россию и получение ответа. Кроме того, это заставит разбойников бояться нас». Указ был направлен Чолето, хэйлунцзянскому пограничному управителю [88, т. 1, с. 214].

Столь вольная трактовка положений Кяхтинского договора была причиной того, что цинская сторона длительное время уклонялась от постановки пограничных караулов по Аргуни, хотя русская сторона неоднократно просила об этом. Лишь в 1761 г. Лифаньюань сообщил Сенату, что с китайской стороны по Аргуни будут выставлены караулы [104, с. 302].

Между тем грубости Лифаньюаня в дипломатиче-

ской переписке становились нетерпимыми, и Сенат вынужден был дать на них достойный ответ. В послании, отправленном в Пекин в июне 1760 г., Сенат отмечал, что оскорбительные выражения, употреблявшиеся цинской стороной в адрес русских властей «к одним только своим подданным могли бы они писать, забывая или совсем не зная должного независимому от них государству почтения». Сенат рекомендовал Лифаньюаню «в переписках с нами умеренно поступать и воздерживаться от всяких грубых и досадительных слов и угроз, которые между независящими отнюдь не уместны» [104, с. 296—297].

Особенно обострились отношения России и цинского Китая после завоевания Цинами Восточного Туркестана и создания наместничества Синьцзян, которое превратилось в военный плацдарм для дальнейшей их агрессии против народов Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Русское правительство было вынуждено принять меры к обороне своих владений: были построены новые крепости в пограничных районах Южной Сибири, укреплены старые [142, с. 200—201].

Это несколько охладило воинственный пыл цинского императора Хун Ли и заставило его остановить свою экспансию на северных и западных границах Кашгарии и Джунгарии. Однако великодержавные претензии в адрес России не только не прекратились, но даже усилились: Цины продолжали требовать выдачи джунгарских беглецов, предпринимая одновременно попытки экономического шантажа. Зная, какое значение придавало русское правительство торговле между двумя странами, цинская сторона решила использовать именно этот рычаг давления, и он был незамедлительно приведен в действие.

В 1760 г. цинские власти выступили против взимания пошлины русскими властями со своих же купцов в Кяхте и наличия в районе Кяхты деревянных укреп-

лений (надолбов). Но это был лишь предлог для обострения русско-китайских отношений.

Относительно сбора пошлин цинские власти заявили, что это якобы не только противоречит Кяхтинскому трактату, но и наносит ущерб цинским купцам, «потому что россиянин заплаченную пошлину никогда не оставит включить в товарную цену и оную выверстает от китайцев» [104, с. 301—302]. Русский Сенат резонно указал в своем ответе, что «в трактате сказано только не брать пошлины в Пекине; на пограничных же местах о взыскании умолчано, да и пошлины оные берутся не с китайских, но с российских купцов» [104, с. 297].

Не менее надуманным был вопрос о надолбах, построенных в районе Кяхты в 1744 г. для пресечения контрабандной торговли и разбоев [61, т. 12, с. 3]; наличие их не вызывало до 1760 г. никаких возражений со стороны цинской пограничной администрации. Теперь же Лифаньюань заявил, что «россияне построили деревянные надолбы и оными в некоторых местах отгородили к себе китайские земли», а потому цинский император дал указание: «Все надолбы, построенные от россиян, долой сломать» [104, с. 293—294]. Российский Сенат в ответном послании сообщил, что «оные надолбы построены назад уже 16 лет и весьма нужны для обоюдного удержания перебежчиков и воровских людей, и о сем заявлено тогда ж пограничным китайским управителям» [104, с. 296—297].

Трудная ситуация, сложившаяся в русско-китайских отношениях после цинских завоеваний в Центральной Азии, занятость России европейскими делами (участие в Семилетней войне) заставляли русское правительство стремиться к мирному урегулированию конфликта. Однако состоявшиеся летом 1762 г. переговоры на границе не привели ни к какому результату [104, с. 311—312].

В 1762 г. кяхтинский торг был односторонне прекра-

щен цинской стороной под предлогом отказа России выполнить требования цинских властей. Русское правительство, придя к выводу, что переписка с цинским двором «вместо пользы и поправления неудобств от большей части приводит взаимные дела в вящее затруднение и расстройку», да к тому же Лифаньюань употребляет в переписке «самые огорчительные грубости», решило направить в недалеком будущем в Пекин посольство «для подтверждения пребывающего издревле между Всероссийскою империею и Китайским государством мирного трактата, умножения тем дружбы и согласия происходимых между подданными обеих держав народами всяких по пограничным делам споров» [73, с. 569].

Курьером для сообщения цинскому двору известия о будущем посольстве 30 апреля 1762 г. был назначен гвардии капитан И. И. Кропотов. Кропотову поручалось также организовать частный купеческий караван в Китай; но сибирские купцы не пожелали участвовать в таком предприятии, и Кропотову пришлось организовать последний казенный караван.

Кропотов находился в Пекине с 28 апреля по 12 августа 1763 г. Ему было разрешено продать товары, доставленные с казенным караваном. Письмо от русского правительства было принято алиха-амбанем Фугуном, который, согласно донесению Кропотова, спросил: «Не поручено ль чего Кропотову о пограничных делах, бывших пред сим при разводе ялы, говорить; и что наши сенаторы о том деле, чтоб по Амуру суда пропускать, разсуждают. На что Кропотов отвечествовал, что ему о том, как о непорученном деле, неизвестно» (цит. по [252, с. 236]).

В послании цинского двора, доставленном Кропотовым, говорилось: «Российская императрица намеревает ко мне прислать посла с поздравлением, то из того я усматриваю сильное и доброе ко мне ея усердие; а с

моей стороны, пошлю ли или не пошлю в Россию посла, после разсмотрю» [104, с. 316]. Разумеется, русское правительство с негодованием отнеслось к такой позиции цинского двора.

Напряженность в русско-китайских отношениях не являлась секретом для русской общественности. Ряд государственных и общественных деятелей России поспешили довести до сведения правительства свое мнение относительно ситуации на Дальнем Востоке и пути разрешения вопроса о Приамурье.

В сентябре 1763 г. в Адмиралтейств-коллегию была подана записка М. В. Ломоносова, а в октябре того же года — записка сенатора Н. Е. Муравьева, в которых наряду с другими вопросами рассматривался вопрос о развитии русского Дальнего Востока.

В записке М. В. Ломоносова основной упор делался на освоение Северного морского пути и развитие русского Дальнего Востока без использования Амура. «На Камчатке, или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом, но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадёжные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистошимо. Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке» [174, с. 498].

В записке сенатора Муравьева был намечен принципиально иной план развития Восточной Сибири. По мнению Муравьева, Россия должна уделять основное

внимание не Северному, а Тихому океану, поскольку в Южной Сибири имеются реки, впадающие в океан, которые «с реками, внутри нашего отечества протекающими, соединены быть могут». Особенно важно было бы, считал он, использовать для целей внешней торговли Амур, на который Россия имеет исторические права; в устье Амура следует построить порт, из которого «во все Индийские острова в короткое время плавать можно будет» (цит. по [245, с. 246]).

В 1763 г. академик Г. Ф. Миллер, продолжая рассмотрение вопроса о Приамурье, начатое им в 30-х годах XVIII в. в период пребывания в Сибири в составе Второй Камчатской экспедиции, представил правительству записку, в которой подробно изложил исторические права русского народа на Амур и Приамурье и призвал правительство активнее добиваться нового русско-китайского разграничения на Дальнем Востоке. По мнению Г. Ф. Миллера, «при будущем мирном заключении должно на том стоять безотступно, чтоб Амур был границею между обоими государствами» [47, с. 389].

Правительство России, твердо придерживаясь линии на восстановление добрососедских отношений с цинским Китаем, не предпринимало никаких враждебных по отношению к нему действий. Однако не прекращавшиеся с цинской стороны угрозы и грубости в дипломатической переписке вынуждали Россию укреплять свою обороноспособность [74, т. 11, с. 99—100]. Была созвана чрезвычайная конференция высших сановников империи, в работе которой приняли участие А. М. Голицын, Н. И. Панин, И. Г. Чернышев, Б. Х. Миних, А. В. Олсуфьев, И. И. Неплюев и Вильбоа. На конференции были рассмотрены различные стороны русско-китайских отношений, в том числе и вопрос об Амуре. Конференция решила в случае нападения Цинской империи на Россию отправить на Амур военную экспеди-

цию [246, с. 60]. 16 мая 1763 г. был утвержден доклад генерал-фельдцейхмейстера Вильбоа «О разделении крепостей на департаменты и округа». Согласно докладу, Селенгинск и Нерчинск предполагалось укрепить; в докладе упоминалась также крепость «будущая новая на Амур-реке» [61, т. 16, с. 251].

В то же время русское правительство стремилось к мирному разрешению конфликта, к восстановлению дружбы и взаимовыгодной торговли. В сенатских посланиях в Китай постоянно проводилась мысль о готовности России уладить все недоразумения путем переговоров.

Очевидно, эта миролюбивая линия правительства России и послужила поводом для составления Г. Ф. Миллером в 1764 г. очередной записки, озаглавленной «Рассуждение о посольстве в Китай». Среди прочих важных и неотложных проблем (пограничные дела, торговля, духовная миссия) особое место Миллер отводил вопросу о плавании русских судов по Амуру. «Известно, что сия река, проистекая из российских пределов, устьем впала в Океан прямо против Камчатки, что довольно великие суда по ней ходить могут и что в Нерчинске легко можно заготавливать всякие материалы к кораблестроению и к такелажу, с довольном числом съестных припасов. Дабы настоящую иметь пользу от земли Камчатки, распространять открытия в Северной Америке, населять нежилые острова, присвоить себе бобровый и других зверей промысл в оных странах, торги производить с Япониею, с Восточною Индиєю и с самими китайцами удобнее прежнего, — то сие чрез заведение кораблеплавания по реке Амуру учиниться должно» [46, с. 400].

Миллер считал, что русский посол должен добиваться в Пекине разрешения на проход русских судов по Амуру, нарисовав китайским властям выгоды, которые извлечет Китай из этого предприятия; открытие русско-

китайской морской торговли, что будет для обеих стран удобнее, чем торговля через Кяхту; маньчжурские жители смогут получать русские товары по Сунгари и т.п. Учитывая, однако, печальный опыт Братищева, Миллер допускал, что «китайцы пребудут в своем упрямстве и посланнику откажут неучтивым образом»; в этом случае, по его мнению, вполне можно плавать по Амуру и без официального разрешения [46, с. 401]. Но русское правительство, считая невозможной постановку вопроса о русском судоходстве по Амуру в данной политической ситуации, решило отложить его до более благоприятного времени. 17 июня 1765 г. Нерчинская экспедиция была упразднена, а ее участники отозваны из Нерчинска [226, с. 79].

Миролюбивая политика России, точное соблюдение ею русско-китайских соглашений в конце концов заставили Цинов пойти на прекращение конфликта. Цинский двор, как явствовало из доклада Кропотова, не забыл о стремлении России к частичному решению вопроса о Приамурье. В 1765 г. власти Хэйлунцзяна произвели тщательный осмотр пограничных районов Приамурья. В донесении императору о результатах осмотра от 4 октября 1765 г. они сообщали, что «нигде не имеется признаков, что русские тайно перешли границу». Чиновники заявили: «Мы не исследовали эти районы с 29 года Кан-Си, когда мы установили наши границы с русскими» — и предложили периодически производить подобные проверки [88, т. 1, с. 243—244].

Таким образом, цинское правительство убедилось воочию, что Россия, даже в столь сложной обстановке, свято соблюдает условия русско-китайских договоров. В том же году цинские власти сообщили в Селенгинск, что они готовы вступить в переговоры с русскими представителями об урегулировании спорных вопросов [235, с. 160].

Представителем России на русско-китайских пере-

говорах был назначен И. И. Кропотов [79, с. 436]. В результате переговоров на русско-китайской границе 18 октября 1768 г. была подписана Дополнительная статья к Кяхтинскому договору. В ней было зафиксировано, что пошлины в Кяхте и Цурухайтуе (ныне Приаргунск) отменялись, пограничные претензии обеих сторон (дела о перебежчиках и грабежах) предавались забвению, надолбы уничтожались. Статья 10 Кяхтинского договора о нарушениях границы была значительно детализирована [68, с. 22—24].

В том же году торговля в Кяхте была вновь открыта. С ее возобновлением закончился один из самых сложных и напряженных периодов в истории русско-китайских отношений. Добрососедские отношения между двумя странами были восстановлены, но вопрос о Приамурье остался нерешенным.

* * *

Политика России в отношении вопроса о Приамурье с середины 20-х годов до конца 60-х годов XVIII в. претерпела значительные изменения.

Пассивная позиция русского правительства, состоявшая в уклонении от разграничения в Приамурье и Приморье, строгом соблюдении условий Нерчинского договора, дополнилась попытками исследования устья Амура и изучения географии Приамурья. Хотя эти попытки были в основном неудачными, сама постановка данных задач свидетельствовала о возрастании интереса правительственных кругов к вопросу о Приамурье.

Стремление цинской стороны навязать России новое размежевание на Дальнем Востоке с целью окончательного превращения Приамурья и Приморья в буферную территорию между двумя империями по-прежнему не находило отклика у русского правительства. Не имея точных сведений по географии Приамурья и предвидя

возможность более справедливого для России решения погранично-территориального вопроса в будущем, русское правительство пыталось установить сообщение развитых районов Восточной Сибири с Тихоокеанским побережьем по суше. Лишь в середине XVIII в. активизировалось отношение России к вопросу о Приамурье. Но это не было чем-то неожиданным: весь ход экономического развития русского Дальнего Востока заставил правительство обратиться к данному вопросу. Необходимость снабжения дальневосточных владений России наиболее удобным и дешевым способом побудила правительство поставить перед цинскими властями вопрос о проходе русских судов по Амуру. Основанием для данного обращения служили фактическая неразграниченность Приамурья и Приморья и отсутствие формального запрета на проход российских судов по Амуру. Разумеется, установление русского судоходства по Амуру было бы лишь частичным решением вопроса; но в тот момент еще отсутствовали политические факторы, заставившие впоследствии Россию настаивать на возвращении ей Приамурья и Приморья.

Однако Цинская империя, находившаяся в середине XVIII в. в зените своего военного могущества и проводившая крайне агрессивную политику по отношению к более слабым соседям, не пожелала пойти навстречу просьбе России. Не имея особых экономических интересов в Приамурье, Цины, как и прежде, старались сохранить этот район в качестве буферной зоны.

Провал попытки правительства России добиться открытия русского судоходства по Амуру ознаменовал начало десятилетней напряженности в отношениях между двумя государствами. Однако последовательная и твердая линия России на восстановление добрососедских отношений с цинским Китаем заставила его правительство пойти на урегулирование разногласий между обеими державами.

Глава 4

НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ АМУРСКОГО ВОПРОСА В КОНЦЕ XVIII— НАЧАЛЕ XIX в. В СВЯЗИ С КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИЕЙ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

**Провал усилий русского правительства
укрепить дальневосточные рубежи империи
без решения вопроса о Приамурье**

В течение 40 лет, прошедших после официальной отмены Нерчинской секретной экспедиции (1765 г.), Россия не ставила перед цинским правительством вопроса об открытии или возвращении Амура. Убедившись в невозможности договориться с Пекином по данному вопросу, русское правительство старалось сохранить и расширить взаимовыгодную русско-китайскую торговлю, избегая повторения острой, почти военной конфронтации, возникшей в 60-х годах XVIII в. Хотя и после подписания Дополнительной статьи к Кяхтинскому договору русско-китайская торговля прерывалась по вине цинской стороны трижды (в 1775, 1778 и 1785 гг.), общий товарооборот ее постепенно возрастал [235, с. 161]. Кяхтинский торг занимал важное место во внешней торговле России. В 1760 г. поступления от этого торга составили 20,4% всех таможенных сборов России, а в 1775 г. — 38,5% [200, с. 64].

Начиная с середины 70-х годов XVIII в. в русско-китайской торговле возник новый фактор, с которым русское правительство неизбежно должно было считаться: это конкуренция западных держав, которая не только вредила русско-китайской торговле, но и создавала непосредственную угрозу русским владениям на Тихом океане.

В 1776 г. вооруженная эскадра английского путешественника Дж. Кука отправилась к берегам Северной Америки (экспедиция была предпринята по инициативе Ост-Индской компании). Кук «открывал» в ходе своего путешествия давно открытые русскими острова, без колебаний переименовывая их на свой лад [178, с. 147]. Получив сведения об этой экспедиции, сибирский губернатор Ф. Немцов приказал начальнику Камчатки М. Бему подготовиться к возможному появлению у берегов полуострова иностранных судов [205, с. 15]; но даже если бы слабый гарнизон Петропавловска и отстоял город, Охотское побережье оставалось бы совершенно беззащитным. Жалкий Охотский порт не только не имел боевых судов, но и был совершенно непригоден для их стоянки. Очевидно, исходя из этих соображений, Екатерина II приказала послать из Удского острога на Амгунь 30 казаков «основать на этой реке поселение сколь возможно ближе к р. Амуру, с тем чтобы из этого пункта производить исследование устья реки и разведать, в какой степени оно доступно для мореходных судов». В случае пригодности устья приказано было занять его. Цинское правительство, узнав о подготовке этого похода, потребовало немедленного его прекращения, угрожая остановкой кяхтинского торгового дела. Угроза возымела свое действие: Россия не желала доводить дело до разрыва торговых отношений, и экспедиция на Амур не состоялась [50, с. 49].

В 1779 г. эскадра Дж. Кука дважды посетила Камчатку; англичане не предприняли каких-либо враждеб-

ных действий, но путь к Северной Америке был открыт. Иностранные торговцы, жаждущие наживы, потоком хлынули в Русскую Америку. Дело заключалось не только в расхищении ее природных богатств, принадлежавших русскому государству, но и в серьезной конкуренции между российскими и иностранными купцами. В то время как русские купцы должны были нанимать промышленников, строить суда в Охотске, затрачивать время на плавание к Америке и обратно, тяжелыми дорогами везти пушнину из Охотска в Якутск, оттуда в Иркутск и, наконец, в Кяхту, — иностранные купцы и промышленники могли за тот же срок сделать несколько рейсов Кантон — Америка. Если при этом учесть возможную гибель судов, непредвиденные закрытия торгового дела в Кяхте, конкуренцию между самими сибирскими купцами, то становится ясно, что в таких условиях русские товары не могли выдерживать конкуренции иностранных.

Быстрее всех опасность осознала сибирская администрация, хорошо знавшая потребности местного купечества и ответственная за получение доходов от кяхтинской торговли. За пятилетие, прошедшее между двумя прекращениями торгового дела в Кяхте, таможенные сборы неуклонно падали: в 1781 г. они составляли 706 219 руб., в 1782 г. — 662 850 руб., в 1783 г. — 509 148 руб., в 1784 г. — 431 601 руб., в 1785 г. — 347 579 руб. [235, с. 161].

Несомненно, что именно это падение государственных доходов побудило сибирского генерал-губернатора Ламба представить в 1783 г. проект присоединения Амура к России «ввиду потребности новых колоний (на Алеутских островах и Аляске) и коммерческих предприятий в удобном водном сообщении с Сибирью» [201, с. 116]. Проект был отклонен правительством, не желавшим нового обострения отношений с цинским Китаем. Но мысль об освоении Нижнего Амура и Приморья ос-

тавлена не была. 3 сентября 1784 г. губернатору И. В. Якоби был дан указ, в котором содержались инструкции по освоению земель, лежащих к югу от р. Уды [61, т. 22, с. 204—205]. Однако сведений о деятельности Якоби в этом направлении не имеется; очевидно, закрытие кяхтинского торгового дела в 1785 г. цинскими властями (в связи с «делом Уладзая») не позволило русскому правительству выполнить этот план.

Между тем наступление западных держав на русский Дальний Восток продолжалось. В августе 1786 г. один из ведущих российских торговцев пушниной, Г. И. Шелихов, выяснил, что корабль Ост-Индской компании прибыл в 1785 г. в Русскую Америку для скупки пушнины, а в 1786 г. туда направилось уже пять кораблей [66, с. 212]. Он предлагал в апреле 1787 г. губернатору Якоби, «в рассуждении безторшки на Кяхте», нагрузить мехами один-два корабля и отправить в Китай «под каким способнее флагом» [66, с. 212]. Кроме того, он предложил доставить на своем судне в тихоокеанские владения России знаки, свидетельствующие о принадлежности данной территории Русскому государству.

Необходимость в постановке таких знаков действительно существовала: правительство России, желая избежать опасного внимания других держав, объявляло секретными все открытия, сделанные русскими людьми на Востоке. Но «прятать» открытые земли удавалось лишь до определенного времени: капиталистические страны Запада жадно искали новых колоний, их корабли рыскали повсюду, и теперь секретность могла сослужить плохую службу.

8 августа 1785 г. Екатерина II приказала Адмиралтейств-коллегии отправить к северо-восточным рубежам империи секретную научную («астрономическую») экспедицию «для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения на карту берегов всего

Чукотского Носа до мыса Восточного, також многих островов, в Восточном океане к Американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерею землею Иркутской губернии и противоположными берегами Америки» [72, с. 2]. Возглавить эту экспедицию должны были И. И. Биллингс и Г. А. Сарычев. Пока в Охотске будут строиться специальные суда для экспедиции, следовало отправиться на имеющихся судах для уточнения карт Курильских островов, Японии и Тихоокеанского побережья до Корей. В случае открытия экспедицией новых земель их приказано было «присвоить скипетру российскому» [172, с. 106]. Таким образом, перед экспедицией стояли как научные, так и политические задачи.

В 1786 г. Екатерине II был представлен проект президента Коммерц-коллегии А. Р. Воронцова и гофмейстера А. А. Безбородко, в котором указывалось, что земли, открытые российскими мореходами, «неоспоримо должны принадлежать России». Авторы проекта считали, что Россия должна оповестить все морские державы о своем владении данными территориями и о недопустимости захода туда иностранных судов. Но, справедливо полагая, что подобная декларация должна быть подкреплена не только ссылками на исторические права России, Безбородко и Воронцов настаивали на посылке в тихоокеанские воды русской военной эскадры [205, с. 18].

22 декабря 1786 г. был издан указ о снаряжении эскадры из четырех судов под командованием Г. И. Муловского «для охранения права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые». Для базирования эскадры, равно как и торговых судов, предлагалось построить новый порт в устье Уды [239, с. 147].

Эскадра должна была выйти в конце 1787 г. или начале 1788 г. из Балтийского моря и направиться к Англии, оттуда — к мысу Доброй Надежды и, обогнув

его, мимо Индонезии, Филиппин, Китая — к Японии, затем два судна направляются к берегам Америки, а остальные останутся для исследования Курильских островов. Первому отряду приказано было территорию от «начального пункта открытия Чирикова до Аляски... яко сущее открытие, учиненное российскими мореплавателями, формально взять во владение; найденные же гербы и знаки других держав, ни по какому праву в сих странах обладать не могущих, скрыть, разровнять и уничтожить» [61, т. 22, с. 837]. На землях, принадлежащих России, надлежало поставить гербы и зарыть медали с надписями на русском и латинском языках. Отряду, назначенному для осмотра Курильских островов, следовало выполнить аналогичные задачи, после чего ему было предписано обойти «лежащий против устья Амура большой остров Сагалин-Анга-Гата, описать его берега, заливы и гавани, равно как и устье самого Амура» [239, с. 175].

Таким образом, перед экспедицией Г. И. Муловского ставилась наряду с прочими задачами совершенно четкая цель: исследовать устье Амура. Можно предположить, что повторное выяснение непригодности устья Уды для строительства порта и тщательное обследование Амурского устья побудили бы правительство России вновь поставить вопрос об Амуре перед Пекином. Однако начавшаяся русско-турецкая (1787—1791) и почти одновременно русско-шведская (1788—1790) войны потребовали отправки военных кораблей в другие места. Экспедиция Г. И. Муловского была отменена.

Несмотря на внешнеполитические трудности, испытываемые Россией на рубеже 80—90-х годов XVIII в., русское правительство продолжало предпринимать определенные усилия для защиты своих дальневосточных владений, поскольку проникновение иностранцев в эти районы все расширялось.

Так, в 80-х годах XVIII в. американский авантюрист

Дж. Ледьярд пытался пробраться в Русскую Америку с запада, из Сибири, чтобы основать там американскую торговую факторию. Не имея разрешения русско-го правительства, Ледьярд путешествовал по Сибири, побывал в Нерчинске, пытался пристроиться к секретной экспедиции Биллингса—Сарычева, но в январе 1788 г. был арестован в Иркутске и под конвоем провожден в Москву [91, с. 24—25].

В 1787 г. на Дальнем Востоке появилась французская эскадра Лаперуза. Лаперуз обследовал часть Татарского пролива и пришел к ошибочному заключению, что Сахалин является полуостровом.

Активность иностранцев на Дальнем Востоке тревожила и сибирские власти. Высшие чины сибирской администрации, осведомленные о задачах всех правительственных экспедиций на Дальнем Востоке, считали необходимым использование и местных возможностей для укрепления русского влияния на Тихом океане. Генерал-губернатор И. В. Якоби в рапорте от 30 ноября 1787 г. отмечал, что, пользуясь своим правом действовать согласно обстановке, он послал «30 медных гербов империи Российской и столько же досок железных с изображением на последних медного креста и следующих слов: «Земля российского владения» [66, с. 250—254]. Задача установить гербы и зарыть в землю доски возлагалась на торгово-промышленную компанию Голикова — Шелихова.

В том же, 1787 г. компания Голикова—Шелихова подала правительству записку с просьбой предоставить ей монопольные права на ведение промыслов в Русской Америке и на островах Тихого океана. Среди просимых компанией привилегий были такие, как почти полная независимость от местной администрации, предоставление ей до 100 человек военных специалистов (судостроителей, оружейников и пр.), выдача крупной долгосрочной ссуды (ввиду тяжелого финансового положе-

ния компании из-за остановки кяхтинского торго), позволение «вблизи Удской реки иметь свою гавань и контору», а также разрешение на торговлю с «Япониею, Китаем, Кореею, Индиею, Филиппинскими и прочими островами, по Америке ж с гишпанцами и американцами» [66, с. 223—226]. В феврале 1788 г. компаньоны подали вторичное прошение на имя Екатерины II [166, с. 268].

Непременный совет поручил рассмотрение просьбы купцов Комиссии о коммерции, которая полностью одобрила ее. В обоснование своего решения комиссия повторила заявление Шелихова о готовности 50 тыс. туземцев встать на защиту русских владений в Америке, что ввиду «остановки наряженной в те края морской экспедиции заслуживает большого внимания». Комиссия отмечала, что «приняты уже им меры к построению крепости и гавани на 21-м или 22-м из Курильских островов для заведения по времени и при удобнейших обстоятельствах торговли с Японией и Китаем» [66, с. 278]. Непременный совет согласился с выводами Комиссии о коммерции [66, с. 280], но Екатерина II категорически отвергла предложения правительства, заявив, что казна пуста, что военные люди нужны в самой Сибири, что сама идея монополии претит ей [66, с. 281—282].

12 сентября 1788 г. был опубликован указ Сената, в котором содержался отказ компании Голикова—Шелихова, хотя сами компаньоны награждались шпагами и похвальными грамотами [61, т. 22, с. 1107].

Разумеется, Екатерина II не была столь убежденной противницей идеи монополии, как считали некоторые исследователи [242, с. 162]. По данным С. Б. Окуня, Екатерина II предоставила монопольные права отдельным промышленникам в 1764 и 1766 гг.; отказ же компании Голикова—Шелихова, по мнению этого исследователя, был вызван опасением неудовольствия со сто-

роны Англии [205, с. 29—31]. Мнение это представляется не вполне обоснованным. Вряд ли это могло оказать влияние на внешнеполитические планы России в тот момент, когда правительство было готово послать военную эскадру для защиты своих земель. Логичнее предположить, что русское правительство в то время еще надеялось исправить положение на Дальнем Востоке при помощи государственных средств. В это время на Дальнем Востоке действовали правительственные экспедиции Биллингса—Сарычева и Фомина, удачный исход которых позволил бы закрепить правительственное влияние на развитие событий в этом районе.

Экспедиция Биллингса—Сарычева к весне 1789 г. выполнила лишь часть своих задач (научные исследования в Северном Ледовитом океане); суда же, предназначенные для плавания в Тихом океане, еще не были готовы. Поэтому, следуя инструкции, Биллингс отправил Сарычева для обследования Охотского побережья. Сарычев, продвигаясь со своими спутниками на лодках вдоль берега, последовательно описал реки Урак, Улью, Улькан и Алдому; устья рек оказались мелководными, на некоторых вверх по течению имелись пороги. Наиболее пригодной для устройства порта Сарычеву показалась Алдома; однако, по уверениям эвенков, вблизи реки не было строевого леса. 18 июня 1789 г. Сарычев встретился в устье Алдомы с капитаном Фоминым, которому было предписано основать порт в устье Уды; однако это место оказалось непригодным для устройства порта (что доказал еще А. Е. Шеллинг в 1741 г.), и потому Фомин провел исследования морского побережья к юго-востоку и к северо-востоку от устья Уды, «однакож нигде не нашел желаемого» [72, с. 145].

Оставалась лишь р. Алдома, глубина которой в устье составляла от 13 до 14 футов; хотя рейд и был открыт для южных ветров, Фомин собирался устранить этот

недостаток постройкой специального заграждения на каменном рифе. По мысли Фомина, сообщение между Якутском и будущим портом должно было осуществляться при помощи рек, текущих между Якутском и Охотским морем: он предлагал соединить напрямую тележной дорогой Якутск с устьем Май, далее двигаться вверх по Мае до урочища Нелькан, а от Нелькана проложить тележную дорогу до того места, где р. Алдома становится судоходной [131, с. 115].

Г. А. Сарычев, прекрасно уловив самую суть многолетних и бесплодных поисков гавани для устройства океанского порта, отмечал: «Впрочем, известно уже как по прежним, так и по нашим описаниям, что, кроме сего залива, других удобнее нет; также и рек больших в Охотское море не впадает, кроме славного Амура, текущего около 4000 верст». Сарычев считал, что если бы река Амур «до сих пор оставалась под российской державою, то мы, без сомнения, давно бы владели всем Восточным океаном, но и торги бы на сих морях могли производить несравненно выгоднее всех прочих европейских держав» [72, с. 147—148].

Острейшая необходимость в новом порте вскоре подтвердилась еще раз: одно из двух судов, предназначенных для экспедиции Биллингса—Сарычева, «Доброе намерение», разбилось, не сумев выйти из порта на Охотский рейд. Огромный труд и средства снова были потрачены впустую [72, с. 152]. Но гораздо хуже было то, что резко снизились возможности для защиты русских владений на Дальнем Востоке. В то время, когда Биллингс и Сарычев вышли в море на уцелевшем корабле «Слава России», сибирская администрация получила известие, что шведский капер «Меркурий» под командованием англичанина Кокса отправился крейсировать к берегам Русской Америки [145, с. 261].

В этой тревожной обстановке Шелихов вновь предложил правительству услуги своей компании. В доне-

сени от 11 февраля 1790 г. на имя генерал-губернатора И. А. Пиль он сообщил, что за два предыдущих года к американским землям России приходило немало иностранных судов, которые «старались также свести с народами, с нами союзными, знакомство и, наконец, присвоить тех своим державам в подданство», однако местные жители сумели дать им отпор. Тут же Шелихов сообщал, что компания решила, «дабы не могли тут предварить европейцы к стыду нашему», заселить Курильские острова; это предприятие послужит для установления торговли с Японией, а также с «островами близ китайских берегов, каковы суть Формоза, Макао и протчие» [66, с. 292].

И. А. Пиль направил в феврале 1790 г. в Петербург описи плаваний Шелихова, четыре плана крепостей и карту с обозначением тех мест, где Шелиховым были установлены гербы Российской империи [66, с. 298]. Он сообщил о своем решении поручить компании Голикова — Шелихова постановку гербов на новооткрытых землях и выразил надежду на помощь компании в деле обороны русских владений [66, с. 302]. Во втором донесении он еще раз подчеркивал свое убеждение в необходимости усиления предполагаемого Удского порта «не одними только военными силами», но и за счет промышленников, а именно «позволить желающим мореходцам завести и основать особую на оном верфь» [66, с. 313].

Пристальное внимание и активная деятельность русского правительства на Дальнем Востоке в 80—90 годах XVIII в. теснейшим образом были связаны с русско-китайской торговлей в Кяхте. Ограждая дальневосточные владения России от посягательств со стороны иностранцев, правительство тем самым охраняло интересы своих купцов. Одновременно оно предпринимало все возможные меры для нормализации отношений с цинским Китаем и восстановления кяхтинского торгового

Так, в 1790 г. Государственный Совет, разбирая «дело ламы Габуна», отмечал, что необходимо как можно скорее восстановить русско-китайскую торговлю, «от пресечения которой лишается казна ежегодно до 600 000 рублей пошлинного дохода, а партикулярные люди в сибирских наместничествах обращения капитала, простирающегося миллионов до трех рублей» [20, с. 650].

Одновременно ввиду неустойчивости китайского рынка и невозможности предсказать сроки открытия кяхтинского торгового русское правительство попыталось найти новые рынки сбыта для сибирской и дальневосточной пушнины. В 1791 г. известный ученый и администратор Э. Лаксман выдвинул проект экспедиции в Японию; при этом он предложил использовать в качестве кратчайшего пути Амур. Поводом к посещению Японии должна была послужить доставка на родину нескольких японских моряков, чье судно разбилось близ русских берегов. 13 сентября 1791 г. был дан указ на имя генерал-губернатора И. А. Пиля, в котором сообщалось о принятии правительством плана Э. Лаксмана и приказывалось отправить в Японию из Охотска судно. «Что касается до упоминаемого в плане профессора Лаксмана предложения об изыскании нового пути по реке Амуру, оное, по известным нашим с китайцами обстоятельствам, почитается на настоящее время неудобным, дабы подобным с нашей стороны движением не возбудить большого в китайском правительстве внимания и в переговорах наших об открытии взаимного торгу не подать повода к новым затруднениям, означенное предложение оставить без исполнения» [61, т. 23, с. 251]. Итак, путь по Амуру для экспедиции отпадал.

В 1792 г. посольство, возглавлявшееся А. Лаксманом (сыном Э. Лаксмана), прибыло на судне «Екатерина» на о-в Эдзо. А. Лаксману удалось достичь соглашения с японским правительством, согласно которому

Россия могла посылать одно торговое судно в год в порт Нагасаки [113, с. 266].

В этом же году цинское правительство согласилось наконец на возобновление кяхтинской торговли. 8 февраля 1792 г. ургинский асхань-амбань и иркутский губернатор подписали «Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту». Этот документ подтверждал незыблемость Кяхтинского договора, обязывал пограничные власти обеих сторон лучше контролировать деятельность своих купцов; новым, очень важным положением русско-китайских пограничных отношений было согласие обеих сторон наказывать нарушителя границы по законам того государства, чьим подданным он является [68, с. 25].

Несмотря на высокопарные фразы, вставленные в текст «Международного акта» по настоянию цинской стороны (о «милостивом указе» и «чрезмерно оказанной милости» богдыхана), этот документ объективно отражал качественно новое отношение Цинской империи к Российской. За громкими словами скрывалось растущее уважение пекинского двора к сильному, хотя и миролюбивому соседу. Фактически ценой незначительных уступок (вроде отставки раздражавшего Пекин губернатора Сибири) русская сторона не только добилась возобновления нужного ей кяхтинского торгова, но и вынудила цинскую сторону сделать еще один шаг на пути к признанию равенства обоих государств. Это подтверждается и любопытнейшим указом Хун Ли, согласно которому император «впервые узнал», что Нерчинск принадлежит России [88, т. 1, с. 331—332]. О понимании русской мощи свидетельствует и указ от 25 мая 1793 г.: «Согласно донесению Мин-ляна и прочих, город Якса расположен на северо-западе Хэйлуңцзяна, и каждый год, когда солдаты отправляются патрулировать р. Кербичи, которая недалеко от Яксы, они могут легко дойти до этого города, так что необязательно уст-

раивать там новые карунные посты и гарнизоны. Город Якса расположен в 1000 ли к северо-западу от города Хэйлунцзян. Горы, леса, кустарники и речки там настолько многочисленны, что русским трудно проникнуть. Если же мы внезапно создадим там множество каруней, то вызовем у русских подозрение и страх без причины. Мы приказываем вам отправить эдикт Минляну и прочим о том, что за городом Яксо́й следует наблюдать по старым правилам и что нам незачем создавать там новые пограничные посты» [88, т. 1, с. 332].

Возобновление кяхтинской торговли и начало активной борьбы правительства Екатерины II с революционной Францией значительно ослабили внимание правительства России к дальневосточным делам. Результаты экспедиции А. Лаксмана использованы не были.

Между тем западные державы, усилившие в 90-х годах XVIII в. натиск на Китай, внимательно следили за действиями России на Дальнем Востоке. Посол Великобритании в России Ч. Витворт собирал через своих секретных агентов информацию о планах и мероприятиях русского правительства; в частности, он сообщил лорду Дж. Макартнею, прибывшему в 1793 г. в Китай, все подробности о подготовке экспедиции А. Лаксмана [301, с. 297—298]. Интересно отметить, что в круг задач самого Макартнея входило «вызвать все, что можно, о связях Китая с другими странами, особенно с Россией» [301, с. 307].

В этот период продолжалось проникновение иностранных судов в русские воды с разведывательными и торговыми целями. Согласно докладу генерал-губернатора Пиля Государственному Совету, французское судно «Ла Флави» провело зиму 1792/93 г. в Авачинской бухте; перед отходом этого судна из Петропавловска французские моряки заявили, что «прибудут туда следующим летом 2 корабля с неприязненными видами и немалое число французов и англичан для посе-

ления в Камчатке, где и каменное строение построится» [20, с. 666—668].

Понимая, что имевшимися на Камчатке средствами трудно отбить возможное нападение иностранцев, Государственный Совет возлагал все надежды на противоречия между Францией, с одной стороны, и Англией и Испанией — с другой [20, с. 668]. Государственный Совет отметил, что Англия и другие морские державы «не могут без зависти смотреть на успехи наших в северо-восточной стране предприятий и заведений», однако поскольку «не имеем мы там способов воспрепятствовать их плаванию», да и невозможно при существующей международной обстановке идти на прямой запрет, то и следует «ласково и благоприязненно» встречать все суда, кроме французских [20, с. 666].

В 1793 г. Камчатку посетило английское торговое судно [20, с. 666]. В том же году английское судно под командованием капитана У. Р. Броутона пыталось выяснить, является ли Сахалин островом или полуостровом; Броутон, как и Лаперуз, не обнаружил пролива между островом и материком [217, с. 342—343].

Очевидно, пассивная позиция правительства в деле обороны русского Дальнего Востока не устраивала губернатора И. А. Пиля, поскольку в своем рапорте от 28 сентября 1793 г. он поддержал просьбу Шелихова о разрешении ему построить верфь в Русской Америке и предоставлении ему некоторого количества ссыльных (крестьян и мастеровых) для поселения в Русской Америке и на Курилах. При этом Пиль объяснял, что «к распространению в вышеозначенных местах владычества престола российского теперь нет приличнее посредства тамошних зверопромышленных купеческих компаний». 19 декабря 1793 г. Совет согласился удовлетворить эту просьбу [66, с. 332—333].

18 ноября 1794 г. Шелихов сообщил губернатору

Пилю, что в 1792—1793 гг. Русскую Америку посетило три иностранных судна, причем командиры судов вступили в споры с правителем Русской Америки Барановым о принадлежности данных территорий России. В частности, первое приобретение Кенайского и Чу-гацкого заливов они приписывали «трудом известного капитана Кука». Кроме того, по заявлению Шелихова, Англии известно «о всех действиях последней нашей секретной астрономической экспедиции» (имеется в виду экспедиция Биллингса — Сарычева) [66, с. 357].

Шелихов напоминал о трудностях доставки различных припасов в Охотск, откуда они перевозятся на острова Тихого океана и в Русскую Америку; он отмечал, что помимо дороговизны доставки грузов в Америку вообще одна лишь доставка их в Охотск создает «наивеличайшие затруднения», поскольку хорошо известно, что все 1013 верст от Якутска до Охотска груз перевозится якутами на верховых лошадях, и эта транспортировка обходится не дешевле, чем 6 руб. за пуд. «Иногда не жаль бы было и дороже сего заплатить, ежели только могли они все отпускаемые с ними тяжести поставлять; но весьма часто, по причине бываемых дождей, бросают клади на дороге и подвергают согнитию и утрате, поелику пустые, каменистые и болотистые места, также и речки, при наивеличайшем усилии, не позволяют никак достигнуть им до Охотска, а притом часто якуты лишаются многих своих лошадей и, следовательно, потому отпуск из России товаров в Америку сколько дорог, столько и затруднителен» [66, с. 363—364].

Исходя из этого, Шелихов предлагал свой вариант обеспечения Русской Америки товарами: «Ездить в Кантон, в Макао, в Батавию (ныне Джакарта. — Е. Б.), в Филиппинские и Марианские острова» с пушниной и другими товарами компании, «а оттоль привозить в Америку и на Алеутские острова нужное для одежды, из

бумажных материй, для пищи, как-то: сорочинское пшено и прочие жизненные вещи» [66, с. 363].

Кроме того, Шелихов считал, что необходимо отыскать на побережье подходящую гавань для строительства нового порта, так как Охотск, по его мнению, «не произведен к тому, чтоб портом поистине мог называтца»: все материалы, необходимые для строительства судов (железо, пенька, паруса, снасти и прочее), а также продовольствие доставляются в Охотск с вышеописанными затруднениями, что значительно увеличивает их стоимость, к тому же «Охотск не имеет ни гавани, ни рейды для судов, особливо же выход их из устья реки Охоты в море только опасен по лежащими в самом узком проходе на несколько верст каменистыми и пещаными банками, что вошла оттого во всеобщее употребление пословица, почитать сей выход за половину вояжа того, куда судно идет» [66, с. 365].

Шелихов сообщал, что, по слухам, более или менее удобное место для нового порта находится близ Удского острога и что он готов отыскать это место и построить там порт за свой собственный счет. По словам Шелихова, основное препятствие заключается лишь в отсутствии опытных людей, которых можно было бы отправить для отыскания удобного пути из Забайкалья к Охотскому побережью, к предлагаемому месту строительства нового порта. Если удастся отыскать такой путь, считал Шелихов, «то уповать можно, что и место для пристанища судов удобное на морском берегу отыщется и может быть еще и очень близко устья реки Амура» [66, с. 367].

Неизвестно, как был бы воспринят царским правительством проект Шелихова. По всей вероятности, ему было бы предложено финансировать строительство порта в устье р. Алдомы, поскольку проект строительства был уже разработан Фоминым. Однако 20 июля 1795 г. Шелихов умер.

Очередным напоминанием правительству Рооссии о необходимости решения вопроса о Приамурье явился проект отставного сибирского губернатора И. В. Якоби [82]. Проект И. В. Якоби не датирован, однако, судя по тому, что автор обращается в своем «Введении» к «государю», а не к «государыне», проект мог быть представлен правительству не ранее ноября 1796 г.

Проект как бы вводил новое правительство в курс дальневосточных дел, ставил перед ним задачи, не решенные в предшествовавшие годы, в частности вопрос об Амуре. В этой связи представляет интерес обоснование законности прав России на Приамурье и Приморье. Якоби указывал, что по Амуру и Аргуни исстари существовали русские поселения, что левобережье Аргуни и вся Шилка остались в русском владении, а поскольку слияние этих рек образует Амур, то и собственно Амур должен быть российским. Отметив разночтения в русском и маньчжурском текстах Нерчинского договора, Якоби обратил внимание и на нарушение цинской стороной взаимной договоренности о незаселении территории бывшего Албазинского воеводства [82, с. 63—65].

Якоби считал, что указанные причины дают России основания для нового разграничения с цинским Китаем на Дальнем Востоке, в результате которого границей между двумя государствами стал бы Амур. Выгоды такого разграничения состояли бы в следующем:

«Занятием устья Амура откроется торговля с Кореею, а через них, если не посредственно с японцами, по обстоятельству их с голландцами, то чрез корейцев. Сие одно уже побудит китайцев желать непрерывного всегда торга, потому что они великие приобретали барыши посредством товаров российских, продаваемых корейцам.

От устья Амура откроется путь в Езо, Кантон (Гуанчжоу), Калифорнию, которая, по исчислению Кукову, от

Петропавловской в Камчатке гавани не далее 3000 верст морем отстоит, и прочие места Америки; а тем уничтожатся все трудности в доставлении в Охотск провианта, снарядов и припасов, стоящих казне в перевозке их великих сумм при великом неудобстве в провозе, также и предполагаемого заведения в Удском или в устье реки Илы гавани продолжать будет не нужно, в рассуждении удобств многих в положении, в проезде и доставлении к Амуру по рекам, в него впадающим, всех потребных припасов. Сие способствовать будет к частной и государственной пользам» [82, с. 70].

Правительство Павла I, занятое подготовкой войны с Францией, не обратило внимания на проект Якоби. Не спешило оно утверждать и проект Фомина о прокладке дороги от Якутска до Алдомы и строительстве нового дальневосточного порта: стоимость этого предприятия, по расчетам Фомина, составляла 949 500 руб. [223, с. 86].

С самого начала царствования Павла I у правительства наметилась тенденция переложить решение многих сложных дальневосточных проблем на промышленно-торговые компании. Однако контроль за деятельностью нескольких имевшихся в Сибири компаний был бы для царского правительства затруднителен; к тому же их ожесточенная конкурентная борьба значительно усиливала опасность иностранной экспансии в русских владениях.

19 июля 1797 г. произошло объединение компании Шелихова—Голикова с компанией Н. Мыльниковой; новая компания получила название Американской соединенной компании. 22 июля губернатор Л. Нагель сообщил об этом императору. Павел I одобрил и утвердил это объединение [61, т. 24, с. 725].

Через два года, 8 июля 1799 г., правительство издало указ о принятии этой компании, переименованной в Российско-Американскую, под свое покровительство,

о даровании ей привилегий на 20 лет и утвердило устав компании [61, т. 25, с. 699—718]. 27 декабря того же года была опубликована «Жалованная грамота» Российско-Американской компании, в которой вновь перечислялись все данные ей права и привилегии. Компания получила «исключительное право на всякие приобретения, промыслы, торговлю, заведения и открытия новых стран». Относительно других промышленников повелевалось «никому сих привилегий не иметь, под опасением лишения всего заведенного в ее пользу» [61, т. 25, с. 923—924].

Таким образом, к концу XVIII в. и Россия вошла в число тех держав, которые создавали купеческие монополии. Слова К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «именно купцы, и в особенности судовладельцы, больше всех настаивали на государственной охране и монополиях» [6, с. 59], полностью относятся и к России. Имелись, однако, и существенные различия между монополистическими объединениями западных государств и Российско-Американской компанией. В то время как правительства западных стран, твердо вставших на путь капиталистического развития, поощряли колониальную экспансию своих монополий, правительство феодально-крепостнической России не видело необходимости в приобретении колоний. Более того, оно не имело нужных средств для защиты своих земель на Дальнем Востоке и в Русской Америке; провал правительственных экспедиций, имевших в значительной степени оборонительный характер, убедительно показал, что создание купеческой монополии явилось бы в данной ситуации лучшим выходом.

Российско-Американская компания, по замыслу правительства, должна была не только обеспечивать безопасность русских владений на Тихом океане, но и взять на себя основную тяжесть расходов, необходимых для экономического развития Дальнего Востока.

В первую очередь это относилось к строительству нового порта на Охотском побережье.

4 марта 1800 г. проект Фомина был утвержден: решено было перенести Охотский порт в устье Алдомы и связать его новой дорогой с Якутском. Строительство дороги возлагалось на сибирскую администрацию, правительство выделяло 67 042 руб. на все расходы. Что же касается порта, то, поскольку «для Американской торговой компании нужен порт, в котором бы могли зимовать их суда, то мы надеемся, — отмечал Павел I, — что, видя наше попечение о их благе, они не отрекутся приступить и к построению одного» [61, т. 25, с. 69]. К 1803 г. было проложено лишь 122 версты дороги. Но в это время Российско-Американская компания отказалась от строительства порта на Алдоме, ссылаясь на громадные расходы и неудобства гавани.

На этом и закончилась эпопея многолетних и дорогостоящих поисков порта на Охотском побережье. Стало совершенно очевидным, что подходящего места для такого порта севернее устья Амура не имеется, хотя потребность в нем с каждым годом возрастала. Прекрасная Авачинская бухта на Камчатке не могла служить базой для военных и транспортных судов, поскольку снабжение Камчатки осуществлялось через тот же Охотск.

Влияние торгово-промышленных кругов России на позицию русского правительства в вопросе об Амуре

18 февраля 1802 г. комендант Охотска капитан-командор Г. А. Сарычев направил письмо вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Н. С. Мордвинову. В письме излагались соображения Сарычева по поводу намечавшегося строительства судов в Охотске.

По мнению Сарычева, строительство это было бы крайне невыгодно казне ввиду дороговизны перевозки необходимых для строительства материалов (от Петербурга до Иркутска провоз пуда товаров стоил 6—8 р., от Иркутска до Якутска — 1 р. 10 к., от Якутска до Охотска — 5 р. 40 к., а за тяжеловесные предметы — до 14 р.). Поэтому Сарычев предлагал строить корабли в Кронштадте или закупать их в Англии, а затем отправлять на Дальний Восток (вокруг мыса Доброй Надежды) [31, с. 87—88].

Сарычев считал, что на этих судах «можно отправить все нужные для Охотского порта материалы и снаряды с таковою выгодною, что в десять раз дешевле будут стоять против доставления берегом» [31, с. 87]. Можно было бы также установить морскую торговлю с Японией, Китаем и Ост-Индией, вывозя в эти страны продукты морских промыслов и ввозя оттуда необходимые для населения русского Дальнего Востока товары и продовольствие [31, с. 88—89].

Кроме того, существовала и другая причина, требовавшая немедленного правительственного вмешательства в события на Дальнем Востоке, — расширение экономической экспансии западноевропейских держав и США. Промысловые суда иностранцев хозяйничали в русских водах совершенно открыто. По подсчетам правителя Русской Америки А. А. Баранова, с 1792 по 1802 г. в русских водах занимались браконьерством 26 английских и американских судов [80, ч. 2, с. 332—333]. Добытая пушнина продавалась ими в Кантоне, в то время как русские промышленники везли свои товары долгим и тяжелым путем в Кяхту.

Иностранные купцы и промышленники не только открыто грабили русские природные богатства, но и старались подорвать русское влияние на местные племена. Результаты их деятельности не замедлили сказаться: в 1802 г. индейцами племени тлинкитов (колю-

жей) была захвачена русская крепость на о-ве Ситхе, причем погибло 30 русских [80, ч. 2, с. 331].

Подобное положение на Дальнем Востоке тревожило многих русских патриотов, в том числе далеких от коммерческой деятельности Российско-Американской компании. Морской офицер И. Ф. Крузенштерн, побывавший в 1799 г. в Макао (Аомынь) и своими глазами видевший продажу пушнины, доставленной иностранными судами из Северной Америки, пришел к мысли о необходимости установления морской торговли России с Китаем. «Я знал, что соотечественники мои производят важнейший торг с Китаем звериными мехами; но оные привозятся с островов Восточного океана и американского берега, во-первых, в Охотск, а оттуда уже в Кяхту, к чему потребно времени два года, а иногда и более. Мне известно было и то, что многие из судов погибали ежегодно с богатыми грузами. По сим причинам казалось мне, что россияне несравненно с большей выгодой могли бы производить пушной торг из своих колоний в Кантон прямо» [39, с. 9].

По возвращении в Россию он представил правительству записку о разитии торговли и снабжении Российско-Американских владений всем необходимым. В своей записке Крузенштерн описывал трудности снабжения русских владений в Америке через Охотск и предлагал отправить из Кронштадта два корабля с судостроителями и инструментами для постройки судов в Русской Америке «для того, чтобы отвозили после мягкую рухлядь в Кантон прямо, не прерывая, впрочем, торговли, заведенной российской факторией Кяхтинской, и по получении там нужных товаров возвращались бы обратно». Крузенштерн подал свою записку в начале 1802 г. адмиралу Мордвинову, который ее одобрил и сообщил о ней министру коммерции Н. П. Румянцеву [39, с. 10—11]. Очевидно, ее содержание стало известно и крупному деятелю Российско-

Американской компании, зятю Шелихова Н. П. Резанову, поскольку 29 июля того же года правление Российско-Американской компании подало докладную записку на имя Александра I [28, т. 1, с. 269].

В записке содержалось напоминание о трудностях и дороговизне доставки припасов в Америку через Охотск и сообщалось о намерении компании отправить корабли из Петербурга в Америку. Помимо обеспечения русских поселений в Америке нужными припасами и продовольствием компания перечисляла предполагаемые выгоды от этого путешествия: начало торговли с Японией (через айнов на Курилах, где уже имеются русские поселения), морской торговли с Китаем через Кантон (поскольку Кантон открыт для всех иностранных судов, да к тому же, по словам Крузенштерна, китайцы хотят открытия такой торговли). Перечислялись и прямые выгоды государства от будущей экспедиции: отправка на этих судах кораблестроителей «усилит в скором времени в Восточном море флаг в. и. в-ва»; понизятся цены на Камчатке и в Охотске и расходы казны на доставку туда провианта; участникам экспедиции может быть приказано, «обозрев и описав Шантарские острова и весь берег, сделать на нем заселение и приискать порт, могущий заменить крайнее неудобство Охотского, к чему, по многим довольно достоверным слухам, есть уже при устье реки Тугура виды». В случае утверждения проекта компания просила у правительства ссуду в размере 250 тыс. руб. на восемь лет, обеспечения экспедиции моряками, врачами, учеными и т. п. Проект был утвержден Александром I [28, т. 1, с. 269].

Министр коммерции Н. П. Румянцев, горячий сторонник проекта Крузенштерна, развил бурную деятельность, стараясь извлечь максимальную пользу из намеченной экспедиции. 13 февраля 1803 г. он представил Александру I две докладные записки — «О торговле

в Кантоне» и «О торге с Японией». В первой записке министр напоминал, что русские товары в Кяхте не могут быть конкурентоспособными до тех пор, «пока россияне сами в Кантон пути не проложат». «Торговля морем не может повредить торговле в Кяхте, но зато будет способствовать экономическому развитию Русской Америки». Румянцев считал нужным известить Пекин о намеченном приходе русских судов в Кантон, в чем, по мнению министра, «китайскому двору России, как соседственной державе, и отказать не можно». Во второй записке Румянцев выражал сожаление, что торговлей с Японией занимаются одни голландцы, хотя посольство А. Лаксмана и получило разрешение на заход российских судов в Японию. Между тем торговля с Японией не только была бы выгодна для России, но и позволила бы разрешить проблему снабжения продовольствием русских владений в Америке; а потому Румянцев предлагал «с отправляющимися ныне в Америку судами назначить род некоторого к японскому двору посольства». Глава предполагаемого посольства мог бы отплыть в июне 1803 г., прибыть через год в Японию, затем, перезимовав в Петропавловске и «получа дальнейшие сведения о отзывах китайского двора по торгу кантонскому», отправиться с инспекционной поездкой по американским территориям России. Погрузив там товары, суда должны были отправиться в Кантон для торговли [28, т. 1, с. 389]. 20 февраля 1803 г. Комитет министров утвердил обе записки [28, т. 1, с. 718].

27 марта 1803 г. Румянцев представил Александру I обстоятельный доклад, в котором вновь подчеркивал необходимость установления морской торговли с Китаем и Японией [28, т. 1, с. 405].

30 июня 1803 г. император Александр I подписал послание японскому императору, в котором сообщал, что посылает в Японию камергера Н. П. Резанова с

просьбой разрешить «купечеству моему, а паче жителям Кадьякских, Алеутских и Курильских островов, яко Вам соседственным, приставать не токмо в Нангасакскую гавань, и не токмо одному кораблю, но и многим и в другие гавани, какие Вам благоприятны будут» [28, т. 1, с. 474]. Резанову были даны широкие полномочия не только на ведение переговоров в Японии, но и на проверку состояния американских владений России; на него же возлагалось и общее руководство торговыми делами экспедиции [28, т. 1, с. 491—497]. Кроме того, Резанову дана была особая инструкция из министерства коммерции, касавшаяся в основном вопросов русско-японской торговли. Один из пунктов данной инструкции поручал послу «разузнуть, какие имеются у японцев сведения об устье реки Амура» [130, с. 135].

26 июля 1803 г. корабли «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского вышли из Кронштадта в кругосветное путешествие.

16 ноября 1803 г. Сенат направил в Лифаньюань запрос, пожелает ли цинское правительство принять российского посланника с извещением о вступлении Александра I на престол и с поздравлением цинского императора в связи с аналогичным событием [28, т. 2, с. 555—556]. В ответном письме Лифаньюаня выражалось удовольствие императора Юн Яня по поводу предстоящего посольства из России.

Получив положительный ответ из Пекина, министр коммерции выдвинул проект превращения посольства в Китай в грандиозное мероприятие, которое в случае его удачного исхода могло бы серьезно расширить торговые связи России не только с цинским Китаем, но и с другими странами Востока. В докладе от 16 января 1805 г. Румянцев поставил перед будущим посольством три задачи: 1) открыть пункты русско-китайской

торговли в Кантоне и на Желтом море (в Нанкине); 2) установить торговые связи с Индией через Китай и Афганистан; 3) открыть русско-китайскую торговлю не только в Бухтарме, но и по всей Иртышской линии [28, т. 2, с. 298—301]. Осуществить этот грандиозный замысел было поручено сенатору графу Ю. А. Головкину, который 16 февраля 1805 г. был назначен чрезвычайным и полномочным послом в Китай [28, т. 2, с. 472].

6 июля 1805 г. Головкину была дана инструкция из 19 пунктов, посвященная в основном вопросам развития торговых отношений между Россией и Китаем. Особо выделен был вопрос об Амуре.

Головкину напоминалось, что русские поселенцы в Северной Америке и на Камчатке терпят нужду из-за трудностей в снабжении, а торговли с Японией или с Китаем через Кантон, которая могла бы исправить положение, пока не существует. Лишь «одна река Амур, начинающая свое течение близ пределов наших и впадающая в Охотское море напротив самой Камчатки, нам кажется способною водворить там изобилие». Головкину поручалось выяснить степень судоходности Амура и, если река окажется судоходной, «всеми средствами убедить китайское правительство, чтобы оно позволило проходить по реке Амуру ежегодно хотя несколькими судами нашим». В случае, если река недоступна для морских судов, посол должен добиваться разрешения «устроить на устье Амура место для складки товаров наших, где бы суда, приходящие из Камчатки и Северо-Американских селений наших, брали бы груз свой для доставления куда следует». Любые требования цинской стороны относительно прохода русских судов по Амуру (ограничение числа судов, отсутствие на них вооружения, запрет на торговлю с прибрежными жителями) следовало принять беспрекословно. Взамен Головкин мог обещать цинской стороне

любые льготы в торговле, каких она потребует. Если же Китай потребует разграничения на Дальнем Востоке, посол должен отговориться неимением на то полномочий, но при этом намекнуть, что в случае уступчивости Пекина в торговых вопросах Россия может пойти на такое разграничение. Инструкция поясняла, что данная тактика вызвана сложной ситуацией в Европе, так как России затруднительно «отделить к китайской границе хотя небольшой корпус войск», и потому «разграничение легко может быть учинено к крайнему вреду интересов наших» [34, с. 12—22].

Таким образом, Россия, спустя полвека после миссии В. Ф. Братищева, решила вновь открыто поставить перед цинским правительством вопрос об Амуре. Однако теперь правительство России побуждалось к этому не только экономическими потребностями и желанием крепнущей буржуазии расширить рынки сбыта, но и необходимостью укрепить обороноспособность дальневосточных рубежей.

В период подготовки посольства Головкина другое посольство, направленное в Японию для установления торговых связей с этой страной, успело побывать в порту Нагасаки (с октября 1804 по апрель 1805 г.). Предложения русской стороны об открытии торговли успеха не имели: японские власти наотрез отказались от всяких связей с Россией. 18 апреля 1805 г. судно «Надежда», на котором находился Н. П. Резанов, вышло из Нагасаки («Нева» в это время находилась у берегов Аляски) и отправилось в Петропавловск. По пути была описана часть восточного берега Сахалина от залива Анива до мыса Терпения [80, ч. 2, с. 200]. По свидетельству Ф. И. Шемелина, Резанов хотел лично участвовать в описании берегов Сахалина и устья Амура. Это было связано с тем огромным значением, которое придавал Амуру этот выдающийся деятель Российско-Американской компании. «Река Амур, как рас-

суждал сей начальник, должна между Россиею и Китаем по всей справедливости со временем непременно составить границу» [80, ч. 2, с. 201]. По мнению Резанова, русское правительство не ставило вопроса о возвращении Амура долгое время лишь потому, «что не было тогда столь убедительных причин, которые бы могли поставить правительство в необходимость решительно стараться о судьбе сего края или, короче сказать, распространить виды свои на реку Амур с ее выгодами» [80, ч. 2, с. 202]. Теперь же, считал Резанов, эти причины налицо: с учреждением на Камчатке гарнизонного полка число только военнотружущих возросло (во всем Охотско-Камчатском крае) до 1600 человек; один лишь провиант, доставляемый для военнотружущих, составляет 34 080 пудов, причём сюда не входят такие грузы, как обмундирование, снаряжение для кораблей, товары частных лиц. Все грузы из-за отсутствия тележных дорог перевозятся на якутских лошадях, которых требуется ежегодно 14—15 тыс. В результате — разорение якутов, теряющих ежегодно большую часть своих лошадей, небывало высокие цены на предметы первой необходимости, а порой и голод на Камчатке.

Все эти затруднения, считал Резанов, «не иначе могут быть отвращены, как токмо чрез приобретение реки Амур, которая водами своими не только может соединить отдаленную Сибирь с Камчаткою и Америкою, но и приблизит или даст способы чрез мореплавание завести торговлю с Кантоном, Манилою, Батавиею и даже с Восточною Индиєю; новый порт, при устье Амура воздвигнутый, привлечет предприимчивых иностранцев» [80, ч. 2, с. 206]. Амур особенно будет ценен для России, когда его берега будут заселены русскими людьми, но и до тех пор он может служить превосходной водной дорогой от Иркутска до Охотского побережья (по Ангаре, Байкалу, Селенге, Инго-

де и Шилке); на реках Ингоде и Шилке можно строить даже морские суда. Порт из Охотска, по плану Резанова, «должен быть перенесен в новую при берегах Амура гавань», где будет построена судоверфь и поселена часть солдат Камчатского гарнизона; остальные будут поселены на побережье Амура для занятия хлебопашеством. Заселение же огромной территории к северу от Амура должно происходить по усмотрению правительства [80, ч. 2, с. 211].

Резанов вполне сознавал, что Цины могут не согласиться даже на пропуск российских судов по Амуру, не говоря уже о воссоединении Приамурья и Приморья с Россией: «Дерзкая мысль, скажут мне, но я отвечаю, что она сбыточная, и стыдно для России, буде когда-либо она не исполнится» (цит. по [244, с. 161—162]). Прежде чем ставить перед Пекином вопрос об Амуре, полагал Резанов, нужно укрепить русские поселения на островах Тихого океана и в Америке, соорудить там верфи, наладить торговлю с Японией и уж тогда «настоятельно требовать у китайцев по Амуру свободного плавания» (цит. по [244, с. 162]).

Резанову не удалось, однако, взглянуть на устье Амура, так как льды заставили «Надежду» изменить курс и уйти в Петропавловск. Опись берегов Сахалина была поручена И. Ф. Крузенштерну, а Резанов отправился на попутном судне осматривать русские поселения в Америке, как было указано ему в инструкции.

23 июня 1805 г. «Надежда» вновь направилась к берегам Сахалина и 7 июля подошла к мысу Терпения. Крузенштерн осмотрел восточное побережье острова и, обогнув его с севера, спустился к устью Амура; затем, не приближаясь к самому устью, стараясь держаться близ сахалинского берега, он попытался найти пролив, отделяющий остров от материка, который безуспешно искали в свое время Лаперуз и Броутон. Не нашел пролив и Крузенштерн, сбитый с толку отмелями и те-

чением с юга. Что же касается осмотра устья Амура, то, по заявлению Крузенштерна, он «не смел отважиться на то ни под каким видом. При вторичном отходе нашем из Камчатки остерегали меня не приближаться к берегу Татарии, принадлежащей китайцам, дабы не возбудить в недоверчивом и боязливом сем народе какого-либо подозрения и не подать чрез то повода к разрыву выгодной для России кяхтинской торговли». Кроме того, Крузенштерн был введен в заблуждение ошибочным мнением, что острова, расположенные близ устья Амура, населены не нивхами, а китайцами: «Во время ночи, препровожденной нами в близости сих островов, видели мы на оных огонь в двух местах»; а потому, рассудил он, «нельзя было никак воспрепятствовать, чтобы во время многодневной нашей у оных бытности не узнали китайцы, к какой принадлежим мы нации: известно, что китайцы в устье Амура, который удерживать в своей власти стараются они с особенной ревностью, содержат вооруженные суда для охранения; итак, хотя дисциплина у них не так строга, как у японцев, но, наверно бы, донесли о том немедленно своему правительству» [39, с. 204].

Доводы И. Ф. Крузенштерна вызвали серьезную критику даже его современников. Так, Ф. И. Шемелин отмечал, что русско-китайская граница в Приамурье восточнее Горбицы есть «черта, проведенная только мысленно на одной бумаге, без всякого со стороны пограничных государств определения, о пределе коей даже само китайское правительство понятия не имеет», а потому и опасения Крузенштерна насчет охраны цинской стражей р. Амура неосновательны: «Ни берега ее, ни самое устье не могут быть стрегомы». «Известно притом и то, — продолжал Шемелин, — что устье сей реки, как и окрестные берега моря и заливов, с незапамятной древности никем еще не были посещены, кроме г. Крузенштерна; следовательно, и китайское

правительство таковыми известиями никогда не было обеспокоено, а потому и не имеет причины содержать тут стражевые вооруженные суда». Что же касается предполагаемых обитателей приамурских островов, то это, по всей вероятности, «не другой какой народ, как таковые же манджурского отродия татары (нивхи. — Е. Б.), коих видели уже на Сахалине» [80, ч. 2, с. 259—260].

Огромное научное значение экспедиции И. Ф. Крузенштерна общеизвестно; тем не менее следует признать, что отказ его от исследования устья Амура значительно затруднил решение амурского вопроса. Столь же отрицательным фактором явилось подтверждение Крузенштерном ошибочных заключений Лаперуза и Броутона о том, что Сахалин является полуостровом [39, с. 206]. Как отмечает английский историк Мак-Аливи, «одной из причин, заставивших Россию так долго терпеть пограничную делимитацию, произведенную в Нерчинске, было то, что топография Амурского устья оставалась неясной. В частности, было распространено мнение, что Сахалин не остров, но соединен с континентом южнее впадения Амура в море. Если дело обстояло так, то ценность реки как водного пути намного снижалась, поскольку она давала доступ только в Охотское море, а не в направлении Японии, Кореи и Китая» [297, с. 89]. Отсюда следовало, что вход в устье Амура с юга невозможен, а вход с севера полностью зависел от условий навигации в Охотском море (льды, туманы и т. п.).

Ошибочные выводы Крузенштерна стали впоследствии серьезным аргументом в руках противников воссоединения Приамурья и Приморья с Россией. Очевидно, сам Крузенштерн был не вполне убежден в точности своих заключений, поскольку в 1843 г. он выдвинул проект нового исследования устья Амура [123, с. 283].

Окончив исследовательские работы, «Надежда» направилась в Петропавловск, где ее приход вызвал некоторую панику, так как местное население приняло ее за вражеское судно [39, с. 213]. После недолгой стоянки «Надежда» вышла из Авачинской губы и отправилась в Кантон, куда прибыла 15 ноября 1805 г.; через 18 дней туда же пришла из Русской Америки и «Нева». Еще во время пребывания Крузенштерна в Петропавловске было получено известие из Петербурга об отправлении посольства Головкина в Китай, и потому, как сообщал Шемелин, «мы, рассчитывая время, полагали послу нашему быть в Пекине еще в сентябре месяце неотменно, а потому и ласкали себя надеждою приятное о сем известие получить вскорости по прибытии нашем в Макао; но, к сожалению, никто о том не мог нас уведомить» [80, ч. 2, с. 303].

В октябре 1805 г. посольство Ю. А. Головкина, прибывшее на монгольскую границу, было недружелюбно встречено цинской пограничной администрацией, которая требовала уменьшения свиты посольства до 60—70 человек, предоставления заранее описи подарков императору и грамоты Александра I. Споры Головкина с пограничными цинскими начальниками продолжались до января 1806 г., когда посольству было разрешено наконец прибыть в Ургу. Но дальше оно не прошло из-за категорического отказа Ю. А. Головкина исполнить унижительный церемониальный обряд «коутуу». Пробыв в Урге месяц, русское посольство было вынуждено вернуться в Кяхту [180, с. 42].

Вопрос о причинах провала миссии Головкина, на которую русское правительство возлагало большие надежды, требует специального исследования, поскольку не может иметь однозначного ответа. В исторической литературе до настоящего времени сохраняется традиционная точка зрения, объясняющая провал миссии невыполнением Головкиным цинских церемониальных

обрядов. При этом одни исследователи считали причиной неудачи своеволие ургинской администрации, другие — непонимание ситуации Ю. А. Головкиным. Официальный цинский источник сообщает, что «посол игнорировал наш церемониал, поэтому он не был принят и был отослан домой» [88, т. 1, с. 367].

16 января 1806 г. из Лифаньюаня в Сенат было послано письмо, в котором сообщалось о прибытии в Китай русских судов во главе с «купцами» Лу Чыньдуном и Ни Цзаньши (Лисянским и Крузенштерном), доставивших пушнину. Цинское правительство интересовалось, с ведома ли русского правительства производится эта торговля или по своеволию указанных купцов. Основываясь на Кяхтинском договоре, цинские чиновники утверждали, что Россия имеет право торговать с Китаем лишь в Кяхте и что приход кораблей в Кантон свидетельствует о нежелании продолжать кяхтинскую торговлю [28, т. 3, с. 175]. Письмо это было получено в Петербурге 12 марта.

Тем временем пушнина, привезенная на «Неве» и «Надежде», была продана, закуплены китайские товары, и после некоторой задержки (вызванной тем, что кантонская администрация ждала указаний из столицы относительно русских) корабли двинулись в обратный путь. Вскоре после их отплытия был прислан указ из Пекина, повелевавший задержать русские корабли [80, ч. 2, с. 383].

В ответном письме Лифаньюаню от 15 мая 1806 г. Сенат объяснял, что сообщить о прибытии кораблей в Кантон было поручено послу Головкину, «полагая, что он будет в Пекине прежде, нежели появятся в Кантоне наши корабли». Считая, что «Нева» и «Надежда» задержаны в Кантоне, Сенат просил разрешить им продать товары или же, в случае невозможности, беспрепятственно отпустить в Россию. Письмо содержало уверения, что Россия не только не намерена прекра-

щать торг в Кяхте, но и хотела бы открыть новые пункты торговли [28, т. 3, с. 175—177].

Одновременно (14 мая 1806 г.) и Головкину была направлена депеша по двум вопросам — о «спасении российских кораблей, арестованных в Кантоне», и о «возвращении российского посольства, не достигшего своей цели». Если цинское правительство откажется освободить корабли, говорилось в депеше, то «здесь положено приступить к деятельным мерам, т. е. произвести на границах демонстрацию и даже репрезал, о коих в свое время воспоследует высочайшее разрешение, дабы чрез сие иметь в руках достаточный залог, могущий заменить оскорбление, учиненное арестованием российских кораблей, буде сии слухи подтвердятся верными известиями». Относительно возвращения посольства из Урги сообщалось, что «хотя нет достаточных причин возвращение посольства почитать за действительную обиду», но этот случай следует использовать, чтобы уладить «на приличнейшем основании пограничные дела наши с Китаем» [34, с. 69]. Для этого Головкина решено было оставить в Сибири в звании чрезвычайного посла еще на некоторое время.

В послании в Лифаньюань от 15 мая 1806 г. Сенат полностью оправдывал поведение русского посла, заявляя, что «граф Головкин не заслуживает ни малейшего нареkania», и требуя от цинской стороны «точных и беспристрастных объяснений» [28, т. 3, с. 179].

Объяснения цинскими чиновниками их действий свелись к обычным заявлениям о том, что «даннические государства» обязаны соблюдать цинский ритуал.

Для России, занятой в тот период борьбой с наполеоновской Францией в Европе, не имело никакого смысла раздувать инцидент с посольством до открытой вражды с Китаем. К тому же 5 августа 1806 г. в Кронштадт пришла «Нева», привезя груз китайских товаров. 13 августа 1806 г. чрезвычайный министерский комитет

по китайским делам вынес решение о ненужности дальнейшего пребывания Головкина в Сибири [28, т. 3, с. 271]. Указом Александра I от 20 августа 1806 г. Головкин был отозван в Петербург [34, с. 78].

Деятельность посольства Ю. А. Головкина, связанная с вопросом о Приамурье

Хотя посольство Головкина и потерпело полный провал, его деятельность, касающаяся вопроса о Приамурье, заслуживает особого рассмотрения. Еще до отправления посольства Головкин собрал сведения об Амуре и 10 мая 1805 г. представил правительству записку, в которой изложил свои соображения по поводу амурского вопроса [108, с. 92].

В сентябре 1805 г. Головкин направил одного из секретарей посольства, Ламберта, из Иркутска в Кяхту для оценки общего положения на русско-китайской границе; среди других заданий Ламберту было поручено собрать сведения об Амуре с целью дополнить записку, которую Головкин составлял для правительства [108, с. 36]. 17 октября 1805 г. Головкин выслал из Троицкосавска записку, в которой были обобщены все сведения об Амуре и приложена карта [108, с. 92].

В записке было изложено мнение посла о неизбежности переговоров с цинским правительством по поводу решения погранично-территориального вопроса в Приамурье; он желал иметь точные инструкции правительства о том, каких географических ориентиров следует придерживаться на переговорах по данному вопросу. Понимая, что сведения о неразграниченных местах в Приамурье по-прежнему остаются неполными и неточными, Головкин предложил произвести топографические съемки этих районов. Он считал, что такие исследования можно будет проводить без особых предосторожностей, так как цинская сторона, боясь

разрыва с Россией, вряд ли будет протестовать. Кроме того, Головкин сообщал, что существует возможность отправки экспедиции для осмотра Амура совершенно неприметным для цинских властей маршрутом, и просил разрешения на ее организацию [108, с. 40].

16 декабря 1805 г., когда Головкину казалось, что он уже близок к поездке в Пекин, он сообщил правительству России свой план переговоров с цинским правительством по вопросам, предусмотренным инструкцией, в том числе и по вопросу об Амуре. Разрешение Пекина на плавание российских судов по Амuru, считал он, может быть получено лишь в виде дружеского жеста по отношению к России, особенно если удастся «тронуть китайцев состраданьем к жителям Камчатки и северо-восточного берега Сибири, для снабжения которых съестными припасами и нужно России плавание по Амuru» [108, с. 50].

Когда запрос Головкина относительно инструкций по разграничению был получен в Петербурге, министр коммерции Н. П. Румянцев по просьбе министерства иностранных дел представил свое мнение о будущем разграничении (в письме А. А. Чарторыйскому от 8 февраля 1806 г.). Он полагал, что на переговорах следует добиваться воссоединения левобережья Амура с Россией. Министерство иностранных дел не сочло возможным пойти на это, предложив в записке от 5 марта 1806 г. на имя Александра I, чтобы «по предварительным объяснениям посла нашего в Пекине учрежден был конгресс на границе и дело сие решено было уполномоченными с обеих сторон особами» на основании точных сведений о землях, подлежащих размежеванию. «Тогда, — говорилось в записке, — смотря по обстоятельствам, можно будет уже решительным образом приступить к разграничению или оставить оное в теперешнем положении» [28, т. 3, с. 682].

На основании этого решения Головкину было сооб-

щено, что если порученные ему дела будут благоприятно восприняты в Пекине, то он может сообщить цинскому правительству о согласии России на рассмотрение погранично-территориального вопроса в Приамурье путем созыва конференции «в свое время и в своем месте» [34, с. 54].

Таким образом, в правительстве имелись и сторонники воссоединения Приамурья и Приморья с Россией, и сторонники принятия таких мер, которые лишь частично решили бы вопрос о Приамурье (установление российского судоходства по Амуру при условии нового разграничения в неопределенном будущем). Победила вторая точка зрения; однако и в том, и в другом случае необходимо было иметь точную карту Приамурья и Приморья.

Очевидно, Головкин хорошо понимал это, так как за время пребывания в Сибири он пытался организовать три исследовательские экспедиции, из которых две (М. Адамса и И. И. Редовского) не были осуществлены.

Вернувшись в середине февраля 1806 г. из Урги, Головкин приступил к организации экспедиции, которую возглавил подполковник Ф. Ф. Д'Овре. В наставлении, данном ему, говорилось, что «цель его отправления — собрать все возможные сведения и сделать замечания о военном положении страны между Байкалом и чертой китайской границы, начиная от Стрелки до Кяхты, и особенно в части, ближайшей к слиянию Шилки и Аргуни». Д'Овре поручалось также представить заключение, возможно ли в будущем совершить экспедицию в неразграниченные районы левобережья Амура. Экспедиция Д'Овре должна была действовать в условиях секретности, и ее участникам запрещалось пересекать русско-китайскую границу. 8 марта 1806 г. Головкин доложил в Петербург об отправке экспедиции [108, с. 89—90].

Экспедиция Д'Овре осмотрела линию границы от Горбицы до Нерчинска, причем на Горбице был найден пограничный столб с надписью на пяти языках; Д'Овре представил проект укрепления русско-китайской границы, а также проект будущей экспедиции (на шлюпке, под видом беглецов из России) с целью тайной описи Амура; была составлена карта Шилки [108, с. 91—92].

После возвращения посольства Головкина из Сибири русское правительство надолго отложило вопрос о Приамурье. Агрессивная политика, проводившаяся наполеоновской Францией в Европе, приковывала все внимание правительства к событиям на Западе. Ложный слух о предложении Наполеона цинскому правительству заключить наступательный союз против России не на шутку встревожил русское правительство [28, т. 3, с. 728—729]. К тому же блокада портов враждующими государствами мешала доставке традиционных китайских товаров через Европу, и Россия старалась сохранить и укрепить кяхтинскую торговлю.

* * *

В течение 40 лет, прошедших после отмены Нерчинской экспедиции, причины, побудившие русское правительство настаивать на открытии Амура, не только не исчезли, но и появились новые. Дальнейшее хозяйственное освоение русскими людьми островов Тихого океана и Северной Америки ставило перед правительством задачи снабжения их всем необходимым и защиты от иностранных соперников. Задачи эти могли быть с успехом разрешены лишь при использовании Амура. Но русское правительство, помня неудачу прежней попытки добиться от цинского правительства разрешения на пользование Амуром, долгое время не решалось вновь поставить этот вопрос. Постоянная угроза закры-

тия выгодного кяхтинского торгового дела заставляла Россию проводить довольно осторожную политику по отношению к цинскому Китаю. В свою очередь, Китай лишь формально подчеркивал свое «превосходство» и не шел на усиление охраны Приамурья.

Избегая ненужных трений с цинским правительством, русское правительство предприняло ряд действий, направленных на отыскание выхода из затруднительного положения на Дальнем Востоке, не ставя открыто вопрос об Амуре. Однако успеха эти действия не имели, и правительство было вынуждено в конечном счете прибегнуть к помощи торгово-промышленного капитала, самым крупным и активным представителем которого являлась компания Голикова — Шелихова. К. Маркс, говоря о взаимоотношениях английского правительства с Ост-Индской компанией, отмечал, что, «когда компания английских купцов-авантюристов, завоевавшая Индию для выколачивания из нее денег, начала расширять сеть своих факторий до масштабов империи, когда ее конкуренция с частными голландскими и французскими купцами стала приобретать характер соперничества между нациями, английское правительство, конечно, стало вмешиваться в дела Ост-Индской компании» [1, с. 185]. Подобная же картина наблюдалась и в России, с той лишь разницей, что дальневосточные и американские владения России являлись не колониями, а частью империи, где управление и хозяйственное развитие осуществлялось на тех же принципах, что и по всей стране.

Предоставление монопольных прав Российско-Американской компании не могло существенным образом изменить ситуацию на Дальнем Востоке. Приняв на себя часть расходов, ранее лежавших на казне, это монопольное объединение оказалось не в состоянии хотя бы частично разрешить затруднения, связанные с вопросом о Приамурье. Более того, вступление выс-

ших сановников империи в число акционеров Российско-Американской компании позволило руководству этой компании настаивать на участии правительства в делах компании, что в конце концов заставило русское правительство решиться на новую постановку вопроса об Амуре перед Пекином. Но посольство Головкина не было допущено в Пекин, и позиция цинского правительства в данном вопросе осталась невыясненной, а сам амурский вопрос — не решенным еще полвека.

Глава 5

ПОЛНОЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА О ПРИАМУРЬЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Отношение русского правительства к амурскому вопросу в первой четверти XIX в.

Возвращение посольства Ю. А. Головкина в Россию встревожило цинский двор, в планы которого отнюдь не входил полный разрыв с Российской империей. Огромная протяженность русско-китайской границы, традиционно миролюбивая и добрососедская политика русского правительства по отношению к цинскому Китаю, заинтересованность в развитии взаимовыгодной торговли между двумя странами — все эти причины побуждали цинское правительство стремиться к восстановлению дружеских отношений с Россией, которые были несколько поколеблены неудачей Головкина.

В 1810 г. по инициативе цинской стороны состоялись переговоры иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина с представителями цинских властей. В ходе переговоров, проходивших с 19 февраля (3 марта) по 13 (25) марта 1810 г. в Троицкосавске и Маймачене, цинская сторона заявила о своем стремлении сохранять отношения добрососедства с Россией и выразила желание принять новое русское посольство [28,

т. 4, с. 305]. Но русское правительство, не имея официальных гарантий Пекина, что церемониальные обряды не станут вновь препятствием на пути посольства, воздержалось от повторной его отправки.

В результате создавшегося положения ряд задач, поставленных правительством перед посольством Головкина, и в том числе вопрос об Амуре, остались нерешенными.

В то же время факторы, побудившие правительство России предпринять вторую попытку частично решить амурский вопрос в 1805—1806 гг., продолжали действовать и в последующие годы: по-прежнему не был разрешен вопрос о снабжении русских поселений на Дальнем Востоке и в Северной Америке более удобным способом; так же, как и в предшествующий период, не ослабевала угроза русским дальневосточным владениям со стороны западноевропейских держав и США; иностранные промышленники и купцы продолжали грабить природные богатства русского Дальнего Востока, не останавливаясь при этом перед продажей оружия коренному населению и подстрекательством к выступлению аборигенов против русских [28, т. 4, с. 241—242, 246—247].

Правительство России пыталось остановить натиск иностранных зверопромышленников: в 1808 г. министр иностранных дел Н. П. Румянцев направил ноту протеста генеральному консулу США в Петербурге Гаррису [28, т. 4, с. 267]. В 1810 г. генеральный консул России в Соединенных Штатах Америки Дашков вновь поставил этот вопрос перед американским правительством, однако последнее сослалось на неопределенность границы русских и американских владений в Аляске [291, с. 37—38].

В 1812 г. был заключен контракт между Российско-Американской компанией и Тихоокеанской меховой компанией Д. Астора из Нью-Йорка. Тихоокеанская

компания брала на себя обязательство снабжать русские поселения в Америке продовольствием и перевозить русскую пушнину в Кантон, а также удерживать иностранных промышленников от браконьерства на территории русских владений. Контракт был заключен на четыре года, однако Тихоокеанская компания не выполняла своих обязательств, и контракт не был возобновлен [28, т. 1 (9), с. 381—383].

В 1814 г. иностранный торговец П. Добелл, проехавший всю Россию от Камчатки до Петербурга, подал русскому правительству проект установления торговых отношений России с Филиппинами. В объяснительной записке на имя губернатора Сибири И. Б. Пестеля он описывал тяжелый путь от Охотска до Иркутска (по рекам Юдоме, Мае, Алдану, Лене) и сообщал, что этот маршрут не единственный: «Другой водяной путь сообщения представляется по реке Амуру до Байкала и который, конечно, был бы прямее и удобнее того, который я представляю. Но для сего нужно, чтобы е. и. в-во истребовал позволение от китайского правительства построить город на устье сей реки, также и селения завести на берегах во всю дорогу. Я только сомневаюсь в том, что порт при устье Амура довольно ли хорош и имеет ли достаточную глубину для больших судов; я слышал, что он не только наполнен опасными песчаными отмелями, но и лед носится в нем до половины июля — два не весьма приятных обстоятельства; и потому нужно было бы до принятия мер в рассуждении сего порта осмотреть его, что можно сделать в июле месяце из Охотска на небольшом судне и даже на гребных судах» [60, с. 466].

Таким образом, правительство России получило очередное напоминание о важности Амура для экономики страны. Появление проекта П. Добелла и его встречи с членами правительства и Александром I в период пребывания в Петербурге (1814—1817) совпали по вре-

мени с очередной жалобой правления Российско-Американской компании. 23 декабря 1816 г. (4 января 1817 г.) Главное правление компании направило царскому правительству записку, в которой сообщило, что иностранные зверопромышленники, приходя в Русскую Америку на судах, «коих ныне бывает иногда до 15», не только продолжают продавать коренному населению оружие, но и на запрещение правителя Баранова отвечают «смехом, говоря, что они ничего не слышат от своего правительства» [28, т. 1 (9), с. 380]. Кроме того, иностранцы намеренно сбывают свои товары местному населению по низким ценам, прекрасно зная, что «такие же вещи, у Американской компании находящиеся, стоят ей гораздо дороже по причине тягостных и дорогих провозов чрез Сибирь до Охотска». Такая торговля дает иностранцам ежегодно от 10 до 15 тыс. бобров, которых они сбывают в Кантоне довольно дешево, «как дешево им доставшиеся, и тем пополняют пропорцию, потребную китайцам в сем товаре. А чрез то происходит, что при промене на Кяхте сего товара китайцы понижают цену на оный; а без того принуждены бы были брать дороже, ибо бобров морских ничуть инде нет, кроме вод, областям наших колоний принадлежащих» [28, т. 1 (9), с. 380].

Интересно отметить, что почти одновременно с этой запиской правительству были представлены заметки государственного деятеля Я. О. Ламберта по поводу проекта П. Добелла. Он считал, что более реальным делом было бы развитие экономики русского Дальнего Востока, в частности Камчатки; но путь из глубины Сибири, и особенно от Якутска до Охотска, очень неудобен и требует улучшения. «Что касается судоходства по реке Амур, то этим вопросом тоже много занимались, но, к сожалению, так же небрежно, из-за чего мы и остались далеко позади китайцев. Они никогда не позволят нам плавать по Амуру, если их не принудить к это-

му, и, следовательно, об этом можно будет думать лишь тогда, когда мы сможем либо не бояться отказа, либо обойтись без разрешения, но при этом за нами должно быть закреплено владение всем левым берегом. Эта цель должна быть поставлена в ряд первейших наших забот, так как если бы мы ее достигли, то обеспечили бы за собой первенство со всеми вытекающими из этого неисчислимыми преимуществами» [60, с. 488].

26 апреля (8 мая) того же года Российско-Американская компания вновь обратилась к министру иностранных дел К. В. Нессельроде, настаивая на повторном обращении царского правительства к правительству США с требованием положить конец торговле оружием в русских владениях [28, т. 1(9), с. 530].

Но русское правительство в тот период не предприняло действенных мер для изменения ситуации на Дальнем Востоке и в Русской Америке. Основное внимание царизм уделял проведению активной политики в Европе, политики, которая принимала все более и более реакционный характер. Ввиду этого военные силы России не могли быть использованы для защиты русских дальневосточных владений. Другой серьезной причиной была нерешенность амурского вопроса, еще более усложненного неверными выводами Крузенштерна.

Так, в 1817 г. в Петербурге была издана книга Н. Семивского «Новейшие повествования о Восточной Сибири» с картой Дальнего Востока, на которой Сахалин был изображен в виде полуострова, соединенного с материком довольно широкой перемычкой. В книге сообщалось, что Амур впадает «в Восточный океан под 55° северной широты против острова, или, по новейшим известиям, полуострова Сахалина» [227, с. 82].

В то же время следует отметить, что слабость географической изученности Амура и Приамурья имела не абсолютный, а относительный характер. Русское правительство было знакомо с выводами Крузенштерна и

не имело оснований не доверять им; однако и после окончания экспедиции Крузенштерна в столицу поступали важные географические сведения, противоречащие его мнению о несудоходности Амура, мелководности его устья и полуостровном положении Сахалина. Сведения эти поступали от русских людей, побывавших на Амуре без ведома сибирской администрации. Трижды бывал на Амуре беглый каторжник Г. Васильев (в 1815—1826 гг.) [217, с. 364—365]; с 1821 по 1823 г. занимался рыбным и пушным промыслом на устье Амурской крестьянин Кудряшов [188, ч. 1, с. 153].

Прогрессивные круги русской общественности прекрасно сознавали жизненную необходимость решения вопроса об Амуре. Так, выдающийся деятель декабристского движения П. И. Пестель в одном из вариантов «Русской Правды» — программы будущего революционного правительства России. — выдвинул в качестве одной из задач этого правительства требование: воссоединить с Россией Амур, «так чтобы все течение Амура, начиная от озера Далай, принадлежало России. Сие приобретение необходимо, и потому надобно оное достать непременно» [59, с. 426].

Русский царизм, несмотря на настоятельную потребность решения погранично-территориального вопроса в Приамурье, не предпринял в первой четверти XIX в. каких-либо шагов в этом направлении. Пассивная позиция царского правительства, вызванная нежеланием связывать себе руки на Дальнем Востоке, неминуемо вела к уступкам иностранным державам. 17 апреля 1824 г. была заключена русско-американская конвенция, определившая границу русских поселений и промыслов по 54° 40' северной широты; внутренние воды обоих государств (в Тихом океане) взаимно открывались для промыслов. 28 февраля 1825 г. была заключена аналогичная конвенция с Англией. Поскольку промысловый флот России на Дальнем Востоке был очень слаб, а

военный практически отсутствовал, обе конвенции, таким образом, содержали односторонние уступки со стороны России [180, с. 57].

Русско-американская и русско-английская конвенции свидетельствовали не только об экономической и военной отсталости крепостнического государства, но и о забвении царизмом национальных интересов русского народа ради проведения реакционной политики в Европе и внутри собственной страны.

Завершение русских исследований Приамурья и Приморья во второй четверти XIX в.

Неразрешенность вопроса о Приамурье к началу второй четверти XIX в. серьезно затрудняла процесс освоения русского Дальнего Востока. Однако экономическое развитие Восточной Сибири продолжалось: росло ее население, возникали новые города, укреплялось хозяйство. Труд русского народа создавал экономические предпосылки для окончательного решения вопроса об Амуре. Политические же предпосылки заключались в объективной целесообразности сближения между Россией и Китаем, реальную угрозу владениям которых создавала экспансионистская политика Англии.

Однако состояние русско-китайских отношений в этот период не соответствовало экономическим и политическим потребностям обеих стран. Цинское правительство, основываясь на долголетнем опыте, было уверено в миролюбии России и, озабоченное обороной южнокитайских земель, не обращало ни малейшего внимания на Приамурье и Приморье, превращенные в своеобразную нейтральную зону между двумя государствами. По сообщению генерал-майора К. К. Венцеля, командующего русскими войсками Восточной Сибири, цинские власти имели «весьма ограниченные сведения об этих местах (неразграниченных приамурских зем-

лях. — М. С.), чем подтверждают прежде носившиеся слухи, что со стороны тамошнего (маньчжурского пограничного. — М. С.) управления обращается весьма слабое внимание на эту часть края, где если и появляются иногда незначительные китайские чиновники, то большею частью для каких-нибудь своих выгод» (цит. по [235, с. 201]).

Правительство России, в свою очередь, в начале второй четверти XIX в. было занято войнами с Ираном (1826—1828) и Турцией (1828—1829) и не могло поэтому уделять необходимого внимания проблемам Дальнего Востока. Тем не менее 13 сентября 1828 г. министерство иностранных дел направило в Главное управление Восточной Сибири отношение, в котором говорилось, что во время последнего приезда генерал-губернатора А. С. Лавинского с ним состоялась беседа об Амуре как о реке, «сколь удобств обещающей к доставлению продовольствия в Охотск, Камчатку, особенно в наши Северо-Американские владения и вообще могущей открыть нам важный путь для промышленности Сибири». Далее в письме содержалось предписание собрать и сообщить правительству все сведения «о протяжении р. Амура от истока ее, у соединения Шилки и Аргуни, до впадения ее в море; об удобствах оной к судоходству или препятствиях естественных, каковы пороги и мели, как говорят, в самом устье, крутые излучины, карчи от свалившихся в воду деревьев и т. п.» [45, с. 359].

В результате этого предписания, утвержденного К. К. Родофиникиным, Главное управление Восточной Сибири осуществило сбор сведений об Амуре. В их число вошли документы из сибирских архивов, докладные записки чиновников, побывавших вблизи Амура по делам службы, свидетельства людей, бывших на Амуре и в Приморье.

Особый интерес среди собранных сведений предста-

вили рассказы казака из Цурухайтуйского пограничного поста (запись прислана комендантом поста Разгильдяевым), удского крестьянина Кудряшова (рассказ которого записал чиновник Уваровский), жившего в устье и в низовьях Амура с 1821 по 1823 г., и беглого ссыльного Г. Васильева.

По словам цурухайтуйского казака, Амур вполне удобен для судоходства; жители ведут кочевой образ жизни. Г. Васильев сообщал, что ширина Амура от 1 до 1,5 версты, на протяжении реки встречаются острова, местами Амур проходит между гор, но везде одинаково глубок. Устье Амура имеет в ширину около 30 верст, во время прилива уровень воды повышается на 3 аршина. Верстах в 60 от устья расположен большой остров [45, с. 359—360].

Очень ценные сведения сообщил Кудряшов. Он рассказал, что Амур не имеет ни порогов, ни больших излучин; ширина реки от 1 до 3 верст, глубина до 30 сажен; против устья находится большой остров — Сахалин. По словам Кудряшова, нивхи (гиляки), живущие в низовьях Амура и по морскому берегу, совершенно независимы; товары, необходимые в быту, нивхи получают от живущих выше по Амуру натков, которые, будучи независимыми, как и нивхи, иногда вступают в торговые отношения с цинскими купцами [45, с. 360—361].

Очень интересной является записка штабс-капитана П. Т. Козьмина о народах, населяющих Приамурье и Приморье, сведения о которых он собрал, будучи начальником экспедиции, описывавшей в 1829—1831 гг. Охотское побережье и Шантарские острова (по поручению Российско-Американской компании). В записке Козьмина содержатся сведения о быте негидальцев, самагиров, нивхов и других народностей. В 1831 г. он подал А. С. Лавинскому проект научной экспедиции по Амуру на двух больших лодках, каждая из которых

вмещала бы шесть человек. Козьмин предполагал начать путешествие после вскрытия льда на Амуре и подробно описывал предполагаемый маршрут [45, с. 361—372].

Губернатор горячо поддержал проект Козьмина. 26 декабря 1831 г. он направил записку Козьмина в Петербург, дополнив его проект собственными соображениями. В частности, он считал, что экспедиция должна иметь секретный характер; в случае задержания ее маньчжурами участники экспедиции должны выдать себя за беглецов из России, вследствие чего они будут возвращены назад без дипломатических осложнений [45, с. 362].

А. С. Лавинский настолько был уверен в благоприятном ответе из столицы, что, не дожидаясь официального разрешения, приказал 29 декабря 1831 г. заготавливать лес для постройки лодок в с. Сретенском. Однако 17 мая 1832 г. ему было прислано отношение из министерства иностранных дел за подписью К. К. Родофиникина, в котором содержался приказ отменить подготовку экспедиции на Амур. «Сколь ни кажутся основательными и мудро обдуманными все предполагаемые Вами средства, — писал Родофиникин, — но необходимость требует, дабы привести оные в исполнение при настоящем положении дел было отложено, доколь обстоятельства не откроют министерству возможность к распоряжениям, соответствующим времени и пользе России» [45, с. 362].

В 1830 г. была опубликована книга М. Геденштрома «Отрывки о Сибири», в которой особая глава была посвящена Амуру. Геденштром в своем сжатом, но очень ярком описании дал предысторию возникновения проблемы Амура, особо отметив вынужденный для России характер Нерчинского договора 1689 г. «Ныне составляла бы сия страна богатейшую и многолюднейшую область Сибири. Между Балтийским морем и Восточ-

ным океаном существовало бы водяное сообщение, прерываемое на 10 тыс. верстах только тремя промежутками или волоками на 400 верст. Неисчислимы выгоды для торговли! Япония, в ближайшем расстоянии от устья Амура, давно была бы принуждена открыть нам свои гавани. Южный океан и Индийское море, соделавшись не столь отдаленными от России, тем самым отвратили бы необходимость получать тамошние произведения из других рук и платить за то посредникам в сей торговле. Охотск и Камчатка, сии пустынные провинции, ежели б и тогда еще могли быть нужными, не стоили бы уже тех сумм, которых требуют ныне от правительства на свое содержание: доставление всех потребностей морем с изобильного Амура ограничилось бы весьма умеренными издержками. При Амуре бы и Сибирь соделалась бы странюю благословенною» [133, с. 146].

Перечислив и другие ожидаемые от возвращения Амура выгоды (обилие земли, пригодной для обработки, наличие золотых и серебряных россыпей), Геденштром заключал: «Сколь легко было бы ныне России возвратить себе то, что приобретено было за 150 лет храбрыми казаками и отнято насильственным мирным договором! Теперь Китай ни в чем не разнится от Китая тогдашнего времени, кроме того, что манджуры, во множестве оставившие природные земли, ныне сравнялись изнеженностью с китайцами и лишились прежнего воинственного духа» [133, с. 148—149].

Однако русское правительство, как следует из письма Родофиникина, предпочитало отложить вопрос об Амуре до той поры, пока отношения с Цинской империей улучшатся настолько, что станет возможным вновь вернуться к данному вопросу.

Это время наступило довольно скоро. Феодално-бюрократическая Цинская империя подверглась нападению капиталистической Англии, выигравшей первую

«опиумную» войну 1839—1842 гг. и навязавшей Китаю неравноправный Нанкинский договор. Поражение цинского Китая серьезно обеспокоило царское правительство, поскольку это означало изменение привычной ситуации на Дальнем Востоке. Новая международная обстановка создавала угрозу русским дальневосточным владениям, поскольку ввиду нерешенности вопроса о Приамурье военная слабость России здесь была очевидной. Правительство Российской империи, желая еще раз продемонстрировать Китаю, что оно не принадлежит к лагерю его врагов, сообщило в мае 1841 г. в Пекин о запрещении российским подданным продавать в Китай опиум. Цинское правительство выразило полное удовлетворение этим дружественным актом [141, с. 149].

Осложнение международной обстановки на Дальнем Востоке побуждало правительство России активизировать свою политику в амурском вопросе. Особому комитету, образованному в связи с событиями в Китае, были поданы в апреле 1843 г. проекты Е. В. Путятина и И. Ф. Крузенштерна, в которых авторы высказывались за новое исследование Амурского лимана с целью выяснения пригодности его для устройства там порта. Обосновывая необходимость такого исследования, Путятин подчеркивал: «Доселе мы знаем только то, что на всем протяжении восточного берега, начиная от полуострова Сахалина до устья реки Уды, нет ни одного благонадежного порта; но от сей реки берег, загибающийся по параллели с лишком на 3 градуса долготы, никем не исследован. Самый залив между материком и полуостровом Сахалином, в который, как предполагают, впадает р. Амур, нам вовсе неизвестен» [123, с. 283].

16 апреля 1843 г. проект Путятина был утвержден [217, с. 375]. Экспедиция должна была отправиться из Черного моря на корвете «Менелай»; на нее поми-

мо исследовательских задач возлагалась задача установления морской торговли с Китаем и Японией. Расходы на экспедицию должны были составить 250 тыс. руб. Однако министр финансов Е. Ф. Канкрин подал особую записку на имя Николая I, в которой указывал: «При неразвитии или, лучше сказать, несуществовании нашей торговли в Восточном океане и неимении в виду, чтобы когда-либо могла существовать даже эта торговля без утверждения нашего в Приамурском крае, — единственной полезной целью отправления Е. В. Путятина, я полагаю, будет поручение удостовериться, между прочим, в справедливости сложившегося убеждения о недоступности устья реки Амура — обстоятельства, обуславливающего степень полезности для России этой реки и орошаемого ею края. Но для разрешения этого вопроса не требуется снаряжения такой большой и дорогостоящей экспедиции, а гораздо лучше, в отношении политическом и финансовом, произвести исследования Амурского лимана и устья реки Амур через Российско-Американскую компанию, поручив ей отправить к устью этой реки на счет казны надлежащее судно...» [50, с. 64]. Записка министра финансов подействовала, и экспедиция Е. В. Путятина была отменена.

Проект И. Ф. Крузенштерна предусматривал исследование Охотского побережья от Шантарских островов до устья Амура. Но, как и проект Путятина, проект Крузенштерна приказано было «отложить на неопределенное время, а адмирала благодарить» [217, с. 377].

Царское правительство решило последовать совету министра финансов, причем не столько ради экономии средств, сколько из опасения, что Англия, заметив усиление русской активности в районе Амура, сможет использовать русскую слабость на Тихом океане для захвата неразграниченных районов. Плавание же судов Российско-Американской компании, по мнению прави-

тельства, не должно было бы привлечь внимания иностранцев к Амуру.

В 1844 г. Главному правлению Российско-Американской компании было приказано снарядить за казенный счет судно для исследования устья Амура. В инструкции, данной председателю Главного правления Ф. П. Врангелю, говорилось: «Главная цель ваша заключается в тщательном исследовании устья реки Амура, о котором существует мнение, что вход в него из-за наносных песков не только затруднителен, но и невозможен даже для самых мелкосидящих шлюпок, то есть что река как бы теряется в песках» [50, с. 65].

5 мая 1846 г. из Новоархангельска (Русская Америка) вышел небольшой бриг «Константин» под командованием поручика А. М. Гаврилова. Помимо правительственной инструкции правитель Русской Америки М. Д. Тебенков дал Гаврилову следующие указания: «По сведениям, при устье Амура находится поселение русских беглецов из-за Байкала и большая китайская военная сила, а потому вы должны принять все меры предосторожности, дабы не иметь с китайцами неприязненных столкновений и дабы китайцы не могли узнать, что ваше судно русское. С русскими беглецами войдите тайно в сношения и обещайте им амнистию. В случае, если вы при входе в лиман встретите мели, то не должны подвергать судно опасности, ибо положительно известно, что устье реки недоступно» [50, с. 68].

16 июля того же года бриг «Константин» дошел до берегов Сахалина, затем продвинулся по Татарскому проливу с севера на юг до $52^{\circ}49,5'$ северной широты. Затем участники экспедиции сели на шлюпки и, производя измерения глубин, дошли вверх по Амуру до деревни Чныррах, где жили нивхи. 15 августа 1846 г. экспедиция вернулась в Аян, где находилась фактория Российско-Американской компании [217, с. 380—383]. Гаврилов в результате своих исследований (очень не-

точных и небрежных, как считали многие историки) пришел к выводу о недоступности Амурского устья для судов с большой осадкой, т. е. подтвердил ошибочные заключения Крузенштерна [217, с. 383—384].

Николай I, узнав о результатах экспедиции А. М. Гаврилова, наложил резолюцию на доклад: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить; лиц, посылавшихся к Амуру, наградить» [50, с. 71].

В 1846 г. правительство получило очередной проект о необходимости присоединения Приамурья к России, составленный генерал-губернатором Восточной Сибири В. Я. Рупертом, но этот проект ввиду неутешительных сведений, собранных экспедицией Гаврилова, был оставлен без последствий [217, с. 373].

В 1844—1845 гг. в Приамурье побывала экспедиция известного ученого А. Ф. Миддендорфа. Выйдя из Удского острога, он прошел следующим маршрутом: «Тугур — Немилен — Керби — Буреинский хребет — Бурей. Отсюда он спустился до устья Нимана, затем поднялся по этой реке до ее притока Кебели и прошел водоразделом Буреи и Селемджи, вершинами горных речек, впадающих в Селемджу, водоразделом между последней и Зеей. Зейским краем Миддендорф прошел до устья Гилюя, затем, поднявшись вверх по этой реке, достиг водораздела между нею и Ольдоем, прошел долину Ольдоя и, наконец, долиной Амура добрался от устья Уруши до Усть-Стрелочного караула» [201, с. 120].

А. Ф. Миддендорф не только представил подробные карты тех мест, которые ему удалось посетить, но и сделал на основе личных наблюдений и расспросов местных жителей чрезвычайно важный вывод о том, что этот полупустынный край частично заселен племенами, состоящими в российском подданстве. «Ежегодно отправлялось, как ниже будет объяснено подробно,

немалое число забайкальских поселян на охоту за зверями и проникало как по левому, так и по правому берегу Амура на далекое расстояние в китайские владения. И тут опять, по странному противоречию, оказывалось, что эти зверопромышленники встречали кое-где жителями тамошних пустынь не китайских, а русских инородцев. А между тем туземцам постоянно делались напоминания о границах, установленных договорами» [188, ч. 1, с. 156].

Приведя ряд примеров, свидетельствующих о проживании российских подданных аборигенного происхождения в местах, оставшихся неразграниченными или даже формально находившихся под контролем цинской администрации, А. Ф. Миддендорф дал и свое объяснение этим фактам. Он считал, что причиной перехода российских эвенков (тунгусов) в неразграниченные места являлся их полукочевой образ жизни: миграции пушного зверя и поиски новых пастбищ для домашних оленей определяли и перекочевки местных племен. «Запретить тунгусу с его оленями бродить то по северному склону хребта, то по южному, то по северным отрогам его, то по южным — бродить таким образом для тунгуса значит жить, — запретить ему это значило бы осудить этот горный народ на гибель» [188, ч. 1, с. 156].

Из наблюдений А. Ф. Миддендорфа следовало, что в Приамурье не только не существует русско-китайской границы (восточнее Горбицы), но и степень китайского влияния на местное население весьма неопределенна.

Процесс оседания российских подданных (эвенков) в Приамурье, начало которого было отмечено А. Ф. Миддендорфом, не повлек за собой никаких репрессивных мер или дипломатических протестов со стороны цинской пограничной администрации. Вследствие этого он развивался совершенно беспрепятственно. К числу эвенкийских родов, переселившихся в Приамурье, относи-

лись следующие: Бугагирский род Кангаласского ведомства [147, с. 517], Шологонский род Вилюйских тунгусов (эвенков) [207, с. 196], Нинаганский род [210, с. 5—6], Белдетский род Кангаласского ведомства [210, с. 5—6], Киндигирский род Олёкминского округа [147, с. 189]. Члены этих родов, зачастую именовавшиеся общим названием «амурские ороконы», расселялись на обоих берегах Верхнего Амура: по левому берегу — от вершины р. Амазара до р. Ольдоя (с севера их территорию ограничивал Становой хребет), по правобережью — от Усть-Стрелки до вершины р. Албазики и далее по ее течению до Амура [210, с. 6].

Причиной переселения российских подданных на берега Верхнего Амура было оскудение пушных ресурсов Сибири. Переселившись в Приамурье, эвенки продолжали выплату ясака Российскому государству, внося его в Усть-Стрелочном и Горбиченском караулах [207, с. 196—197].

Факт оседания российских подданных на берегах Амура, с одной стороны, представлял собой яркое свидетельство полнейшего безразличия цинских властей к положению в Приамурье и отсутствия действенного контроля, а с другой — давал правительству России дополнительные правооснования для постановки вопроса о новом русско-китайском разграничении на Дальнем Востоке.

Неразграниченность большей части Приамурья и Приморья, слабость цинского контроля создавали серьезную опасность проникновения иностранцев в эти районы. Так, в 1846 г. к устью Амура пробрался из Китая французский миссионер де ла Брюньер, но был убит независимыми местными жителями — нивхами [48, с. 330].

В 1848 г. два английских «туриста», С. Хилл и Остин, появились в Восточной Сибири. Целью Хилла было выяснение путей, связывающих Сибирь с Камчаткой

(через Якутск и Охотск). Что касается Остина, то он, побывав в Иркутске, «переправился через Байкал и далее почтовым трактом через Верхнеудинск и Читу в Нерчинск, где немедленно приступил к постройке большого плота, на котором предполагал спуститься вниз по Шилке и Амуру к устьям этой реки, надеясь найти там китобойное или иное судно, чтобы добраться через Тихий океан до материка Америки или прямо до Европы». Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, узнав о поездке Остина, немедленно организовал погоню, чтобы «ни под каким видом не допустить его до исполнения своего намерения и живого или мертвого возвратить его в Иркутск» [23, кн. 1, с. 191—192].

Н. Н. Муравьев в письме к министру внутренних дел Л. А. Перовскому от 14 сентября 1848 г. так обосновал свои действия: «За Нерчинском р. Шилка, за Шилкою Амур, в устьях Амура необитаемый Сахалин, ожидающий господ, чтобы запретить плаванье по Амуру. С китайской стороны в Амур впадают большие судоходные реки; с Южным Китаем англичане торгуют свободно, а Амур доставит им возможность овладеть и Северо-Восточным: стоит только укрепиться на необитаемой северной оконечности Сахалина. Я на днях получил известие, что китовая ловля сосредоточивается с прошлого года в южной части Охотского моря; это привело туда множество судов различных народов, которые трутся около Сахалина и легко могут занять северную часть его, никем не обитаемую, могут даже сделать это без распоряжений своих правительств. Кроме того, весь левый берег Амура изобилует золотом, и эти места никому не принадлежат; тут кочуют только по временам тунгусы, а при самом устье гилияки. Англичанам нужно только узнать все это, и они непременно займут Сахалин и устье Амура: это будет делом внезапным, без всяких сношений о том с Россией, которая

однако ж лишится всей Сибири, потому что Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура. Вот зачем ездят сюда англичане... Давно эти соображения занимают меня, давно собираю я сведения об этих важных для России предметах; вдруг, как снег на голову, является Остен в Нерчинск... ему стоит только спуститься по Амуру — и к будущей же весне пара английских пароходов займет Сахалин!» [23, кн. 2, с. 35—36].

Интерес Н. Н. Муравьева к амурскому вопросу не был случайным: еще в 1847 г. в Петербурге он познакомился с морским офицером Г. И. Невельским, который тщательно изучил состояние данного вопроса и пришел к выводу о необходимости более серьезного исследования побережья Охотского моря и устья Амура. Г. И. Невельской, назначенный командиром транспорта «Байкал», должен был доставить из Кронштадта в Охотск и Петропавловск продовольствие и различные припасы, но он решил помимо выполнения основной задачи провести исследования Амурского лимана [50, с. 78—79].

Заручившись поддержкой Н. Н. Муравьева и начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова, Г. И. Невельской вышел из Кронштадта, имея на руках инструкцию, еще не утвержденную царем. 12 июня 1849 г. «Байкал» был у берегов Сахалина, а 23 июня приблизился к мысу Головачева на Сахалине, который как бы ограждает Амурский лиман с северо-востока. Корабль пересек водное пространство между Сахалином и материком и вошел в Амурский лиман в его северной части. Бросив здесь якорь, Невельской отправил шлюпку для обследования берега Сахалина и шлюпку под командованием лейтенанта П. В. Казакевича для поисков устья Амура. Казакевич, следуя вдоль берега, добрался до мыса Тебах (Табах), за которым «открылась бухта, тянувшаяся к западу, и из нее шло

сильное течение» [50, с. 103—104]. Это и было устье Амура.

15 июля три шлюпки во главе с Невельским направились к устью Амура; 16 июля они обогнули мыс Тебах и вошли в Амур. Дойдя до мыса Куегда на левом берегу реки, Невельской и его спутники пересекли реку и спустились вдоль правого берега к лиману. 22 июля 1849 г. «достигли того места, где этот матерый берег сближается с противоположным ему сахалинским. Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мной в честь Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Броутоном и в 1846 г. Гавриловым низменного перешейка мы открыли пролив шириною в 4 мили (7,5 км) и с наименьшею глубиною 5 сажен (9,1 м)» [50, с. 106].

Таким образом, сомнений больше не оставалось: Сахалин является островом, отделенным от материка проливом, пригодным для прохода судов; вход в Амур возможен и с юга, и с севера. Кроме того, исследования Г. И. Невельского доказали, что устье Амура еще не занято никакой иностранной державой, в том числе и Китаем: там проживали лишь нивхи, не подчинявшиеся никому.

1 сентября 1849 г. «Байкал» прибыл в Аян. Экспедиция Г. И. Невельского завершила более чем вековой цикл русских исследований Приамурья и Приморья. Сама жизнь выдвигала на повестку дня вопрос о воссоединении этих районов с Россией.

Амурская экспедиция

29 января 1849 г. в Петербурге был образован Особый комитет, который постановил отправить специальную экспедицию для осмотра Охотского побережья и устья Амура и установления торговых связей с нивха-

ми (гиляками). Комитет признал желательным, чтобы «левый берег устья Амура и находящаяся против него часть Сахалина не были заняты никакою постороннею державою» [23, кн. 1, с. 195].

Таким образом, экспедиция Г. И. Невельского была официально разрешена, хотя известие об этом так и не дошло до него. Когда же весть о замечательных открытиях Невельского была получена в Петербурге, его исследования были сочтены самовольным и дерзким поступком, поскольку он не имел официально утвержденной инструкции. Противники присоединения Амура к России, возглавляемые канцлером К. В. Нессельроде, не верили в истинность открытий, сделанных Невельским, поскольку они опровергали мнение об Амуре и Сахалине таких общепризнанных авторитетов, как Лаперуз и Крузенштерн. Как сообщил в Петербурге Невельскому министр внутренних дел Л. А. Перовский, группа Нессельроде (военный министр А. И. Чернышев, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Л. Г. Сенявин и др.), опираясь на сообщения русской миссии в Пекине и донесения Врангеля, убеждает царя, что «Ваше донесение ошибочно, и опасаются столкновения с китайцами, которые будто бы имеют на Амуре огромные силы и крепости, вполне достаточные для вторжения в реку с моря» [50, с. 120].

2 февраля 1850 г. Невельской был вызван на заседание Особого комитета, где было выражено сомнение в правдивости его сообщений. Невельской, подробно рассказав о своих исследованиях, подчеркнул: «Все, что я сообщаю, так же верно, как верно то, что я стою здесь. Что же касается до китайской силы, то сведения об этом, доставленные миссией из Пекина, неправильны. Не только китайских сил, но и малейшего китайского правительственного влияния там не существует» [50, с. 121].

Невельской, разумеется, не мог знать, что группа

Нессельроде была озабочена не только сохранением дружественных отношений с Китаем. Не менее серьезным препятствием на пути воссоединения Приамурья с Россией были опасения реакционеров, что это событие вызовет у населения Сибири настроения, опасные для самодержавия. Так, генерал-губернатор Западной Сибири князь А. М. Горчаков «конфиденциально сообщил князю Чернышеву, что Амур для России лишнее, что неизмеримые дебри от Якутска до Камчатки и к Охотскому побережью являют собой границу, не требующую охранения, и, что всего важнее, отстраняют жителей Сибири от непосредственного прикосновения к иностранцам, которое легко могло бы обратиться в дело пагубной пропаганды и в путь существенного вспомоществования беспорядку» [23, кн. 1, с. 203—204].

Совершенно иначе думал патриотически настроенный генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, не полагавшийся на «неизмеримые дебри» и требовавший «безотлагательно приступить к занятию устья Амура, или со дня на день должно ожидать, что оно с юга должно быть занято другими».

Н. Н. Муравьев настойчиво убеждал правительство: «...Занятие устья Амура иностранцами столь было бы пагубно для пользы государства, что нам непременно должно будет выгнать оттуда силою новых пришельцев и, следовательно, объявить войну той державе, к которой они будут принадлежать, т. е. Америке, или Франции, или Англии; но нет почти сомнения, что это совершится последнею» [23, кн. 2, с. 50].

3 февраля 1850 г. Особый комитет в указе на имя генерал-губернатора санкционировал лишь самые осторожные действия. Первые два пункта, в частности, гласили:

«1) В заливе Счастья или в какой-либо местности на юго-западном берегу Охотского моря, но отнюдь

не в лимане, а тем более на реке Амуре, основать зимовье.

2) В зимовье том Российско-Американской компании производить расторжку с гилеями, но ни под каким видом и предлогом не касаться лимана и Амурса» [50, с. 122].

Выполнение этого решения было возложено на Г. И. Невельского.

29 июня 1850 г. на берегу залива Счастья было основано зимовье, названное Петровским. Однако Невельской считал Петровское неудачным местом: «во-первых, оттуда невозможно было следить за устьем Амурса, за южной частью Амурского лимана и за побережьем Приамурского края, а во-вторых, прежде чем представится возможность достигнуть из Петровского этих мест, иностранцы, пришедшие на судах с юга, могут утвердиться в них. Кроме того, постоянное занятие залива Счастья было бесполезно для нас еще и в том отношении, что залив этот, подобно Охотску, Аяну и вообще всем заливам Охотского моря, до исхода июня бывает заперт льдами и суда в заливе Счастья, так же как и в упомянутых заливах, без вытягивания на берег зимовать не могут. В этом заливе, следовательно, не могло быть и порта» [50, с. 123].

Исходя из этих соображений, Невельской отправился в июле 1850 г. с группой матросов вверх по Амuru до мыса Тыр, где высадился на берег и встретился с местными жителями — нивхами, среди которых находилось несколько маньчжурских купцов. Маньчжуры сообщили Невельскому, «что им запрещено спускаться сюда по Амuru, что они бывают здесь самовольно, с ведома лишь мелких чиновников города Сензина* (около 300 верст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями, которых выме-

* Иначе Саньсин, ныне — Илань.

нивают у гиляков, гольдов и мангунов на товары и большей частью на водку (араки)...» [50, с. 124]. Кроме того, Невельской выяснил, что на всем Нижнем Амуре нет ни китайских, ни маньчжурских караулов и что «все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят» [50, с. 124—125].

Местные жители сообщили Невельскому, что ежегодно по весне в Татарский пролив приходят большие суда, экипажи которых грабят и обижают нивхов, и просили у русских защиты. Невельской заверил, что такая защита будет оказана, и передал им для предъявления иностранным морякам письменное объявление (с его текстом были ознакомлены и маньчжурские купцы):

«От имени Российского правительства сим объявляется всем иностранным судам, плавающим в Татарском заливе, что так как побережье этого залива и весь Приамурский край, до корейской границы, с островом Сахалином составляют Российские владения, то никакие здесь самовольные распоряжения, а равно и обиды обитающим племенам не могут быть допускаемы. Для этого ныне поставлены российские военные посты в заливе Искай и в устье реки Амура. В случае каких-либо нужд или столкновений с местным населением нижеподписавшийся, посланный от правительства уполномоченным, предлагает обращаться к начальникам этих постов» [50, с. 125].

Затем Невельской спустился вниз по Амуру и, дойдя до мыса Куегда, основал здесь военный пост, названный им Николаевским. Прибыв в Петровское зимовье, Невельской сообщил капитанам немецкого и американского китобойных судов о принадлежности Приамурья и Приморья России. После этого он отправился в Аян, захватив с собой представителей местного населения, нивхов Позвейна и Питкена, которые сообщили русским

властям в Аяне о желании своих соплеменников находиться под защитой России [50, с. 125, 127].

В декабре 1850 г. Невельской прибыл в Петербург, где вновь был вызван на заседание Особого комитета, в работе которого, как и прежде, принимали участие как сторонники, так и противники воссоединения Приамурья с Россией. Невельской был обвинен в превышении полномочий, и ему грозило разжалование в матросы. Нессельроде заявил, что основание Николаевского поста — дело преждевременное, поскольку неизвестна реакция цинского правительства на это событие [23, кн. 1, с. 281]. Под давлением Нессельроде комитет постановил снять Николаевский пост и действовать согласно решению от 3 февраля 1850 г. Однако Николай I нашел более убедительными доводы Муравьева и его сторонников: он назвал поступок Невельского «благородным и патриотическим» и заявил, что, «где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен» [50, с. 129].

12 февраля 1851 г. Особый комитет постановил: Николаевский пост оставить в виде лавки Российско-Американской компании; экспедицию, возглавляемую Невельским, назвать Амурской и поставить под контроль Н. Н. Муравьева; командирам иностранных судов объявлять, что без согласия российского и цинского правительств никакие действия близ устья Амура производиться не могут [50, с. 130]. Было решено также предложить китайскому правительству начать переговоры о мерах по обеспечению безопасности Нижнего Амура и Сахалина от посягательств иностранцев.

17 февраля 1851 г. в Лифаньюань было направлено послание, предупреждавшее об опасности захвата неразграниченных районов иностранными государствами. «Овладение устьем Амура или занятие в тех местах пункта какой-либо морской державою не может быть нами терпимо, так как Амур вытекает из наших пре-

делов, и притом самые земли, от р. Уди к востоку лежащие и, следовательно, примыкающие к устью Амура, по трактату нашему с Китайской империей оставлены неразграниченными. Поэтому существенные выгоды как Китая, так и России требуют, чтобы никакие иностранные суда не могли иметь выход в Амур и плавать по этой реке и чтобы устье оной не принадлежало никакой сторонней державе. Все это дружески сообщается китайскому правительству на дальнейшее его размышление, и не признает ли оно полезным войти с нами в согласие насчет обезопасения устья помянутой реки и противулежащего острова от всяких покушений на сии места иностранцев, чего, по-видимому, требовала бы взаимная безопасность наших и ваших в тех местах пределов» [180, с. 93].

Правительство цинского Китая ничего не ответило на это послание.

Участники Амурской экспедиции, которых было 70 человек, с 1850 по 1854 г. провели целый ряд важных исследовательских работ в Приамурье и Приморье. Н. М. Чихачев и Д. И. Орлов были отправлены Невельским вверх по р. Амгуни; поднявшись до селения Кервет, они в октябре 1851 г. вернулись в Петровское и сообщили, что Амгунь пригодна для судоходства, что самаиры, обитающие на берегах этой реки, «ни от кого не зависимы и ясака не платят» [50, с. 136].

В ноябре того же года Чихачев был отправлен в район селения Кизи, а Орлов — через селение Коль до селения Ухта. Вернувшись в декабре, Чихачев и Орлов сообщили ряд важных географических сведений, которые были уточнены и дополнены в ходе последующих экспедиций. В феврале 1852 г. для исследования Сахалина был отправлен Н. К. Бошняк, которому удалось обследовать значительную территорию на Северном Сахалине и открыть месторождения каменного угля. Местные жители сообщили Бошняку, что, хотя

японцы и приезжают на Южный Сахалин, «все народы, обитающие на Сахалине, никакой власти — ни китайской, ни японской — над собой не признают и ясака никому не платят» [50, с. 162—163]. Племена, проживавшие на побережье Сахалина, жаловались на насилие и бесчинства экипажей иностранных промысловых судов и просили помощи и защиты у русских [50, с. 164].

В том, что иностранные промысловые суда действительно активизировали свою деятельность, члены Амурской экспедиции вскоре убедились сами. В апреле 1852 г. приказчик Березин и топограф Попов, побывавшие в заливе Де-Кастри (Нангмар, ныне залив Чихачева), своими глазами видели иностранное судно [50, с. 157]. Как сообщили русским нивхи, проживавшие по берегам залива, «шлюпки с подобных судов бывают на берегу, и чужестранцы знаками, а иногда и через переводчиков объясняют им, чтобы они селиться русским здесь не дозволяли, ибо, говорят они, как только русские у вас поселятся и укрепятся, то всех вас истребят» [50, с. 175].

О том, что иностранцы ведут в Приамурье и Приморье враждебную русским пропаганду, говорили Чихачеву и маньчжурские купцы, встреченные русскими в селении Горин. Они также сообщили, что «все население этого края, лежащего между Буреинским хребтом и морем, не платит ясак китайцам, так как Китай считает этот край находящимся в неопределенном положении (то есть, как выражались маньчжуры, как бы не китайским и не вашим), потому что, говорили они, давно были заключены русскими с Китаем какие-то условия» [50, с. 174].

Между тем, как писал Невельской, ему приходилось получать почти с каждой почтой наставления и приказания из петербургских канцелярий, чтобы он главным образом «старался входить в сношения со старшинами

гиляков, тунгусов и других народов, посещавших нижнее течение Амура, которых в Петербурге считали какими-то вассальными китайскими князьями». По словам Невельского, от него требовали, чтобы он «заключил с ними условие вроде торговых трактатов, какие заключаются только между образованными нациями, и, наконец, чтобы под строгой ответственностью... отнюдь не распространял своих действий далее Николаевска» [50, с. 141—142].

Сообщая Н. Н. Муравьеву о результатах исследований в Приамурье, Приморье и на Сахалине, а также о деятельности иностранцев, Г. И. Невельской твердо заявлял: «Мне предстояло и ныне предстоит одно из двух: или, действуя согласно инструкциям, потерять навсегда для России столь важные края, как Приамурский и Приуссурийский, или же действовать самостоятельно, приноравливаясь к местным обстоятельствам и несогласно с данными мне инструкциями. Я избрал последнее» [50, с. 170].

20 февраля 1852 г. Невельской просил разрешения Муравьева на занятие селения Кизи и залива Де-Кастри, откуда было бы удобно наблюдать за иностранными судами и посылать экспедиции для исследования побережья Татарского пролива; кроме того, он просил разрешить отправку экспедиции на р. Уссури, чтобы произвести наблюдения за навигационной обстановкой на ней [50, с. 158—159].

Ответ генерал-губернатора от 28 июля того же года был малоутешительным. Муравьев сообщал, что «государь, вследствие объяснения канцлера графа Нессельроде... не изволил утвердить» планы Невельского. В личном же письме Муравьев подчеркивал, что овладение Амуром будет особенно важно для укрепления Петропавловска, который, по мысли Муравьева, и должен стать главным портом и военно-морской базой России на Дальнем Востоке [50, с. 198—199]. Отказ прави-

тельства не смутил Невельского, который решил действовать на свой страх и риск.

4 марта 1853 г. лейтенант Бошняк в присутствии местного населения поднял русский флаг на побережье залива Де-Кастри; одновременно приказчиком Березиным был занят пункт Кизи [50, с. 208]. Невельской писал: «Я хорошо понимал, что подобное распоряжение с моей стороны в высшей степени дерзко и отчаянно и что оно может повлечь за собой величайшую ответственность. Но ввиду того что только такими решительными мерами представлялась возможность разъяснить правительству важное значение для России Приамурского и Приуссурийского бассейнов, я решился действовать энергично; личные расчеты и опасения я считал не только неуместными, но и преступными» [50, с. 203].

15 мая 1853 г. Невельской получил предписание из морского министерства, в котором сообщалось, что в ноябре 1852 г. от берегов США отправились две морские экспедиции: «одна с целью установления политических и торговых связей с Японией, а другая — ученая — для обозрения берегов Тихого океана до Берингова пролива». Первая экспедиция, возглавляемая командором М. К. Перри, состояла из десяти кораблей; вторая, возглавляемая капитаном Рингольдом, состояла из четырех кораблей и должна была появиться на русском Дальнем Востоке летом 1853 г. Невельскому было предписано оказывать иностранным судам необходимую помощь; но при этом ради «благоразумия и осторожности иметь постоянно в виду честь русского флага, достоинство нашей империи, мирно водворяемую нами в краях, где Вы находитесь, власть и ввиду этого необходимую пронизательность» [50, с. 212].

Выполняя это предписание, Невельской направил в Де-Кастри мичмана Разградского с инструкцией, которая предписывала оказывать необходимую помощь американским морякам, однако не допускать никаких са-

мовольных действий со стороны иностранцев. Что касается частных судов других держав, то их командирам следовало объявлять о принадлежности Тихоокеанского берега, до корейской границы, России [50, с. 204].

В мае 1853 г. лейтенант Бошняк, сопровождаемый двумя казаками и якутом, отправился из залива Де-Кастри на лодке для обследования побережья Татарского пролива. Ему удалось обнаружить и описать неизвестную ранее гавань, названную им Императорской (ныне Советская гавань), а также выяснить, что «все жители побережья Татарского пролива ни от кого не зависят, никому ясака не платят и никакой власти не признают». Бошняк объявил местным жителям о том, что эта местность отныне принадлежит России [50, с. 223].

Неутомимая деятельность членов Амурской экспедиции, поддержка со стороны Н. Н. Муравьева дали наконец свои плоды. 11 апреля 1853 г. было издано правительственное распоряжение о разрешении Российско-Американской компании «занять остров Сахалин на тех же основаниях, как она владеет другими землями, упомянутыми в ее привилегиях, с тем чтобы не допускать на Сахалине никаких иностранных заселений, ни произвольных, ни по взаимному соглашению» [23, кн. 1, с. 324]. Сообщая об этом решении, Н. Н. Муравьев предписал Невельскому занять залив Де-Кастри и селение Кизи (что уже было сделано), а также учредить два или три военных поста на Сахалине [50, с. 230—231].

Хотя правительственные распоряжения и соответствовали планам Невельского, он все же считал их явно недостаточными для обеспечения интересов русского народа и безопасности Дальнего Востока: распоряжение занять Де-Кастри и Кизи всего лишь официально закрепляло русское присутствие на берегах Татарско-

го пролива и не вносило новых элементов в ситуацию в Приамурье. По мнению Невельского, это вызывалось стремлением Муравьева превратить Петропавловск в главный порт на Дальнем Востоке. В письме генерал-губернатору Восточной Сибири от 14 июля 1853 г. Невельской подчеркивал, что основное внимание следует обратить на укрепление русского влияния в Приамурье и Приморье; Петропавловск же «никогда не может быть главным и опорным нашим пунктом на Восточном океане, ибо при первых неприятных столкновениях с морскими державами мы вынужденными найдемся снять этот порт как совершенно изолированный. Неприятель одной блокадой может уморить там всех с голоду» [50, с. 234].

6 августа 1853 г. был учрежден русский пост в Императорской гавани, названный Константиновским [50, с. 235—236]. Таким образом, в Приамурье и Приморье помимо Петровского и Николаевского было уже три русских поста: Константиновский (Императорская гавань), Мариинский (в местности Кизи), Александровский (залив Де-Кастри). В том же году были основаны посты Ильинский и Муравьевский на Сахалине. Начальником последнего поста, как, впрочем, и всего острова, был назначен Н. В. Буссе [50, с. 244, 250—251].

В апреле 1853 г. в Петербурге стали известны результаты Забайкальской экспедиции полковника Н. Х. Ахте, которая производила исследования в Восточной Сибири и Приамурье в 1849—1850 гг. [23, кн. 1, с. 325]. Эта экспедиция установила, что восточнее Горбицы русско-китайской границы не существует, а также подтвердила факт, уже выясненный членами Амурской экспедиции: «...только верхнюю часть Амура от Усть-Стрелки до устья Буреи можно считать принадлежащей Китаю; что же касается до страны, лежащей к востоку от этой реки, то она должна по всем правам принадлежать России» [50, с. 272].

Оборона русского Дальнего Востока в период Крымской войны 1853—1856 гг.

В 1853 г. между западноевропейскими державами и Россией возникли разногласия по так называемому «восточному вопросу», суть которого сводилась к борьбе держав за раздел Османской империи на «сферы влияния» того или иного государства. В июне 1853 г. Николай I, воспользовавшись отказом турецкого правительства удовлетворить требования России о «священных местах», двинул русские войска на территорию Дунайских княжеств. В октябре 1853 г. началась Крымская война [158, т. 1, с. 652].

29 ноября 1853 г. Н. Н. Муравьев направил на имя генерал-адмирала великого князя Константина конфиденциальную записку, в которой изложил свое мнение по поводу начавшейся войны. Он считал, что даже совместные действия Турции и западноевропейских держав не представляют серьезной угрозы для Европейской России; «но на крайнем востоке, — отмечал Муравьев, — наше дело иное: Авачинская губа в Камчатке, устья Амура... и плавание по этой реке могут быть силою отторгнуты от России. Соседний многолюдный Китай, бессильный ныне по своему невежеству, легко может сделаться опасным для нас под влиянием и руководством англичан и французов, и тогда Сибирь перестанет быть русскою; а в Сибири кроме золота важны нам пространства, достаточные для всего излишества земледельческого народонаселения Европейской России на целый век; потеря этих пространств не может вознаграждаться никакими победами и завоеваниями в Европе» [23, кн. 2, с. 105].

Исходя из этого, Муравьев предлагал перебросить по Амуру к Тихоокеанскому побережью военные силы, достаточные для «укрепления берегов и портов при устьях Амура и в Камчатке»: 500 человек в Петропав-

ловск и отряд с четырьмя горными орудиями на Амур, а в случае высадки неприятелем сильного десанта можно было бы «в то же лето спустить по Амуру два батальона и несколько сотен конных казаков с надлежащею артиллериею, выгнать неприятеля с берегов Амурских и Татарского залива, а потом посредством пароходного же сообщения перевезти достаточные силы по Охотскому морю к Большерецку, не выходя в Восточный океан, и выгнать неприятеля и из Петропавловского порта» [23, кн. 2, с. 106—107]. Если же китайская сторона заявит протест, то следует пояснить «необходимость этого плавания не только для пользы и защиты нашей, но и самой Маньчжурии» [23, кн. 1, с. 346].

Особый комитет, рассмотрев предложения Н. Н. Муравьева, разрешил осуществить сплав русских войск по Амуру, уведомив об этом цинский двор. Несколько ранее, 11 января 1854 г., генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев был уполномочен вести переговоры с цинским правительством о решении погранично-территориального вопроса на Дальнем Востоке [23, кн. 1, с. 345].

К этому времени под руководством Муравьева в Забайкалье уже был осуществлен ряд мероприятий, подготовивших проход русских судов по Амуру. Было сформировано Забайкальское казачье войско из бывших горнозаводских крестьян, станичных казаков Забайкальского края и бурятских и эвенкийских пограничных полков [23, кн. 2, с. 92—101]. На Шилкинском заводе (80 верстами ниже Сретенска) были построены пароход «Аргунь» и 76 грузовых баркасов для экспедиции [50, с. 307].

14 апреля 1854 г. Муравьев отправил в Пекин письмо, извещавшее о предстоящем плавании русских судов по Амуру, необходимом для предупреждения агрессии западноевропейских держав, «питающих враждеб-

ные замыслы на наши приморские владения». В послании ставился вопрос: «к какому времени и куда именно будут посланы уполномоченные сановники Дайцинского государства для определения восточных границ двух великих империй, доселе остающихся неразграниченными» [23, кн. 2, с. 114—115].

В марте 1854 г. Англия и Франция объявили войну России. Не получив никакого ответа от цинского правительства, Н. Н. Муравьев 14 мая 1854 г. начал сплав русских судов: 18 мая русская флотилия вошла в Амур, а 28 мая достигла маньчжурского города Айгуня. Поскольку местный градоначальник ничего не знал о русском сплаве, Муравьев объяснил ему ситуацию [23, кн. 2, с. 117]. Маньчжурский начальник гарнизона принял разъяснения Муравьева к сведению и фактически согласился с ним.

15 июня экспедиция прибыла в Мариинский пост, где Муравьев встретился с Невельским и узнал от него, что в заливе Де-Кастри находятся транспорты «Иртыш», «Двина» и шхуна «Восток», принадлежавшая эскадре адмирала Е. В. Путятин; сам же Путятин находился в Императорской гавани, где сосредоточились фрегат «Паллада» и несколько кораблей Российско-Американской компании. Прибыв в Мариинский пост, Муравьев распорядился направить 350 человек в залив Де-Кастри, откуда они, погрузившись на транспорты «Иртыш» и «Двина», должны были направиться на помощь Петропавловску. 100 казаков и горная батарея из четырех орудий были оставлены в Мариинском посту, а остальные 150 человек были отправлены в Николаевский пост [50, с. 314].

Благодаря своевременной помощи, оказанной Петропавловску, его гарнизон сумел отразить первый удар, нанесенный Англией и Францией на русском Дальнем Востоке.

20 августа 1854 г. объединенная англо-французская

эскадра из шести кораблей, вооруженных в общей сложности 212 орудиями, попыталась захватить Петропавловск; гарнизон Петропавловска, насчитывавший с прибывшим подкреплением менее тысячи человек, мог противопоставить врагу лишь семь батарей. После неудачной попытки захватить город с помощью десанта англо-французская эскадра, понеся значительные потери, была вынуждена 27 августа покинуть Авачинскую бухту [23, кн. 1, с. 376—379].

Поражение англо-французского флота на Камчатке было воспринято в Англии и Франции как оскорбление: воинственные круги требовали нового похода с целью «наказания» защитников Петропавловска. Г. И. Невельской, предвидя новое нападение, предложил Муравьеву эвакуировать население города в Николаевск-на-Амуре [50, с. 329].

Н. Н. Муравьев, понимая, что при недостатке людей и продовольствия Петропавловск, несмотря на героизм его защитников, обречен на гибель, распорядился об эвакуации людей и имущества [23, кн. 1, с. 387]. В апреле 1855 г. камчатская эскадра (транспорты «Двина», «Иртыш», «Байкал», корвет «Оливуца», фрегат «Аврора» и два бота) под командованием контр-адмирала В. С. Завойко вышла в открытое море и, благополучно избежав встречи с неприятельскими судами, прибыла в Императорскую гавань, где находился и фрегат «Паллада». Отсюда эскадра перебралась в залив Де-Кастри.

7 мая русская эскадра подверглась нападению трех английских военных кораблей, однако отпор русских моряков заставил англичан обратиться за подкреплением. Английские моряки были настолько уверены в невозможности пройти из залива Де-Кастри на север, что не сочли нужным установить наблюдение за русскими кораблями; воспользовавшись этим, камчатская эскадра ушла на север, к мысу Лазарева. Вскоре после ухода русской эскадры, 16 мая 1855 г., неприятель-

ские корабли пришли в гавань Де-Кастри, но никого там не застали [50, с. 341].

Весной 1855 г. был осуществлен второй русский сплав по Амуру, который подразделялся на три рейса, или отделения: 26 барж, 52 баржи, 35 барж, на которых было доставлено 2500 солдат, пушки и различные военные и хозяйственные грузы. Тогда же был доставлен 481 переселенец. Эти переселенцы основали на левом берегу Амура деревни Иркутскую, Богородскую, Михайловскую, Новомихайловскую, Сергиевскую и Воскресенскую; на острове напротив Мариинского поста казаками была основана станица Сучи [50, с. 321].

Как и прежде, цинскому правительству заранее было сообщено о предстоящем сплаве русских судов по Амуру. 18 февраля 1855 г. Муравьев писал чиновникам Лифаньюаня: «Продолжающиеся военные действия наши с Англией обнаружили их замысел завладеть нашими приморскими восточными местами и островами, а также, прорвавшись чрез приморское устье р. Сунгари-Ула, совершенно проникнуть в Амур. Для достижения сего своего намерения они (англичане. — Е. Б.) в лете минувшего года, приехав на 6-ти военных кораблях, уже нападали на нашу Камчатку, но были отражены и прогнаны». Теперь же Муравьеву было приказано, «взяв достаточное количество войска, больших и малых пушек и прочих припасов, тотчас по вскрытии рек отправиться к морю и истребить коварных и своекорыстных англичан» [23, кн. 2, с. 123—124].

Столь же подробно Муравьев изложил суть дела градоначальнику Айгуня, с которым расстался самым дружеским образом [23, кн. 2, с. 131]. В записке правительству Александра II Муравьев подчеркивал: «Дружественность отношений к нам китайцев более и более подтверждается теперь теми пособиями, которые местное начальство на Амуре оказывало отрядам наших флотилий, в особенности при починке судов во

время следования их мимо Амурского города (Айгуня. — Е. Б.)» [23, кн. 2, с. 131].

Несмотря на то что вражеским кораблям не удалось разгромить русский флот, укрывшийся близ Николаевска, английские и французские корабли в течение 1855 г. совершили нападения в заливе Де-Кастри (в октябре) и на Аян (в июне и июле). Однако наличие на побережье русских войск, полное незнание врагом местности и численности обороняющихся, а также своевременные меры предосторожности со стороны русских поселенцев свели эти акции к нулю.

Переговоры о русско-китайском разграничении на Дальнем Востоке в 1855—1858 гг.

В июне 1855 г. Александр II поручил генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву вступить в переговоры с цинскими представителями с целью заключения нового договора о русско-китайском территориальном размежевании на Дальнем Востоке [23, кн. 1, с. 424—425].

8 сентября 1855 г. в Мариинский пост, где в то время находился Муравьев, прибыли цинские уполномоченные. На первом заседании 9 сентября 1855 г. Н. Н. Муравьев счел необходимым подробно изложить причины, побудившие правительство России вступить в переговоры о новом русско-китайском разграничении. Коснувшись раннего этапа русско-китайских отношений, Муравьев напомнил, что «в самых договорах наших, начавшихся с 1689 г., восточные и приморские страны остались нейтральными по той же причине (отсутствия угрозы со стороны других держав. — Е. Б.), запрещалось только заселять эти нейтральные места, а Россия, желая сохранить дружеские отношения свои с Китаем, сняла даже посты, находившиеся в то время

по левому и правому берегам реки Сахалин-Ула, и хотя плавание по этой реке не воспрещалось русским судам, но, не желая возбуждать опасения китайского правительства, Россия, не имея тогда надобности, им не пользовалась. Но в течение 200 лет обстоятельства политические совершенно изменились». Указав на агрессивную политику западных держав на Дальнем Востоке, одинаково хорошо известную и Китаю, и России, Муравьев сообщил о плавании русских судов по Амуру, благодаря чему удалось отразить нападение англо-французской эскадры. Отражение англо-французской агрессии, заявил Муравьев, ясно показывает, «как необходима защита нами Амура, и должно убедить вас и в том, что без принятых Россией мер паровые суда неприятельские безнаказанно поднимались бы уже вверх по реке и проникнули бы до внутренних областей ваших и наших» [23, кн. 2, с. 136—137].

Поскольку же меры, принятые Россией для защиты от иностранцев (образование деревень на берегах Амура, строительство военных постов и укреплений на Тихоокеанском побережье), не могут иметь временный характер, то «все места, для этой цели занятые нами там, и весь приморский край должны окончательно остаться во владении России». Муравьев особо подчеркнул, что «Россия сохранила дружескую связь с Дайцзинским государством и, искренно желая продолжения с ним мира, заботится только об обеспечении своих границ от иностранцев и, желая разграничения с Китаем, исполняет долг государства, для которого определенность границы есть дело высокой важности» [23, кн. 2, с. 137].

Цинские уполномоченные попросили дать им письменное изложение заявления Муравьева для передачи в Пекин [23, кн. 1, с. 428].

С открытием навигации по Амуру в 1856 г. был осуществлен третий сплав русских судов, общее число

которых достигало 110. Сплав проходил под руководством подполковника Н. В. Буссе. Во время этого сплава были выставлены три русских поста на берегах Амура: Кумарский (против устья р. Кумары), Зейский (вблизи устья р. Зея) и Хинганский (при входе Амура в ущелье Малого Хингана) [23, кн. 1, с. 452].

30 марта 1856 г. подписанием Парижского мира закончилась Крымская война. России были навязаны уничижительные условия о нейтрализации Черного моря, запрещении держать там военный флот и строить крепости [158, т. 1, с. 669]. Несомненно, что потери России могли бы быть гораздо более значительными, если бы англо-французской эскадре удалось захватить русский Дальний Восток. Но своевременные и дальновидные действия русских патриотов, настоявших, несмотря на колебания и нерешительность царского правительства, на занятии и укреплении Нижнего Амура и частично Приморья, героизм и самоотверженность русских воинов предотвратили опасность, угрожавшую Дальнему Востоку.

В конце мая 1856 г. русским защитникам Приамурья стало известно о заключении мира с западноевропейскими державами и Турцией [23, кн. 1, с. 460]. Военная угроза Приамурью и Приморью миновала. Однако возникла и постепенно стала усиливаться опасность экономического проникновения западных держав в Приамурье и Сибирь, что не сразу было осознано даже передовыми русскими деятелями.

Особенно активно в этом плане действовали США: американские промысловые суда хищнически и совершенно безнаказанно грабили природные богатства русского Дальнего Востока, спаивали и обирали коренное население и т. д. В период Крымской войны торгово-промышленные круги США стали предпринимать попытки экономического проникновения в Сибирь, рассчитывая использовать Амур как наиболее выгодный

путь для своей экспансии. Русское правительство, считая Англию более опасным противником России на Дальнем Востоке, рассчитывало использовать США в качестве своеобразного противовеса английскому влиянию.

16 августа 1856 г. Н. Н. Муравьев сообщил товарищу министра иностранных дел И. М. Толстому, что, по его мнению, следует всячески поощрять развитие американской торговли на Дальнем Востоке и в Сибири; для этого он предлагал объявить в Вашингтоне через русского поверенного в делах следующее:

«1) что в бухту Де-Кастри, устья Амура и на остров Сахалин американцы могут привозить все товары без исключения без всякой таможенной пошлины, без всякого таможенного осмотра и без получения торговых свидетельств;

2) что все товары могут быть оттуда отправляемы на русских судах или на судах под русским флагом вверх по Амуру также беспошлинно и без всякого таможенного осмотра внутрь Сибири, откуда также разрешается вывоз всех товаров без всякой таможенной пошлины и осмотра;

3) что американцам дозволится учреждать свои торговые конторы во всех занимаемых нами местах на устье Амура и на острове Сахалине, на землях, правительству принадлежащих, приобретая права на временное оными владение на общих основаниях, для оброчных статей установленных, и взаимно просить американское правительство допустить во все американские порты беспошлинный и без таможенного осмотра ввоз всех товаров, которые будут туда приходить из русских портов в Охотском море и на Тихом океане» [23, кн. 2, с. 147].

Русское правительство согласилось с мнением Муравьева и предоставило иностранцам право беспошлинного ввоза товаров на русский Дальний Восток

[198, с. 168—169]. Американский бизнесмен и путешественник П. М. Коллинз, назначенный в марте 1856 г. торговым агентом США на Амуре, в 1857 г. основал возле Николаевска-на-Амуре свою контору; вскоре там же были открыты филиалы американских фирм «Бордман и Кашинг», «Карлтон и К°», «Людорф Отто Эше» и др. [198, с. 169]. Однако американским купцам не разрешалось торговать в Восточной Сибири, как им этого хотелось: их деятельность была ограничена низовьями Амура [198, с. 169]. Это нарушало планы американцев, рассчитывавших не только утвердить свое влияние в Восточной Сибири, но и поставить под свой контроль русско-китайскую торговлю через Кяхту. В 1857 г. Коллинз составил проект строительства железной дороги, которая связала бы Амур с Восточной Сибирью, в частности с Кяхтой и Иркутском, и представил проект Муравьеву, воспринявшему его вполне благожелательно. Но в Петербурге к проекту отнеслись иначе.

Участник освоения Амура русскими людьми М. И. Венюков следующим образом описал реакцию царского правительства на проект Коллинза: «Нужно заметить, что уже со второго года нашего появления на Амуре появились там и американцы, которые смотрят на Тихий океан как на Средиземное море будущего, а на впадающие в него реки — как на законные пути их торговли. Они составили проект соединить железною дорогою Амур с Байкалом и таким образом экономически притянуть всю богатую Восточную Сибирь к Тихому океану. Мысль великая и которая рано или поздно осуществится, но янки мерили вещи слишком американским аршином, полагая, что Амур — эта «азиатская Миссисипи», так же быстро созреет в экономическом отношении, как и большая американская река с ее долиной. В Петербурге, конечно, знали, что у нас дела так скоро не делаются и даже не должны делаться,

чтобы колесница цивилизации не пошла слишком быстро вперед и не создала на Амуре новой Калифорнии; а потому приготовили янкам отказ. Поводами к нему были выставлены разные элементарные данные из географии, например, что Восточная Сибирь слабо населена, что в Забайкалье есть Яблоновый хребет, через который дорога должна переходить, и т. п. Кроме того, прибавлялось, что американцы могут надуть нас: распродать свои акции в России и с вырученными деньгами уехать домой, оставив нас ни при чем. Я уже не помню других доводов, но они были все в том же роде, так что если бы внимать подобным, то никогда не были сооружены ни Суэцкий канал, ни Тихоокеанская железная дорога. Зато заносу здесь, как исторический факт, следующий любопытный отзыв управляющего делами Сибирского комитета статс-секретаря Буткова, данный им Беклемишеву при вручении конверта: «Все это, что написал Чевкин, — вздор, а сущность в том, что нам нельзя пустить американцев на Амур и в Забайкалье. Они разовьют там республиканский дух, и Сибирь отвалится» [25, с. 49—50].

Окончание Крымской войны позволило западноевропейским державам усилить свой натиск на Китай. Английские и французские капиталисты желали вырвать у Китая новые привилегии — добиться открытия для иностранной торговли новых портов, узаконить ввоз опиума в страну, получить право постоянного дипломатического представительства в Пекине. Спровоцировав конфликт на юге Китая, британские колонизаторы в октябре 1856 г. начали вторую «опиумную» войну против Цинской империи. Вскоре в военных действиях на стороне Англии стали участвовать и французские вооруженные силы.

Россия, как и прежде, не желала участвовать в агрессивных действиях западных держав против Китая. Традиционно дружественные отношения двух государств

не были поколеблены и в период второй «опиумной» войны. К. Маркс, характеризуя русско-китайские отношения, отмечал в 1857 г.: «У России совершенно особые отношения с Китайской империей. В то время как англичане и мы сами лишены привилегии непосредственной связи даже с наместником Кантона... русские пользуются преимуществом держать посольство в Пекине (Российскую духовную миссию. — Е. Б.)... Поскольку русские не вели морской торговли с Китаем, они никогда не были заинтересованы в спорах по этому вопросу, никогда не вмешивались в них в прошлом и не вмешиваются теперь; на руссоких не распространяется поэтому та антипатия, с какой китайцы с незапамятных времен относились ко всем иностранцам, вторгавшимся в их страну с моря...» [3, с. 157—158].

Однако русское правительство не могло относиться безразлично к попыткам западных держав поработить Китай и превратить его в свое послушное орудие. Западные державы, прикрываясь фразами о «защите» Китая от России, не только стремились толкнуть китайское правительство на путь вражды с Россией, но и строили планы «защитить» Амур от русских. Британский дипломат Мидоуз, например, призывал правительства западных держав немедленно начать навигацию по Амуру, не обращая внимания на то, «будет ли на это предоставлено право или нет» [180, с. 68].

В этих условиях правительство России не могло более ожидать решения Цинов о проведении переговоров по пограничным вопросам, поскольку существовала опасность, что цинское правительство утратит самостоятельность во внешней политике. С целью ускорить пограничное размежевание из Петербурга была направлена в Китай миссия, возглавленная Е. В. Путятиным.

В апреле 1857 г. Е. В. Путятин прибыл в Кяхту, откуда направил в Пекин извещение о своем прибытии; но так как цинские власти отказались пропустить мис-

сию в Пекин через Кяхту, Путятин был вынужден проплыть по Амуру к его устью [23, кн. 1, с. 68]. Отсюда он на пароходе «Америка» отправился в Чжилийский (Печилийский) залив (ныне залив Бохайвань) и вступил в контакт с администрацией г. Тяньцзиня. Но ему было объявлено, что Тяньцзинь — «не место для переговоров между подданными обеих империй», и предложено переговоры о границе провести в пограничных районах [23, кн. 1, с. 68].

Русское правительство пошло навстречу пожеланиям цинского правительства: оно дало согласие провести переговоры в Айгуне. В декабре 1857 г. в Пекин было сообщено, что полномочным представителем России на предстоящих переговорах о границе назначен генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев [23, кн. 1, с. 504].

11 мая 1858 г. в г. Айгуне начались русско-китайские переговоры. Русскую сторону представляли: генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, пристав Российской духовной миссии в Пекине П. Н. Перовский, подполковник Генерального штаба К. Ф. Будогосский, секретарь Е. К. Бютцов, переводчик Я. П. Шишмарев и др. В состав цинской делегации входили: хэйлунцзянский цзянцзюнь И Шань, помощник дивизионного командира Айжиндай, айгунский амбань (градоначальник) Чжираминга и др.

На первом заседании Н. Н. Муравьев изложил вкратце историю русско-китайского территориального размежевания на Дальнем Востоке и подчеркнул, что в настоящее время оба государства в одинаковой степени нуждаются в решении погранично-территориального вопроса, поскольку западные державы продолжают политику агрессии на Дальнем Востоке. Муравьев отметил, что «в настоящее время Китайскому правительству тем более должно бы кончить это дело, что Китай в войне с англичанами, которые могут обнару-

жить желание завладеть устьем Амура и местами, от него к югу вдоль морского берега лежащими; что мы можем им в том воспрепятствовать только в том случае, если — на основании заключенного договора — можем показать означенные места нам принадлежащими» [23, кн. 1, с. 509].

По окончании заседания цинской делегации был передан русский проект договора:

«1. Границе между обоими государствами быть по р. Амуру так, чтобы левый берег до устья принадлежал Российскому, а правый до реки Уссури — Китайскому государству, затем по реке Уссури до ее истоков, а от оных до полуострова Кореи.

2. Плавание по рекам, составляющим границу, дозволяется только судам двух государств.

3. По сим рекам — свободная торговля.

4. Китайским подданным, находящимся на левом берегу, переселиться на правый в течение трех лет.

5. Пересмотр (через нарочно посланных для сего с обеих сторон лиц) прежних трактатов для постановления новых правил по всем предметам, касающимся до пользы и славы обоих государств, и

6. Настоящий договор считать дополнением прежних трактатов» [23, кн. 1, с. 50].

Во время последующих заседаний цинские представители пытались приводить доводы, якобы свидетельствовавшие о принадлежности цинскому Китаю Приамурья и Приморья: они заявили, что указанные районы будто бы охраняются цинскими караулами, что с коренного населения там собирается ясак, что Уссурийский край якобы составляет родину правящей в Китае династии [50, с. 373]. Муравьев, опираясь на тексты прежних русско-китайских договоров и результаты исследований, убедительно показал, что ни по Амуру вниз от Хингана (а по левому берегу — от Усть-Стрелки до моря), ни в Приморье не было, да и не могло быть

цинских караулов, поскольку эти места остались неразграниченными; взимать же ясак с жителей неразграниченных районов Цины могли только незаконным образом. «Родина царствующей в Китае династии, — отметил Муравьев, — находится не в Уссурийском бассейне, а в бассейне реки Нингуты, впадающей в реку Сунгари, близ города Нингуты — местности, на которую мы не претендуем, и, наконец, если в Приуссурийском крае и находятся китайцы, то это беглые преступники, скрывшиеся сюда, как бы в другое государство, для избежания наказания, определенного им по китайским законам» [50, с. 374].

Цинские представители ничего не могли возразить на это; однако, опасаясь, очевидно, обвинений в излишней уступчивости иностранцам, решили оставить дело русско-китайского разграничения незавершенным: они согласились считать левобережье Амура до устья владением России, но категорически отказывались передать России Уссурийский край. Муравьев, не желая срыва переговоров, вынужден был пойти на компромисс: Уссурийский край признан находящимся в общем владении двух государств, т. е. приобрел статус кондоминиума.

16 мая 1858 г. состоялось подписание Айгунского договора между Россией и Китаем. В преамбуле договора говорилось, что он заключен «по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев».

Статья 1 договора гласила: «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению, до р. Усури, владением Дайцинского государства; от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государ-

ствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По рекам Амуру, Сунгари и Усури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно. Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали» [68, с. 29].

Статья 2 постановляла: «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств» [68, с. 30].

Таким образом, русско-китайское разграничение на Дальнем Востоке в 1858 г. не было завершено: разграничению подверглась лишь часть земель, оставшихся неразграниченными по Нерчинскому договору 1689 г. Территория, оставшаяся неразграниченной по Айгунскому договору 1858 г. (к югу от Нижнего Амура), получила более определенный, чем прежде, статус, указывавший на права России в данном районе.

После заключения Айгунского договора 1858 г. освоение русскими людьми Приамурья продолжалось в неослабевающем темпе. Если в 1857 г. на Амуре возникло 15 казачьих станиц (Игнашина, Сгибнева, Албазинская, Бейтоновская, Толбузина, Ольгинская, Кузнецова, Аносова, Кумарская, Казакевичева, Бибикина, Усть-Зейская (позднее г. Благовещенск), Иннокентьевская, Касаткина, Пашкова) [25, с. 63—64], то летом 1858 г. на Амуре и Усури появилось 35 селений (6 выше Благовещенска, 4 — на Усури и 25 — между Благовещенском и Хабаровкой) [25, с. 79].

Завершение русско-китайского разграничения на Дальнем Востоке (1858—1860)

В конце 1857 г. англо-французские интервенты в Китае захватили и разгромили Кантон, а весной следующего года английская и французская военные эскадры двинулись вдоль китайского побережья на север [180, с. 71].

В этой тревожной для Китая обстановке Россия решила оказать помощь китайскому народу в его борьбе с иностранными порабощателями. Не видя возможности участвовать в военных действиях на стороне Китая после неудачной Крымской войны, царское правительство решило предложить Китаю современное оружие и инструкторов для реорганизации цинской армии.

16 апреля 1858 г. представитель России в Китае Е. В. Путятин писал цинскому двору: «Китайское правительство должно видеть из теперешних неприязненных действий с европейцами, что войско его с употребляемым ныне оружием не в состоянии противиться военным силам западных держав и что ему необходимо изменить все свое военное устройство, если не хочет, чтобы Китай подпал совершенному влиянию иностранцев. Россия готова для этого помочь Китаю приобрести разные нужные ему военные материалы, и если бы Пекинский кабинет понял важность этого предложения, то наше правительство могло бы оказать ему большую услугу, прислав нескольких хорошо знающих военное искусство офицеров, которые бы научили китайцев всем новым усовершенствованиям в военном деле и тем предохранили бы Китай от непрерывных новых на него нападений иностранных народов» [251, с. 123].

Цинское правительство, считая в тот момент сопротивление иностранным агрессорам невозможным, начало переговоры с представителями Англии и Франции

в Тяньцзинь. Своеобразным выражением признательности Цинов по отношению к России явился тот факт, что именно с Россией был заключен первый из серии Тяньцзиньских договоров.

Тяньцзиньский договор между Россией и Китаем был заключен 1 июня 1858 г. Согласно договору, Россия получила все права, которые имели в Китае другие западные государства [68, с. 34]. Хотя российская буржуазия ввиду своей слабости не могла воспользоваться этими льготами, Тяньцзиньский договор был необходим для нормального развития русско-китайских отношений: получив права наиболее благоприятствуемой нации, Россия могла активно противодействовать антирусской политике, проводимой западными державами в Китае.

В Тяньцзиньском договоре имелась статья, подчеркивавшая равноправный характер отношений между двумя империями: с этого времени дипломатическая переписка должна была вестись не между Российским Сенатом и Лифаньюанем, а между российским министром иностранных дел и главным членом цинского Военного совета на основе полного равенства [68, с. 31].

Статья 9 Тяньцзиньского договора гласила: «Неопределенные части границ между Китаем и Россиею будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах» [68, с. 33].

Поскольку Е. В. Путятин, подписывая Тяньцзиньский договор, еще не знал о подписании Айгунского договора, то указанная статья могла относиться только к неразграниченной территории в Уссурийском крае,

тем более что Айгунский договор 2 июня 1858 г. был ратифицирован цинским императором [180, с. 96—97].

В конце июня 1858 г. были подписаны Тяньцзиньские договоры Китая с западными державами (США, Англией, Францией). Эти договоры в отличие от русско-китайского договора имели безусловно неравноправный характер: иностранные купцы получили право свободного передвижения по всему Китаю; было увеличено число «открытых» портов; таможенные пошлины на важнейшие товары устанавливались в сумме 5% стоимости, что серьезно снижало доходы цинской казны; был узаконен ввоз опиума под видом иностранного «лекарства» [180, с. 74].

Понимая, что притязания западных держав к Китаю не ограничиваются условиями Тяньцзиньских договоров, цинское правительство решило принять предложение Путятина о военной помощи. План реорганизации цинской армии, предложенный Путятиным цинскому двору, предусматривал создание под руководством русских инструкторов образцового отряда, вооруженного современным оружием, на базе которого в дальнейшем был бы сформирован десятитысячный корпус [251, с. 123].

8 июня 1858 г. цинское правительство согласилось принять от России оружие (ружья и пушки), а 1 июля — военных инструкторов [251, с. 123]. Вследствие донесения Путятина об этом решении Пекина русское правительство на заседании Особого комитета от 3 октября 1858 г. постановило отправить в Китай 10 тыс. нарезных ружей, 50 орудий и 5 офицеров-инструкторов [251, с. 124].

В июне 1858 г. в Уссурийский край отправилась топографическая экспедиция, возглавляемая капитаном Генерального штаба М. И. Венюковым; ее целью было составление географической карты края для подготовки к будущему размежеванию. М. И. Венюков проплыл

по р. Уссури до ее верховьев, вышел к морю и исследовал часть побережья [25, с. 102—136].

21 октября 1858 г. Н. Н. Муравьев сообщил приставу Российской духовной миссии в Пекине Н. П. Перовскому, которому был поручен обмен ратификационными грамотами, о необходимости, основываясь на ст. 9 Тяньцзиньского договора, «предложить китайскому правительству назначить, не теряя времени, комиссию для исследования пространства от р. Уссури до морских портов» и передать ему, что мы, со своей стороны, отправим «в те места для той же цели экспедицию». Муравьев подчеркивал, что «проведение пограничной черты должно быть окончено сколь возможно поспешнее, в видах взаимных польз Китая и наших, дабы имеющие прибыть в Пекин для обмена ратификаций иностранные посланники не воспрепятствовали этому делу, что в особенности вредно было бы для Китая; ибо англичане или французы, вероятно, пожелают занять какой-нибудь залив между корейскими и нашими владениями; думать же это весьма возможно, так как сии места были уже осмотрены теми и другими» [23, кн. 2, с. 205—206].

Муравьев сообщал, что в конце марта 1859 г., когда по р. Уссури открывается навигация, «комиссары наши немедленно поднимутся по этой реке и придут к озеру Хинькай около половины апреля. Поэтому желательно было бы, чтобы китайская комиссия прибыла к устью реки Уджальху, впадающей в это озеро с юго-западной стороны, в то же время и ожидала в этом месте наших комиссаров» [23, кн. 2, с. 206].

«Я полагаю, — продолжал Муравьев, — что обе комиссии, проведя пограничную от Уссури до приморского пункта на границе Кореи черту, должны сесть там на одно из военных винтовых наших судов около начала июня месяца и отправиться в Печилийский залив; и во время плавания этого, которое может продол-

жаться до пятнадцати дней, окончательно составить карты и доставить таковые к вашему превосходительству в Пекин для подлежащего утверждения оных китайским правительством и вашим превосходительством» [23, кн. 2, с. 206].

В том же письме Муравьев сообщал Перовскому, что ему будет послана карта Уссурийского края, составленная М. И. Венюковым [23, кн. 2, с. 209]. Интересно отметить, что Венюков не обнаружил во время своего путешествия оседлого китайского населения в Уссурийском крае: он отметил там лишь китайцев, скрывавшихся от преследований цинских властей. «Переселенцы эти из Срединного царства, — писал Венюков, — одолжены своим пребыванием на Уссури или бегству от преследований законов, или стремлением нажитья на счет туземцев и через отыскивание женьшеня» [25, с. 135].

10 ноября 1858 г. Муравьев сообщил министру иностранных дел А. М. Горчакову, что им получена депеша от айгунского амбана, в которой сообщается, что цинские чиновники будут высланы к устью р. Уссури и к устью р. Суйфун (современное русское название — Раздольная. — Ред.); из Иркутска же в начале января 1859 г. отправится экспедиция, возглавляемая подполковником Генерального штаба К. Ф. Будогосским [23, кн. 2, с. 214—215].

11 января 1859 г. цинское правительство направило в Россию письмо, в котором подтвердило свою просьбу о присылке оружия, однако от приема русских инструкторов отказалось, мотивируя это тем, что береговые укрепления в Китае уже восстановлены [251, с. 125].

12 января 1859 г. произошел размен ратификационными грамотами русско-китайского Тяньцзиньского трактата [23, кн. 1, с. 552]. Цинские представители выразили благодарность в адрес России за предоставленные оружие, однако заявили, что примут его через два

три года, когда окончат дела с Англией [251, с. 126]. Когда же Перовский, согласно ст. 9 Тяньцзиньского трактата, предложил цинским представителям обсудить вопрос о границе в Уссурийском крае, то ему было сказано, что «дело уссурийской границы относится до гиринского генерал-губернатора» [23, кн. 2, с. 262].

11 апреля 1859 г. экспедиция Будогосского, не дождавшись цинских уполномоченных в устье р. Уссури, была вынуждена отправиться вверх по реке; 12 мая экспедиция двинулась сухим путем от верховьев Уссури и 16 июня прибыла к устью р. Тюмень-Ула (русское название — Туманная), впадающей в море, но и там не обнаружила цинских представителей [23, кн. 2, с. 262]. 19 июня туда прибыл на пароходе «Америка» Н. Н. Муравьев, побывавший перед тем в Японии с дипломатическим поручением. Приняв на борт парохода членов экспедиции, Муравьев 2 июля 1859 г. прибыл в Чилийский залив. Здесь он узнал о новом столкновении цинских войск с английскими и французскими колонизаторами, пытавшимися прорваться в Пекин «для ратификации» Тяньцзиньских договоров. Английские и французские эскадры получили серьезный отпор. После этого они вынуждены были отойти и приступить к подготовке нового похода [180, с. 75—76].

Муравьев направил к русскому посланнику в Китае Н. П. Игнатьеву (сменившему Перовского) подполковника Будогосского с картами Уссурийского края и письмом, в котором сообщил, что на территории Уссурийского края «нет коренного населения Китайского государства, но есть только беглые и кочующие жители бессемейные, чем и доказывается, что китайское правительство места эти признавало вне своих владений. Ближайшее населенное место собственно китайскими подданными к предполагаемой границе находится только на р. Хунь-Чунь, при впадении ее в Тюмень-Ула в городе того же названия, отстоящем от впадения этой

реки в море на 45 верст, где и находится китайский чиновник» [23, кн. 2, с. 268—269].

Отсюда Н. Н. Муравьев делал логичный вывод, что предполагаемая граница «соответствует всем прежним по этому предмету переговорам и договорам, не нарушая нисколько прав владения Китайской империи; а в отношении главной цели настоящих трактаций о границе, т. е. для охранения оной от иностранцев, признание за нами всего приморского берега до р. Тюмень-Ула, за которою уже находятся Корейские владения, совершенно необходимо для обоюдных польз обоих государств; ибо не подлежит никакому сомнению, что при первом новом разрыве между Китаем и Англиею сия последняя непременно безвозвратно займет бухту Посьета, если место это не будет положительно принадлежать нам, и оттуда будет иметь прямое влияние на Манджурию чрез г. Хунь-Чунь, где идет удобная дорога в главные манджурские города — Нингута, Гиринь и внутрь Манджурии, а также на Уссури, а следовательно, на самый Амур» [23, кн. 2, с. 269—270].

Но момент для переговоров о границе был неудачным: после победы над англо-французской эскадрой при Дагу контроль над внешней политикой Цинского государства перешел в руки сторонников борьбы с «варварами».

Разумеется, чуждая китайскому народу маньчжурская династия Цин вовсе не собиралась, да и не могла возглавить всенародный отпор агрессорам; однако она намеревалась использовать ненависть китайцев к чужеземным захватчикам для того, чтобы приобрести популярность в качестве «защитницы» Китая. Переоценивая свои силы, цинские правители попытались вернуться к прежним формам отношений с окружающим миром (самоизоляции, великодержавным замашкам и т. п.).

Нежелание принять военную помощь со стороны России было лишь первым шагом на этом пути; другим

недружественным актом было уклонение цинского двора от посылки комиссии по разграничению в Уссурийский край. Русскому посланнику Н. П. Игнатьеву, прибывшему в Пекин через два дня после победы китайских войск над интервентами при Дагу, было объявлено, что ратификация императором Айгунского договора была «ошибкой», которую последний допустил лишь потому, что, «любя все живое, не хотел, чтобы простой народ Русского государства терпел лишения и стеснения, и дал пустые земли по левому берегу р. Амура и земли, где находится Котуньтунь (Мариинск) и Ци-ци (Кизи), для житья бесприютному народу» [257, с. 310].

Переговоры Н. П. Игнатьева с цинскими чиновниками продолжались до мая 1860 г. Цинская сторона заявила, что действия хэйлуцзянского цзянцзюня И Шаня, подписавшего Айгунский договор, были не только «глупыми», но и самовольными, поскольку земли, переданные им России, находились не в его ведении, а в ведении цзянцзюня провинции Гирич; правда, Цины согласны были признать за Россией право владения левобережьем Амура и портами морского берега, но не желали вести переговоры об определении границ в Уссурийском крае [180, с. 100].

На это Игнатьев ответил, что правый берег р. Усури уже занят русскими военными поселениями, что пытаться ревизовать Айгунский тракт — означает действовать на руку англичанам, желающим рассорить Россию и Китай [180, с. 100].

Игнатьеву, Муравьеву и другим русским государственным деятелям было совершенно ясно, что «обладание Амуром не имело бы для России существенного значения, если бы прилегающее к Амурской стране юго-восточное побережье Японского моря осталось в чужих руках. Русский флот на Восточном океане был бы большую часть года замкнут в Николаевске льдами, и

чужестранное обладание рекою Уссури и смежными с верховьями ее гаванями Японского моря поколебало бы прочность владений наших на Амуре; для укрепления же за Россиею р. Уссури и Уссурийского края необходимо было следовать той же системе действий на Уссури, как действовали при занятии Амура, т. е. поддерживать дипломатические требования наши фактическим занятием страны» [23, кн. 1, с. 544].

Усиление напряженности на Дальнем Востоке, вызванное подготовкой Англии и Франции к новому нападению на Китай, создавало реальную угрозу русскому Тихоокеанскому побережью; недалёковидность и великодержавное высокомерие цинского правительства, заведшего русско-китайские переговоры в тупик, еще более осложняли ситуацию. В записке, представленной царскому правительству от 23 ноября 1859 г., Н. Н. Муравьев с глубокой тревогой предсказывал: «Если под влиянием страха взятия Пекина Богдыхан заключит такой трактат с англо-французами, по которому предоставит им защиту северных границ своей империи и предастся совершенно их покровительству против России, а для этого предоставит им занимать бухты и гавани в Корее и Манджурии и везде иметь своих резидентов, — то положение наше делается крайне затруднительным, и хотя останется за нами владение Амуром и правым берегом Уссури, но морские наши силы здесь будут совершенно парализованы соседством английской станции (военно-морской базы. — Е. Б.), а 200-миллионная Китайская империя до самых границ наших будет образовывать и вооружать свои войска под надзором и руководством англо-французов» [23, кн. 2, с. 284].

В ноябре 1859 г. Н. Н. Муравьев, получив соответствующие указания из центра [23, кн. 1, с. 569], отдал военному губернатору Приморской области контр-адмиралу П. В. Казакевичу приказ: «Значительные приготовления, делаемые в Англии и Франции к новой вой-

не с Китаем, поставляют и нас в необходимость иметь в готовности все суда вверенной вам флотилии к выступлению в море немедленно по вскрытии льда в лимане». После открытия навигации Казакевичу предписывалось: «1) занять и укрепить два пункта для небольших команд в гаванях Новгородской и Владивостоке, в заливе Петра Великого; 2) занять и укрепить для двух рот место в заливе Анива на острове Сахалине и 3) крейсировать вдоль залива Петра Великого и описать все берега одного до границы Кореи с юга (устья реки Тюмень-Ула) до бухты Ольги к северу со всевозможною точностию» [23, кн. 2, с. 280].

Сообщая об этом приказе Н. П. Игнатьеву, Н. Н. Муравьев писал 13 января 1860 г., что занятие русскими приморского побережья «совершенно будет таким образом нынешнею весною, и все лето эскадра контр-адмирала Казакевича будет крейсировать в заливе Петра Великого, от границ Кореи до гавани Ольги, так что, если бы иностранным военным судам вздумалось рекогносцировать эти воды, они найдут их в нашем фактическом владении» [23, кн. 2, с. 288].

В мае 1860 г. Н. П. Игнатьев, видя бесполезность переговоров, выехал из Пекина, сел на русское судно, находившееся в Чжилийском заливе, и отправился в Шанхай; там русский посланник вступил в контакт с представителями западноевропейских держав и стал пристально наблюдать за дальнейшим развитием событий в Китае.

В июне 1860 г. в Шанхае было сосредоточено 18 211 английских солдат и 7 тыс. французских; ввиду явного перевеса сил Англии в Китае английский дипломатический представитель лорд Элгин пытался отвести французам второстепенную, вспомогательную роль в предстоявших событиях, что вызывало постоянные трения между союзниками. Соединенные Штаты Америки сочли более выгодным занимать нейтральную позицию,

чем участвовать в военных действиях, однако все их симпатии были на стороне интервентов.

В период своего пребывания в Шанхае Н. П. Игнатьев, как и американский посланник Уорд, направил цинским властям сообщение о своем нейтралитете в данном конфликте и выразил желание способствовать примирению сторон [166, с. 137]. Игнатьев считал, что для России было бы невыгодно падение Цинов или подчинение их безраздельному влиянию западных держав; поэтому его предложение создавало почву для посреднической миссии России в будущем.

Цинское правительство, которое уже стало сомневаться в правильности своей позиции и своей способности отразить агрессию, приняло предложение Игнатьева. В то же время оно еще не было в состоянии расстаться с привычной терминологией и, призывая начать переговоры, заявило, что «Китай проявляет великодушие, а не трусливо просит мира» [166, с. 137].

Но союзники не желали переговоров, им хотелось «проучить» китайцев, поставить Китай на колени.

В первой половине августа 1860 г. англо-французские войска захватили укрепления в устье р. Байхэ, а 25 августа заняли Тяньцзинь. Здесь состоялись переговоры между союзниками и цинским уполномоченным Гуй Ляном, но соглашения подписано не было ввиду отсутствия у Гуй Ляна полномочий [166, с. 142]. В сентябре союзные войска начали поход из Тяньцзиня на Пекин. Одержав решительную победу у моста Балицяо близ Пекина, они открыли себе путь в столицу. Продвижение союзных войск от Тяньцзиня к Пекину сопровождалось варварскими грабежами и разрушениями: особенно позорным фактом явилось разграбление и уничтожение памятника китайского искусства — летней императорской резиденции дворца Юаньминъюань [166, с. 149].

При подходе англо-французских войск к Пекину

цинский император бежал в г. Жэхэ, оставив великого князя Гуна для ведения переговоров о мире. Но после разгрома дворцового комплекса Юаньминъюань Гун опасался вступить в переговоры с союзниками, и они, желая восстановить контакты с цинскими представителями, были вынуждены обратиться к услугам Игнатьева [166, с. 150—151]. После того как Игнатьев согласился, он был ознакомлен с английским проектом ультиматума Цинам, который предусматривал ратификацию Тяньцзиньских договоров, уплату 300 тыс. лянов серебром, сооружение памятника погибшим представителям союзников с унижительной для китайского правительства надписью и т. д. Игнатьев приложил все усилия, чтобы отговорить Элгина от внесения требования о памятнике, в чем ему содействовал французский посланник барон Гро, которого Игнатьеву удалось склонить на свою сторону; в результате вопрос о памятнике был снят.

По прибытии Н. П. Игнатьева в Пекин его сразу же посетили цинские сановники Лин Куи и Жуй Чан и просили от имени великого князя Гуна взять на себя миссию посредника. Игнатьев согласился на это, но поставил следующие условия: 1) великий князь Гун обратится к нему с письменной просьбой о посредничестве; 2) цинские представители не будут ничего предпринимать без согласия с ним и не будут ничего скрывать от него; 3) справедливые требования России будут удовлетворены [166, с. 153].

В результате посреднической деятельности Игнатьева английский и французский представители получили 20 октября официальное сообщение Гуна о принятии ультиматума. После этого штурм Пекина был отменен и начались переговоры между союзниками и цинскими уполномоченными. 24 октября 1860 г. состоялось подписание Пекинского договора между Англией и Китаем, а 25 октября — между Францией и Китаем.

26 октября был произведен обмен ратификационными грамотами Тяньцзиньских договоров Китая с Англией и Францией.

По новым неравноправным договорам цинский Китай был обязан уплатить Англии и Франции по 8 млн лянов контрибуции, открыть для иностранной торговли порт Тяньцзинь; Англия получила часть полуострова Цзюлун (Коулун), был легализован вывоз кули за границу [158, т. 1, с. 789]. Пекинские договоры западных держав с Китаем явились новым шагом на пути превращения его в полуколониию.

2 ноября 1860 г. был заключен дополнительный Пекинский договор между Россией и Китаем. Статья 1 договора гласила: «...восточная граница между двумя государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекою Уссури. Земли, лежащие по левому берегу (на север) реки Амура, принадлежат Российскому государству, а земли, лежащие на правом берегу (на юг), до устья реки Уссури, принадлежат Китайскому государству. Далее, от устья реки Уссури до озера Хинкай, граничная линия идет по рекам Уссури и Сунгача. Земли, лежащие по восточному (правому) берегу от сих рек, принадлежат Российскому государству, а по западному (левому) — Китайскому государству. Затем граничная между двумя государствами линия от истока реки Сунгача пересекает озеро Хинкай и идет к реке Бэлэн-хэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекою Хуньчунь и морем, до реки Тумыньцзян. Здесь также земли, лежащие на востоке, принадлежат Российскому государству, а на западе — Китайскому. Граничная линия упирается в реку Тумыньцзян на двадцать китайских верст (ли) выше впадения ее в море» [68, с. 34—35].

В ст. 3 говорилось, что для «обозрения восточной границы» и постановки пограничных знаков будут назначены каждым правительством доверенные лица (комиссары); «съезд комиссаров назначается на устье реки Уссури, в течение апреля месяца будущего года (Сянь-фэнь XI года в третьей луне)» [68, с. 35].

В ст. 2 намечалось общее направление русско-китайской границы на западном ее участке (в Центральной Азии) [68, с. 35]. Прочие статьи касались экономических и дипломатических связей между двумя империями.

После утверждения Пекинского договора 1860 г. Александром II он был 20 декабря опубликован в Пекине, а 24 декабря — в России (цинский император утвердил договор несколько ранее, еще в проекте). Размена ратификаций решено было не производить [235, с. 242].

Согласно ст. 3 Пекинского договора, в 1861 г. российские и цинские представители собрались для совместной демаркации границы в Уссурийском крае. После завершения демаркации представители двух сторон подписали Протокол, оформленный как дополнительная статья к Пекинскому договору [68, с. 41—42]. Стороны составили и утвердили детальную карту, на которой прохождение линии границы показано непрерывной чертой.

* * *

Заключение русско-китайских договоров в середине XIX в. явилось важной вехой в истории русско-китайских отношений. Установление русско-китайской границы на Дальнем Востоке не только разрешило вопрос о Приамурье, существовавший в течение более чем полутора веков, но и создало прочную основу для дальнейшего сближения двух государств.

Решение амурского вопроса дало толчок развитию всей Восточной Сибири, облегчило дело обороны русского Дальнего Востока и в конечном счете укрепило международный престиж Российского государства, значительно пошатнувшийся после Крымской войны.

Установление твердых границ на Дальнем Востоке способствовало устранению того неопределенного положения в Приамурье и Приморье, при котором не только российские владения, но и в первую очередь незащищенные тылы Цинской империи могли стать объектом нападения капиталистических держав Запада. Следовательно, заключение русско-китайских договоров в той же степени соответствовало национальным интересам китайского народа, что и русского.

Важное значение имело и то обстоятельство, что Россия урегулировала пограничные вопросы с цинским Китаем, не прибегая к угрозам военной силой или иным методам давления, широко практиковавшимся западными колонизаторами при заключении неравноправных договоров с Китаем. Непоследовательность политики цинского двора, обусловленная неустойчивостью всего цинского режима, не раз ставила вопрос территориального размежевания между двумя странами под угрозой срыва. Тем не менее принципиальная позиция русского правительства, направленная на укрепление добрососедских отношений между двумя странами, в конечном итоге одержала верх.

Заключение

Рассмотрение вопроса о Приамурье позволяет сделать определенные выводы о месте и роли его в системе русско-китайских отношений.

Хозяйственное развитие Приамурья, столь успешно начатое русскими поселенцами, было резко прервано в конце XVII в. агрессивными действиями соседней державы — цинского Китая. Маньчжурская династия Цин, поработившая Китай, видела в освоении русскими людьми Приамурья угрозу своему домену в Южной Маньчжурии, и поэтому, сосредоточив значительные военные силы, она развернула экспансию против России на Дальнем Востоке. Вследствие перевеса сил цинского Китая в данном районе над Россией русское правительство было вынуждено пойти на подписание в 1689 г. невыгодного Нерчинского договора.

Цинское правительство, вытеснив русских из Приамурья, превратило этот край в буферную территорию между Китаем и Россией. Русско-китайская граница в Приамурье, фактически проходившая лишь по естественным водным преградам — Аргуни и Горбице, — охранялась чрезвычайно слабо: с русской стороны существовали лишь редкие караулы (Цурухайтуйский, Усть-Стрелочный, Горбиченский), цинские же власти осуществляли только периодический осмотр берегов пограничных рек. Граница к востоку от р. Горбицы вследствие неясности географических ориентиров в тексте Нерчинского договора не поддавалась точному опре-

делению, не была демаркирована и не охранялась.

Отсутствие границы в Приамурье восточнее р. Горбицы и почти полное безразличие цинской администрации к положению дел севернее Амура создавали благоприятную обстановку для передвижения российских и цинских охотников по всей территории Приамурья.

Оставление Приамурья Россией по Нерчинскому договору 1689 г. имело очень тяжелые последствия для экономического развития Восточной Сибири и русского Дальнего Востока. Уход из Приамурья, первоначально расценивавшийся русским правительством как потеря большой территории и значительного числа «ясашных людей», нанес стране гораздо больший ущерб. Россия потеряла прежде всего удобный выход в Тихий океан, в результате чего русские дальневосточные владения оказались отрезанными от развитых районов Сибири. Невозможность использования Амура — самой удобной и дешевой дороги к побережью Тихого океана — не только существенно тормозила развитие дальневосточных окраин империи, но и превратилась со временем в серьезное препятствие укреплению обороноспособности страны на Дальнем Востоке.

Исследование позиции России в амурской проблеме позволяет выделить три основных направления русской политики на Дальнем Востоке. Первое направление — попытки правительства России выяснить размеры потерь, понесенных государством вследствие оставления русскими людьми Приамурья; сюда относится сбор сведений российскими дипломатами (И. Идесом, Л. Лангом, С. Л. Владиславичем) и исследователями-геодезистами (И. Свистуновым, В. Шетиловым). Второе — усилия русского правительства компенсировать в какой-то степени ущерб, причиненный государству фактическим закрытием Амура для русского судоходства (попытки проложить дорогу из Забайкалья к Охотскому побережью, поиски гавани для устройства порта). Третье —

непосредственные действия правительства России, направленные на разрешение амурской проблемы (миссия В. Ф. Братищева, посольство Ю. А. Головкина, дипломатическая и практическая деятельность Н. Н. Муравьева). Разумеется, выделение указанных направлений является чисто условным, так как на практике они переплетались, вытекали одно из другого, определяли друг друга.

Позиция русского правительства в период существования амурской проблемы (1689—1860) претерпела ряд изменений.

На начальной стадии существования проблемы Амура правительство России считало, что убытки, причиненные государственной казне заключением договора 1689 г., могут быть возмещены за счет выгод, полученных в результате мирного урегулирования конфликта с цинским Китаем. Решение погранично-территориального вопроса в Приамурье (на чем настаивали Цины) постоянно откладывалось русским правительством из-за слабого знания географии Приамурья и — вследствие этого — боязни потерять нужные для государства земли. Сведения, собранные С. Л. Владиславичем, свидетельствовали о невыгодности для России любого разграничения в Приамурье, кроме как по течению Амура, что еще более усугубило пассивную позицию правительства. Неподготовленность царского правительства к борьбе за изменение ситуации в Приамурье наглядно проявилась в начале 30-х годов XVIII в., когда Россия не использовала благоприятную политическую обстановку, способствовавшую мирному решению амурского вопроса.

Причина пассивной позиции России заключалась в отсутствии острой хозяйственной потребности в Амуре; эта потребность стала возникать только в 40-х годах XVIII в. в связи с великими русскими географическими открытиями на Дальнем Востоке. Интересы казны и

зарождавшейся торгово-промышленной буржуазии требовали хотя бы частичного, компромиссного решения вопроса об Амуре, каким явилось бы установление русского судоходства по Амуру без изменения статуса Приамурья. Но цинское правительство, опасавшееся России как возможного соперника в Центральной Азии и взявшее курс на самоизоляцию страны, не согласилось даже на компромиссный вариант. Последовавшая затем 10-летняя напряженность в отношениях между двумя странами надолго оттянула постановку вопроса об Амуре.

Уменьшение доходов казны в результате конкуренции иностранных промышленников и купцов, необходимость защиты Россией своих дальневосточных владений заставили царское правительство предпринять ряд мер, которые, не касаясь непосредственно проблемы Амура, являлись тем не менее попыткой смягчить остроту этой проблемы. Действия эти не дали нужных результатов, и в начале XIX в. русское правительство, побуждаемое Российско-Американской компанией, решило вновь поставить перед Пекином вопрос об Амуре. Несмотря на предложения отдельных членов правительства добиваться воссоединения Приамурья с Россией, возобладало мнение о необходимости ограничиться частичным решением, т. е. просить об открытии русского судоходства по Амуру. Но русское посольство не было допущено в Пекин, и очередная попытка России решить амурский вопрос дипломатическим путем окончилась неудачей.

К середине XIX в. острота амурской проблемы достигла критического уровня. Международная ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке к этому времени, заставила правительство России отказаться от частичного решения амурского вопроса и перейти к более решительным действиям. В результате дипломатических и практических шагов, предпринятых Россией в середине

XIX в., был заключен ряд русско-китайских договоров, не только разрешивших проблему Амура, но и создавших прочную основу для дальнейшего сближения двух государств. Установление прочных границ на Дальнем Востоке в равной степени отвечало национальным интересам как русского, так и китайского народов, территориальной целостности которых угрожали капиталистические державы Запада.

Итак, позиция русского правительства в отношении проблемы Амура менялась в зависимости от экономического развития страны и международной обстановки; однако неизменными были неудовлетворенность России размежеванием 1689 г. и стремление разрешить возникшую погранично-территориальную проблему дипломатическим путем. Отказ от военных или иных методов давления, миролюбивая и добрососедская политика России возобладали в конце концов над великодержавной позицией цинских правителей, и исторические права нашего народа на Приамурье и Приморье были восстановлены.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Русские документы

№ 1

1689 г., август 27. — Нерчинский договор*

Божиею милостию великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичей и дедичей и наследников и государей и обладателей, их царского величества великие и полномочные послы ближней окольничей и наместник брянской Федор Алексеевич Головин, стольник и наместник елатомской Иван Остафьевич Власов, дьяк Семен Корницкой, будучи на посольских съездах близ Нерчинска великих азиацких стран повелителя, монарха самовластнейшего меж премудрейшими вельможи богдойскими, закона управителя, дел общества народа китайского хранителя и славы, настоящего богдойского и китайского бугдыханова высочества с великими послы Самгута, надворных войск с начальником и внутренния полаты с воеводою, царства советником, да с Тумке-Камом, внутренния ж полаты с воеводою, первого чину князем и ханского знамени с господином и ханским дядею Иламтом, одного ж знамени господином и протчими, постановили и сими договорными статьями утвердили:

1-я

Река, именем Горбица, которая впадает, идучи вниз, в реку Шилку, с левые стороны, близ реки Черной, рубеж между обоими государствамы постановить. Також де от вершины тоя реки Каменными горами, которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам, даже до моря протяженными, обоих

* Оригинал русского текста договора был после подписания передан китайской стороне, а русская сторона получила оригиналы на маньчжурском и китайском языках. В научном обороте русский текст используется с копии, содержащейся в рукописной книге в качестве подлинника статейного списка Ф. Головина.

государств державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полудневные стороны сих гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства.

Також де всем рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем быти под державою царского величества Российского государства. Прочие ж реки, которые лежат в средине меж рекою Удью под Российского государства владением и меж ограниченными горами, которые содержатца близ Амура, владения Хинского государства, и впадают в море и всякия земли посреди суши, меж тою вышепомянутою рекою Удью и меж горами, которые до границы надлежат, не ограничены ныне да пребывают, понеже на оные земли заграничье великие и полномочные послы, не имеющие указу царского величества, отлагают не ограничены до иного благополучного времени, в котором при возвращении с обеих сторон послов царское величество изволит и бугдыханово высочество похочет о том обслатися послы или посланники любительными пересылки, и тогда или чрез грамоты или чрез пословые назначенные неограниченные земли покойными и пристойными случаи успокоити и разграничить могут.

2-я

Також де река, реченная Аргун, которая в реку Амур впадает, границу постановить тако, яко всем землям, которые суть стороны левые, идучи тою рекою до самых вершин, под владением Хинского хана да содержатца, правая сторона: також де все земли да содержатца в стороне царского величества Российского государства и все строение с полудневные стороны той реки Аргуни снести на другую сторону тоя ж реки.

3-я

Город Албазин, которой построен был с стороны царского величества, разорить до основания и тамо пребывающие люди со всеми при них будущими воинскими и иными припасы да изведены будут в сторону царского величества и ни малого убытку или каких малых вещей от них тамо оставлено будет.

4-я

Беглецы, которые до сего мирного постановления как с стороны царского величества, так и с стороны бугдыханова высочества

были, и тем перебещикам быть в обоих сторонах безрозменно, а которые после сего постановленного миру перебегати будут и таких беглецов без всякаго умедления отсылати с обоих сторон без замедления к пограничным воеводам.

5-я

Каким-либо ни есть людем с проезжими грамотами из обоих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обоих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет.

6-я

Прежде будущие какие ни есть ссоры меж порубежными жители до сего постановленного миру были, для каких промыслов обоих государств промышленные люди преходити будут и разбой или убивство учинят, и таких людей поймав присылати в те стороны, из которых они будут, в порубежные города к воеводам, а им за то чинить казнь жестокою; будет же соединясь многлюдством и учинят такое вышеписанное воровство, и таких своевольников, переловя, отсылать к порубежным воеводам, а им за то чинить смертная казнь. А войны и кровопролития с обоих сторон для таких притчин и за самые пограничных людей преступки не всчинать, а о таких ссорах писать, из которые стороны то воровство будет, обоих сторон к государем и розрывать те ссоры любительными посольскими пересылки.

Противу сих постановленных о границе посольскими договоры статей, естли похочет бугдыханово высочество поставить от себя при границах для памяти какие признаки, и подписать на них сии статьи, и то отдаем мы на волю бугдыханова высочества.

Дан при границах царского величества в Даурской земле, лета 7197-го августа 27-го дня.

Таково ж письмо руки Андрея Белобоцкого написано и на латинском языке.

Скрепа по листам секретаря Федора Протопопова.

С подлинною копию читал переводчик Фома Розанов.

О п у б л.: Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. М., 1958. С. 9—11.

1727 г., октября 21. — Кяхтинский трактат

(Извлечение)

По указу императрицы всероссийския и протчая, и протчая, и протчая. Посол Сава Владиславич Ильирийской граф, присланной для обновления и вящяго утверждения мира, которой преж. сего при Нипкове (Нерчинском) между обоими империями заключен был, согласился императора империя, Тайджин называемаго, с вельможи определенными, сиречь с царским советником вельможею Трибунала мандаринского президентом, и внутренняя палаты дел управителем Чабиною, с царским советником вельможею Трибунала внешних провинций управителя президентом и красного знамени вельможею Тегутом, Трибунала военного со вторым президентом Тулешиным, и договорились как следует:

1-я

Сей новый договор нарочно зделан, чтоб между обоими империями мир крепчайший был и вечный и от нынешняго дне каждое государство своими подданными имеет владеть и удерживать и, зело почитая мир, каждой имеет жестоко своих собирать и крепить, чтоб никакого противнаго дела не могли возбудить.

7-я

Что касается до реки Уды и тамошних мест, понеже Российской посол Федор Алексеевич, Китайского империя внутренняя палаты с вельможею Самгуту согласяся вкупе говорили: сей пункт да останется ныне не окончен, а впредь или чрез письма или чрез словес окончится; и так писано в протоколах. Того ради Китайского империя вельможи говорили российскому послу Саве Владиславичю графу Ильирийскому: понеже ты прислан от императрицы с полною мочью окончить все дела, то и о сем пункте имеем трактовать, ибо ваши люди безпрестанно переходят границы в наше место, имянуемое Химкон Тугурик. <...>

Российской посол Сава Владиславич Ильирийской граф ответствовал: сия земля восточная, не токмо мне от императрицы не приказана, но еще я о той земле подлинно известия не имею; да останется еще, как прежде постановлено. А ежели кто из наших преидет чрез границу, унимать и запрещать буду.

На сие китайские вельможи говорили: когда императрица не приказала тебе о восточной стороне трактовать, мы не будем

более принуждать, и между тем так принуждены оставить. Но по твоем возвращении накрепко закажи вашим: ибо ежели какие из ваших прейдут за границу и пойманы будут, без сомнения от нас наказаны быть имеют; и не можете тогда говорить, что мы нарушили мир. А ежели из наших за вашу границу кто перейдет, вы также их накажите.

Того ради, понеже ныне не трактуется о реке Уде ниже о протчих тамошних реках, да останутся по-прежнему, но ваши люди не имеют более завладеть на поселение.

Российской посол Ильирийской граф Сава Владиславич когда возвратится, все сия ясно донес бы императрице и изъяснил, каким образом надлежит туда послать вкупе известных людей о тамошних землях, которые б вкупе могли рассмотреть, и что-нибудь решить, и сие бы изрядно было. А ежели оставится сие малое дело, худо гласиться будет с миром обоих государств. О сем пункте писано к российскому Сенату.

11-я

Инструмент обновления мира между обоими империями с обеих сторон разменен тако.

Посол российской Ильирийской граф Сава Владиславич на русском и латинском языках написанной, за своею рукою и печатью закрепленной вручил Китайского государства вельможам к сохранению. А китайские вельможи, на манжурском, российском и латинском языках написанные, равным образом за своимписанием и укреплением печати, вручили российскому послу Ильирийскому графу Саве Владиславичю к сохранению.

Сего же инструмента экземпляры печати преданы, всем пограничным жителям розданы, чтобы ведомо было о сем деле.

Лета господня 1727-го, месяца октября 21-го дня, а Петра Второго всероссийскаго императора и протчая, и протчая, и протчая, государствования первого году. Розменен на Кяхте, 1 июня 14-го дня 1728 году.

На подлинном при разменении подписано тако:

Граф *Сава Владиславич*.

Секретарь посольства *Иван Глазунов*.

На л. 75 скрепа: Сей трактат закрепил секретарь Иван Глазунов.

О п у б л.: Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. М., 1958. С. 17—22.

**Из донесения коменданта г. Селенгинска
бригадира В. В. Якоби губернатору Сибири
В. А. Мятлеву от 21 февраля 1756 г.**

...Понеже присланными ко мне из Правительствующего Сената ея императорского величества указом от 14 октября 1755 года и от Вашего Высокопревосходительства ордером требовано от меня мнения: возможно ль мунгалцев, по их прошению, когда оные по своему намерению в Россию выходить пожелают, принимать, и о прочем? по чему я в репорте моем к Вашему Высокопревосходительству от 21 февраля мое мнение объявил, что оных мунгал, ныне, для показанных в том репорте обстоятельств, принимать не надлежит; и по причине требования от меня оного мнения и об вышеписанном объявленном мне в ордере Вашего Высокопревосходительства домогательстве от Китайского двора о свободном плавании Амуром-рекою российских судов, в рассуждении должности моей о здешней пограничной предосторожности, и чтоб во оном плавании судов быть мог потребный успех без всякого Российской империи бесславия, восприял я смелость учинить сие представление: хотя, по определению Высокоправительствующего Сената, повелено у китайского двора о том Амуром-рекою судов плавании чинить домогательство и исходатайствовать помянутые послушные указы, но, по известным китайской стороны несклонным поступкам, признается мне, что Китайский двор во всем оном требовании удовольствия всемерно не сделает, и будет от того отговариваться тем, что оные места не только не трактуются, но в трактате положено, чтоб российским людям в те места не переходить и более на поселение не завладеть; и потому того дозволения, яко б в противность трактата, учинить не должно, подобно тому, как посланным в прошлом 1752 году марта от 19 числа, из государственной иностранных дел Коллегии, под именем Правительствующего Сената, в китайский Трибунал листе требовано было, чтоб при реке Аргуне и в других тамо местах вновь караулы учредить, против новоучрежденных с российской стороны караулов же, то в ответном на то из китайского Трибунала листе ж объявлено, что российской посол граф Сава Владиславич их министрам на требование их объявил, что о местах, к востоку лежащих, ему не поручено, и тогда оставлены оные по прежнему утверждению. А когда де ныне российская сторона хочет во оных местах быть караулом, то нельзя сего учинить без того, чтобы вновь между собою о тех местах говорено и утверждено не было; и из сего весьма явно, что та сторона не склонна показывать ко учинению удовольствия по дружеским, сверх трактата, требо-

ваниям, каково было и об означенных караулах; ибо оные сколько надобны были для пользы российской, а почти не меньше и ради китайской стороны, для пресечения происходящих на обе стороны краж. Сверх же того уповаю я, что предписанное о плавании Амуром-рекою судов требование, может быть, китайская сторона по своему особливому сумнительству, имеет принять с немалым сумнением, и потому не оставит, чтоб того ж времени не учинить в тех местах довольной и строгой предосторожности, дабы чрез то оное российских судов по Амуру плавание совсем не допустить. И ежели по вышереченному Высокоправительствующего Сената определению то о плавании судов требование учинено будет ныне, а Китайский двор в том откажет, то тому предприятно и всей той комиссии чрез ту их яко заблаговременную предосторожность может во всем последовать такая крайняя остановка, что оного впредь вскоре и без великих трудностей в действо произвести будет не можно.

О публ.: Сычевский Г. А. Историческая записка о китайской границе. М., 1875. С. 137—139.

№ 4

Рассуждение о посольстве в Китай, сочиненное в 1764 году коллежским советником и профессором Миллером

(Фрагмент)

О судовом ходе по реке Амуру

Что российскому интересу чрезвычайно будет прибыточно, если возвратить утраченное свое владение по реке Амуру, или по крайней мере получить свободное российским судам плавание по оной реке, в том никто сомневаться не может. Потому известно, что сия река, проистекая из российских пределов, устьем впала в океан прямо против Камчатки; что довольно великие суда по ней ходить могут, и что в Нерчинске легко можно заготавливать всякие материалы к кораблестроению и к такелажу, с довольном числом съестных припасов. Дабы настоящую иметь пользу от земли Камчатки, распространять открытия в Северной Америке, населять нежилые острова, присвоить себе бобровый и других зверей промысл в оных странах, торги производить с Япониею, с Восточною Индиею и самими китайцами удобнее прежнего, — то сие чрез заведение кораблеплавания по реке Амуру учиниться должно. В вышепомянутом

моем сочинении о странах при реке Амуре, учинил я предложение, на котором утверждаясь, господин тайный советник Федор Иванович Соймонов в 1753 году донес о том Правительствующему Сенату получил указ к произведению оного в действо; для того находился он несколько лет в Нерчинске. Что тогда делалось и какие были препятствия в произведении сего важного намерения, о том показывают его рапорты в Правительствующем Сенате.

Мнится, что толь полезное и нужное дело заслуживает великого внимания. Всячески стараться должно, чтоб получить при Китайском дворе на то позволение, с представлением пользы, которая и самому Китайскому государству от того происходить имеет. Польза для китайцев состоит в распространении удобнейших с Россиею торгов. Корабли могут приставать поблизости Пекина. Можно ходить и вверх по большой реке Шингалу, в Амур-реку впадающей, так что китайцы все российские и другие европейские товары гораздо ближе и способнее, нежели чрез Кяхту, получать будут. Уверять их должно, что особливо в сем намерении желают учредить кораблеплавание по реке Амуре; а притом не утаить и то, что наипаче то требуется для Камчатки, куда морем идти по реке Амуре ближе и способнее; и тогда китайцы получать будут камчатские товары, бобры морские, лисицы красные и черные, и самые соболы гораздо прежнего дешевле.

Но, может быть, китайцы, по обыкновенному своему недоверию опасаться будут, что россияне, вшедши в старые их земли, совсем оными не овладели. Напротив того представлять им можно, что малое число судов, кои посылаться будут, а именно, во всякое лето токмо два судна вдруг (неотменно должно быть двум судам вместе, дабы в нужном случае одно другому помогать могло) и малое число людей, потребных для управления европейского корабля, не могут им чинить никакой опасности. Сверх того можно сделать о том формальный трактат, по нарушении которого имели бы китайцы право запретить дозволенный пропуск. Можно показать китайцам ландкарту России и пространством сего государства их уверить, что ее императорское величество не имеет никакой причины помышлять о завоеваниях; но паче есть всемиловнейшее ее намерение, чрез сию дорогу и удобнейшее торгов отправление истинному благополучию обоих народов спешествовать.

Если же, несмотря на сии представления, китайцы пребудут в своем упрямстве и посланнику откажут неучтивым образом, — потому что они заобыкли ничего россиянам не дозволять, но паче обыкли заключать из прежних с нами поступков, что Россия находится в слабом состоянии, чего ради якобы с нею во всем спорить могут, — в сем случае можно утвердить кораблеплавание и силою. На сей конец должно вооружить два корабля в Нерчинске, кои

бы плаванием по реке Амуру в Камчатку учинили первый опыт. Сии корабли отправляться могут, например, в мае месяце из Нерчинска, и как они пойдут вниз по воде, то не должно опасаться, чтоб неприятельские нападения вредить им могли. Но на возвратном следующего лета пути уповательно будет не без препятствия. Однако на все отважиться должно, чтоб вперить китайцам почтение к России. В случае же чрезмерного сопротивления можно и воротиться; и тогда как опять ход будет по воде, тем удобнее неприятелей избежать будет можно.

Хотя сие дело решено будет еще до возвратного отъезда посланника из Пекина, однакож остерегаться должно, чтоб на недозволение китайцев ответствовать не с угрозами. Китайцы воспримут от того предосторожность, чтоб лежащую по реке Амуру страну больше населить и заложить там больше крепостей. Сверх того, к такому намерению требуется время и многие приготовления. Но, несмотря на то, можно без упущения времени зачинать кораблестроение. Будет ли на то китайцев соизволение или нет, но с российской стороны на всякий случай все будет готово.

О публ.: Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882. С. 400—402.

№ 5

Замечания по случаю намереваемого отправления в Пекин (в 1803 г.) посольства из России

(Извлечение)

7) Трактовать теперь о границах не видится ни выгоды, ни удобства; чего ради и должен министр в случае вызова со стороны китайской отклонять всякие их о том предложения, отговариваясь неимением никаких по сему предмету наставлений и полномочия.

8) Не мешает, однако, без усилия и дружески возобновить ходатайство здешнее 1756 года, учиненное сенатским листом и чрез канцелярии советника Братищева, о позволении судам нашим свободно проходить по реке Амуру с хлебом и другими припасами для гарнизонов и обывателей российских берегов подданных, в крепостях и острогах по северо-восточным берегам находящихся. Пекинский трибунал, ответствуя на лист сенатский, отказал в сем

требовании для того, что в трактате о сем не упомянуто и что при таком проезде от непотребных людей легко повредиться может мирное согласие. Главною же причиною не были ль угрозы, с нашей стороны употребленные? К вящему убеждению и успокоению осторожных и подозрительных китайцев можно обещать, что таковых судов отправляться будет не более двух, что суда сии будут купеческие с нужным только для управления их небольшим числом людей. В случае же какого-либо заключаемому о том договору нарушения могут китайцы дозволенный ныне пропуск затрептить.

О п у б л.: Из бумаг графа Ю. А. Головкина: Документы о посольстве гр. Головкина в Китай. Спб., 1904. С. 29—31.

№ 6

Копия с инструкции, данной чрезвычайному и полномочному послу графу Юрию Александровичу Головкину в С.-Петербурге июля 6-го дня 1805 года

(Извлечение)

Господин действительный тайный советник граф Головкин!

Желая распространить сколько можно более торговлю наших подданных, дабы доставить им сугубые способы к благосостоянию и изобилию, Мы открыли ей многие новые пути внутри государства и вне оного и доставили разные льготы и преимущества; торг с китайцами обращает ныне к себе наше внимание. В настоящем стесненном положении он доставляет уже нашим подданным нарочитые выгоды, но может сделаться наобильнейшим источником промышленности, изобилия и богатства, если будет устроен на прочном основании и если пределы его будут расширены. Для сего признали Мы полезным отправить вас в Пекин в качестве чрезвычайного и полномочного посла и снабдить вас следующим предписанием.

Китайское правительство предварено уже о посольстве, к ним назначаемом, и на принятие оного изъявило свое согласие, но недоверчивость китайцев и удаленность от всего, что имеет вид новости, были поводом, что, сообщая им о том, постановлен им был в виду один только предмет сему отправлению, и именно тот, чтоб поздравить богдыхана со вступлением на престол его прародителей и известить о восшествии на престол нашем. Вот пред-

лог посольства в Китай, Нами назначаемого, но от благоразумия вашего и тех сведений, кои там вы получите, зависеть будет изыскание средств к наилучшему окончанию возлагаемых на вас поручений.

Отдаленность Китайской империи, совершенно иной образ производства дел, другие нравы и неизвестность, в коей мы находимся, о нуждах того края, о склонностях и расположении управляющих, соделывают почти невозможным определить здесь предварительно образ поведения, которому вам должно будет следовать. Товарищ министра иностранных дел тайный советник князь Чарторыйский сообщит вам все сведения, какие касательно сношений наших с Китаем и до торговли с государством сим в разных департаментах имеются; из оных вы с большею удобностию почерпнуть можете некоторые правила в руководство ваше, здесь же будут начертаны токмо главнейшие статьи, кои по соображению кажутся должествующими служить предметом стараний ваших в Пекине.

3-е

Камчатка и Северо-Американские селения наши, представляющие толь обильные источники богатств, терпят величайшую нужду в жизненных и других вещах, для них необходимых, потому что доставление оных, в рассуждении существующих ныне путей, сопряжено с большими издержками и крайне затруднительно; места сии остаются ненаселенными, и подданные Наши лишаются возможности умножить там число мореходных судов своих, не могут усилить торговлю нашу с Япониею и с самым Китаем чрез Кантон; одна река Амур, начинающая свое течение близ пределов наших и впадающая в Охотское море напротив самой Камчатки, Нам кажется способною водворить там изобилие; для сего на пути вашем в Пекин и в самом сем городе употребите ваше старание разведать обстоятельно, могут ли по оной реке проходить суда в Охотское море, и какие именно, мореходные или токмо плоскодонные, и буде узнаете положительно, что сия река судоходная, то обратите к сему предмету все ваше внимание и потщитесь всеми средствами убедить китайское правительство, чтобы оное позволило проходить по реке Амуру ежегодно хотя несколькими судами нашим. Нужно однако же приметить вам, что ежели оною рекою могут проходить только суда мелкие или плоскодонные, которые в море пускаться не могут, то в таком случае ваше домогательство должно будет иметь в виду еще другой предмет: устроить на устье реки Амура место для складки товаров наших, где бы суда, приходящие из Камчатки и из Северо-Американских селений наших, брали бы груз свой для доставления куда следует.

Известно, что китайцы имеют обыкновенне затрудняться во

всем том, что им кажется для иностранцев выгодным, и потому если они, склоняясь на таковое предложение, пожелали бы, чтобы число судов наших, коим позволят ходить по Амуру, было очень ограничено и чтоб они не торговали во время плавания у берегов той реки и у самого устья оной, или стали б требовать, чтобы на тех судах не было оружия, то в сем случае отнюдь не отрекайтесь от принятия условий их. Впрочем, каким образом представить такое предложение наше, буде вопреки пользы оного ничего не откроете, и какие внушения употребить для склонения к оному министров китайских, предоставляется в полной мере благоразумию и искусству вашему.

8-е

Из сведений, сообщенных вам от товарища министра иностранных дел, вы усмотрите, что границы империи Нашей с Китайскою подвержены спорам, и потому, если бы китайское министерство предложило вам учинить новое разграничение, то отзовитесь, что на сие вы не уполномочены, но что, впрочем, зная правила, каковыми Мы руководствуемся, и твердое желание пребыть в мире и в тесной дружбе и союзе с китайским правительством, и будучи притом уверены в охотливости Нашей делать угодное его богдыханову величеству при всяких случаях, вы не сомневаетесь, что Мы подадимся на новое разграничение, если и китайское правительство снисхождением своим на домогательства ваши покажет взаимную охотливость сделать и Нам приятное. Таковое отклонение разграничения до другого удобнейшего времени необходимо при нынешних смутных обстоятельствах в Европе, которые, воспрещая нам отделить к китайской границе хотя небольшой корпус войск, разграничение легко может быть учинено к крайнему вреду интересов наших, и мы найдемся в положении или прервать связи с Китайскою империею, толико для наших поданных выгодные, или утвердить границы с ущербом владений наших учиненные, каковых не преминут китайцы домогаться, видя слабость военных сил наших в том крае.

Пребываем к вам благосклонны.

На подлинном подписано:

Александр.
Контросигнировал кн. *Адам Чарторьский.*

О п у б л.: Из бумаг графа Ю. А. Головкина: Документы о посольстве гр. Головкина в Китай. Спб., 1904. С. 11—22.

1858 г., мая 16. — Айгунский договор

Великого Российского государства главноначальствующий над всеми губерниями Восточной Сибири, его императорского величества государя императора Александра Николаевича генерал-адъютант, генерал-лейтенант Николай Муравьев и великого Дайцинского государства генерал-адъютант, придворный вельможа, амурский главнокомандующий князь И Шань, по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев постановили:

1

Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья р. Амура, да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению, до р. Усури, владением Дайцинского государства; от реки Усури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств. По рекам Амуру, Сунгари и Усури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно. Находящихся по левому берегу р. Амура от р. Зеи на юг, до деревни Хормолдзинь, маньчжурских жителей оставить вечно на прежних местах их жительства, под ведением маньчжурского правительства, с тем, чтобы русские жители обид и притеснений им не делали.

2

Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Усури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств.

3

Что уполномоченный Российского государства генерал-губернатор Муравьев и уполномоченный Дайцинского государства амурский главнокомандующий И Шань, по общему согласию, постановили — да будет исполняемо в точности и ненарушимо на вечные времена; для чего Российского государства генерал-губернатор Муравьев,

написавши на русском и маньчжурском языках, передал Дайцинского государства главнокомандующему И Шань, а Дайцинского государства главнокомандующий И Шань, написавши на маньчжурском и монгольском языках, передал Российского государства генерал-губернатору Муравьеву. Все здесь написанное опубликовать во известие пограничным людям двух государств. Город Айгунь, мая 16 дня, 1858 года.

Всемиловнейшего государя моего императора и самодержца всея России генерал-адъютант, генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант и разных орденов кавалер *Николай Муравьев*.

Службы его императорского величества, государя и самодержца всея России, по Министерству иностранных дел статский советник *Петр Перовский*.

Состоящий при генерал-губернаторе Восточной Сибири переводчик губернский секретарь *Яков Шишмарев*.

Амурский главнокомандующий *И Шань*.
Командир фланга *Джирмайнга*.
Ротный командир *Айшинтай*.

О п у б л.: Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. М., 1958. С. 29—30.

№ 8

1858 г., июня 1. — Тяньцзиньский трактат

(Извлечение)

Его величество император и самодержец всероссийский и его величество богдохан Дайцинской империи, признавая необходимым определить вновь взаимные отношения между Китаем и Россиею и утвердить новые постановления для пользы обоих государств, назначили для сего полномочными: его величество император всероссийский, императорского комиссара в Китае, начальствующего морскими силами в Восточном океане, своего генерал-адъютанта, вице-адмирала, графа Евфимия Путятина; а его величество богдохан дайцинский — своего государства восточного отделения дасиоши (государственный муж), главноуправляющего делами Уголовной палаты, высокого сановника Гуй Ляна и своего государства председателя Инспекторской палаты, дивизионного начальника тяжелого войска, голубого знамени с каймою, высокого сановника Хуа Шан-а.

Означенные полномочные, на основании данной им власти от своих правительств, согласились и постановили следующие статьи:

Статья 1-я

Настоящим трактатом подтверждаются мир и дружба, с давних времен существовавшие между его величеством императором всероссийским и его величеством богдоханом дайцинским и их подданными.

Личная безопасность и неприкосновенность собственности русских, живущих в Китае, и китайцев, находящихся в России, будут всегда состоять под покровительством и защитою правительств обеих империй.

Статья 9-я

Неопределенные части границ между Китаем и Россиею будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату. По назначении границ сделаны будут подробное описание и карты смежных пространств, которые и послужат обоим правительствам на будущее время бесспорными документами о границах.

Статья 12-я

Все права и преимущества политические, торговые и другого рода, какие впоследствии могут приобрести государства, наиболее благоприятствуемые китайским правительством, распространяются в то же время и на Россию, без дальнейших с ее стороны по сим предметам переговоров.

Трактат сей утверждается ныне же его величеством богдоханом дайцинским и, по утверждении оногo, его величеством императором всероссийским; обмен ратификаций последует в Пекине чрез год или ранее, если обстоятельства позволят. Теперь же размениваются копии трактата на русском, маньчжурском и китайском языках за подписью и печатями полномочных обоих государств, и маньчжурский текст будет принимаем за основание при толковании смысла всех статей.

Все постановления сего трактата будут храниться на будущие времена обеими договаривающимися сторонами верно и ненарушимо.

Заключен и подписан в городе Тяньцзине, в лето от рождества

Христова тысяча восемьсот пятьдесят восьмое, июня в 1(13) день, царствования же государя императора Александра II в четвертый год.

Граф *Евфимий Путятин.*

Гуй Лян.

Хуа Шан-а.

О п у б л.: Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. М., 1958. С. 30—34.

№ 9

1860 г., ноября 2. — Пекинский дополнительный договор

(Извлечение)

По внимательном рассмотрении и обсуждении существующих между Россиею и Китаем договоров, его величество император и самодержец всероссийский и его величество богдохан дайцинский, для вящего скрепления взаимной дружбы между двумя империями, для развития торговых сношений и предупреждения недоразумений, положили составить несколько добавочных статей и для сей цели назначили уполномоченными:

Российского государства свиты его императорского величества генерал-майора и разных орденов кавалера, Николая Игнатьева;

Дайцинского государства князя первой степени, принца Гун, по имени И-син.

Означенные уполномоченные по предъявлении своих полномочий, найденных достаточными, постановили нижеследующее:

Статья 1-я

В подтверждение и пояснение первой статьи договора, заключенного в городе Айгуне, 1858 года, мая 16-го дня (Сянь-фэн VIII года, IV луны, 21-го числа), и во исполнение девятой статьи договора, заключенного в том же году, июня 1-го дня (V луны, 3-го числа), в городе Тяньцзине, определяется: с сих пор восточная граница между двумя государствами, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдет вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней реки с рекою Усури. Земли, лежащие по левому берегу (на север) реки Амура, принадлежат Российскому

государству, а земли, лежащие на правом берегу (на юг), до устья реки Усури, принадлежат Китайскому государству. Далее, от устья реки Усури до озера Хинкай, границная линия идет по рекам Усури и Сун'гача. Земли, лежащие по восточному (правому) берегу сих рек, принадлежат Российскому государству, а по западному (левому) — Китайскому государству. Затем границная между двумя государствами линия от истока реки Сун'гача пересекает озеро Хинкай и идет к реке Бэлэнхэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекою Хуньчунь и морем, до реки Тумыньцзян. Здесь также земли, лежащие на восток, принадлежат Российскому государству, а на запад — Китайскому. Границная линия опирается в реку Тумыньцзян на двадцать китайских верст (ли) выше впадения ее в море.

Сверх сего, во исполнение девятой же статьи Тяньцзиньского договора, утверждается составленная карта, на коей границная линия, для большей ясности, обозначена красною чертою и направление ее показано буквами русского алфавита: А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. З. И. К. Л. М. Н. О. П. Р. С. Т. У.

Карта сия подписывается уполномоченными обоих государств и скрепляется их печатями.

Если бы в вышеозначенных местах оказались поселения китайских подданных, то русское правительство обязуется оставить их на тех же местах и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами.

После постановления пограничных знаков, границная линия навеки не должна быть изменяема.

Статья 2-я

Границная черта на западе, доселе неопределенная, отныне должна проходить, следуя направлению гор, течению больших рек и линии ныне существующих китайских пикетов, от последнего маяка, называемого Шабин-дабага, поставленного в 1728 году (Юн-чжэн VI года), по заключении Кяхтинского договора, — на юго-запад до озера Цзай-сан, а оттуда до гор, проходящих южнее озера Иссык-Куль и называемых Тэнгэри-шань или Киргизныи Алатау, иначе Тяньшаньнаньлу (южные отроги Небесных гор), и по сим горам до Коканских владений.

Статья 3-я

Отныне все пограничные вопросы, могущие возникнуть впоследствии, должны решаться на основании изложенного в первой и второй статьях сего договора; для постановки же пограничных

знаков на востоке — от озера Хинкай до реки Тумыньцзян, а на западе — от маяка Шабин-дабага до Коканских владений, российское и китайское правительства назначают доверенных лиц (комиссаров). Для обозрения восточной границы, съезд комиссаров назначается на устье реки Усури, в течение апреля месяца будущего года (Сянь-фэн XI года в третьей луне). Для обзора же западной границы комиссары съезжаются в Тарбагатае, но время для их съезда теперь не определяется.

На основании того, что постановлено в первой и второй статьях сего договора, командированные доверенные сановники (комиссары) составляют карты и подробные описания граничной линии в четырех экземплярах — два на русском и два на китайском или маньчжурском языках. Карты и описания сии утверждаются подписями и печатями комиссаров; затем два экземпляра оных — один на русском, другой на китайском или маньчжурском языках, вручается русскому, а два таковых же экземпляра — китайскому правительству, для хранения.

По случаю вручения карт и описания граничной линии составляется протокол, который утверждается подписями и печатями комиссаров и будет считаться дополнительной статьею сего договора.

Статья 4-я

На протяжении всей граничной линии, определенной первою статьею сего договора, дозволяется свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих государств. Местные пограничные начальники должны оказывать особое покровительство этой торговле и людям, ею занимающимся.

С сим вместе подтверждается постановленное касательно торговли во второй статье Айгунского договора.

Статья 15-я

Утвердив таким образом все вышесказанное, по взаимному соглашению, уполномоченный Российского и Китайского государств подписали собственноручно и скрепили своими печатями два экземпляра русского текста договора и два экземпляра перевода оного на китайский язык и затем передали друг другу по одному экземпляру того и другого.

Статьи сего договора возымеют законную силу со дня размена их уполномоченными того и другого государства, как бы включенные слово в слово в Тяньцзиньский договор, и должны быть исполняемы на вечные времена свято и ненарушимо.

По утверждении императорами обоих государств, договор сей объявляется в каждом государстве к сведению и руководству тем, кому о том ведать надлежит.

Заключен и подписан в столичном городе Пекине, в лето от р[ождества] х[ристов]а тысяча восемьсот шестидесятое, ноября во второй — четырнадцатый день, царствования же государя императора Александра Второго в шестой год; а Сянь-фэн десятого года, десятой луны во второе число.

Николай Игнатьев.

Гун.

О публ.: Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. М., 1958. С. 34—40.

№ 10

1861 г., июня 16. — Дополнительная статья к Пекинскому договору

Июня 16 дня 1861 г. полномочные комиссары Российского государства: военный губернатор Приморской области свиты его императорского величества контр-адмирал и разных орденов кавалер Петр Козакевич и обер-квартирмейстер войск Восточной Сибири Генерального штаба полковник и кавалер Константин Будагоский и Дайцинского государства: главный директор хлебных магазинов по фамилии Чэн Ци и главнокомандующий Гиринской областью по фамилии Цзин, собрались на устье Беленхе (по-русски Тур) для подписания и размена карт и подробных описаний граничной линии, составленных согласно 1-й и 3-й статьям Пекинского дополнительного договора.

После окончательной проверки всех экземпляров карт и описаний, они были найдены совершенно согласны между собою. Затем комиссары Российского и Дайцинского государств подписали и приложили печати к двум картам граничной линии на русском и маньчжурском языках, которые составляют приложение к Пекинскому договору и равным образом к четырем картам и описаниям границы от Усури до моря; из них два на русском и два на китайском языках.

Потом первый комиссар Российского государства передал в руки первого комиссара Дайцинского государства подробную карту границы в одном экземпляре, на русском и маньчжурском языках, а первый комиссар Дайцинского государства, приняв карту, передал в свою очередь российскому комиссару такую же

карту на тех же языках. Таким же образом обменены и другие четыре карты с описаниями границ от Усури до моря.

По окончании размена полномочные комиссары подписали настоящий Протокол в двух экземплярах и приложили к оному печати. Протокол этот будет составлять дополнительную статью к Пекинскому договору и вместе со следующими к оной приложениями, а именно: подробно картою и описанием границы, должен быть наблюдаем на вечные времена ненарушимо, как бы включенный слово в слово в самый договор.

Военный губернатор Приморской области,
свиты его императорского величества
контр-адмирал *Петр Козакевич*.

Обер-квартирмейстер войск Восточной Сибири Генерального
штаба полковник *Константин Будагоский*.

О п у б л.: Русско-китайские отношения.
1689—1916: Официальные документы. М., 1958. С. 41—42.

II. Цинские документы

№ 11

Стратегические планы усмирения русских
(Пиндин лоча фанлюэ). День бин-цзы двенадцатой луны
(13 января 1690 г.) — Посланы чиновники для
установления пограничного столба в местах
реки Горбицы

(Извлечение)

Нэй-дачэнь Соэту и другие достигли Нерчинска и вели переговоры с прибывшим из Русского государства послом Федором Алексеевичем (Головиным). Русский посол вначале заявлял, что земли Нерчинска и Албазина освоены (русскими) и упорно отстаивал их. Соэту и другие подробно, с начала до конца, растолковали, что Нерчинск стоит на реке Онон и является бывшим местом кочевий всех аймаков Маоминъань, подчиненных Цинской империи; Албазин же является прежним поселением нашего подданного Аэрбаси и других и доказали, что позднее эти места были воровским образом захвачены русскими. И поэтому, прямо объявив русским о несправедливости их вторжения, вновь говорили о великом милосердии императора ко всему живущему. Тогда Федор (Головин) и другие люди Русского государства все с радостью объявили о своем согласии. Вслед за этим они принесли

свои географические карты, решили вопрос о границах, и мы сообща принесли взаимную клятву быть на вечные времена в мире и дружбе.

Когда донесение Созту и других было получено, император приказал всем советникам, бэйлэ и сановникам собраться и обсудить его.

Государственный совет доложил: «Русские тайно от нас более 30 лет занимали Албазин и тревожили наших звероловов. Вы, ваше величество, считая, что они поступают так из-за своей темноты и невежества, не решались двинуть войска для истребления их, а поставили войско гарнизоном в Хэйлуңцзяне, ожидая, что они поймут свою вину. Поскольку же они упорствовали, ваше величество приказали взять штурмом Албазин, захваченных же пленных — всех освободить.

Однако очень скоро русские снова вернулись в Албазин, отстроили его и поселились там. Тогда войску вновь было приказано осадить город. Русские оказались в крайне бедственном положении, и как раз в это время их государь прислал посла с просьбой о мире.

Вы, ваше величество, сразу же согласились снять осаду и отдали сановникам распоряжение объяснить русским принципы справедливости. Только тогда люди Русского государства осознали великие милости вашего величества и стали склоняться к (нашей) цивилизации и целиком (согласились) выполнять достигнутую ранее договоренность. Наши сановники указали (им), где должна быть установлена граница. Таким образом, земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав ваших владений».

О п у б л.: Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М., 1972. Т. 2. С. 686.

№ 12*

1757 г., апреля 13. — Русские просят о свободном проходе по реке Амуру

Император указал министрам в Великом совете: «Пришли люди с российских почтовых станций в Лифаньюань с официальным письмом от российского Сената, чтобы доложить, что обитатели их северо-восточных границ страдают от голода, и что сей-

* Документы № 12—15 переведены с английского автором.

час строятся корабли для транспортировки зерна, которые должны продвигаться по нашим восточным путям в районе Нилчу (Нерчинск), рекой Ингода (Ангара), Эркунь (Аргунь) и рекой Хэйлуцзян (Амур), и умоляют нас: «Пожалуйста, не запрещайте нашим судам проходить по вашей территории».

В подлиннике договора из 11-ти пунктов, который мы заключили с русскими, нет статьи, разрешающей одной стране отправлять людей через территорию другой страны с целью транспортировки разнообразных товаров. Мы уже приказали Юаню написать письмо с выговором русским. Однако варвары не понимают должных церемоний. С тех пор как они уже вручили письмо Лифаньюаню, они могут вообразить, что им не нужно ожидать ответа, и могут отправиться и потребовать от людей наших почтовых станций пропустить их. Это может произойти всегда.

Генерал Чолето должен приказать офицерам почтовых станций отвечать русским:

«Хотя ваш Сенат переписывается с нашим Лифаньюанем, пока что мы не получили приказа пропустить вас через нашу территорию. Как можем мы позволить вам войти на нашу территорию на основании лишь односторонней просьбы? Если мы заявим, что связались с вашим Сенатом и попытаемся пересечь вашу территорию самовольно, разве вы поверите нам?»

Наши офицеры должны обратить особое внимание на охрану наших каруней и не должны допускать прохода русских через нашу территорию. В случае, если они не подчинятся нашему приказу остановиться и, полагаясь на свою силу, будут продвигаться, тогда офицеры со станций должны доложить Чолето. Сразу после получения такого доклада он обязан послать нужное количество солдат и схватить их. Затем с ними следует поступить по закону, как с нарушителями границы.

Вы должны отправить письмо к Чолето, чтобы он знал об этом эдикте».

О п у б л.: Fu Lo-shu. The Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. Tucson, 1966. Vol. 1. P. 206.

№ 13

1758 г., декабря 12. — Китайские солдаты могут пересекать русскую границу, когда преследуют явных разбойников

Император указал: «Согласно донесению генерала Чолето и других офицеров, 30 российских наймаров разбойничали и воровали лошадей и верблюдов у кочевых солонских и баргутских пле-

мен. Регулярная армия преследовала их до реки Оэркуна; затем, поскольку разбойники пересекли реку и вошли на русскую территорию, наша армия немедленно удалась. В связи с этим они сейчас просят нас приказать Лифаньюаню известить российский Сенат и рассмотреть дело. Мы одобряем их просьбу.

Конечно, мы и Россия всегда имели статью в нашем договоре, гласящую, что никто не может нарушать границу; так что, если разбойники убегут настолько далеко, что не будет видно их следов и теней, мы должны вспомнить данную статью договора, отступить от разбойников и прекратить преследование. Однако если мы будем видеть разбойников, когда они перейдут на русскую территорию, то мы должны последовать за ними и схватить их. Этим мы сбережем время, затрачиваемое на посылку письма в Россию и получение ответа. Кроме того, это заставит разбойников бояться нас.

Мы повелеваем вам передать приказ Чолето и другим действовать так: когда они преследуют разбойников, им нужно оценить все обстоятельства и действовать согласно ситуации».

О п у б л.: Fu Lo-shu. The Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. Tucson, 1966. Vol. I. P. 213—214.

№ 14

1765 г., октября 4. — Китай осматривает
Амурские границы

(Извлечение)

Генерал Хэйлуңцзяна Фусенго и другие офицеры донесли: «Согласно рапорту помощника генерал-лейтенанта Гуэрци, который был послан исследовать верховья реки Ко-эр-пи-чи, расстояние от реки Хэйлуңцзян до устья реки Ко-эр-пи-чи водою равно 1691 ли. От устья указанной реки он прошел по суше к горам Син-ань 247 ли. Он совершенно не обнаружил следов людей в этих районах. Полковник Налинпу, который был послан исследовать истоки Чин-ци-ли, заявил, что из реки Хэйлуңцзян он вошел в реку Чин-ци-ли, затем продвинулся на север до самого устья То-ко, пройдя водою 1587 ли. Затем от устья То-ко, он прошел 240 ли по суше к горам Син-ань. Эти районы были ужасно холодными, без воды, травы, зверей и птиц. Полковник Вэйпао, который был послан отыскать истоки Си-ли-му-ти, заявил, что из реки Хэйлуңцзян он поднялся по Чин-ци-ли к устью реки Си-ли-му-ти, к реке Ин-кень, пройдя водою 1305 ли. От устья реки Ин-кень он

прошел 180 ли по суше к горам Син-ань. Этот район был тоже ужасно холодным, без воды, травы, зверя или птицы. Полковник Атимупао, который был послан исследовать реку Ниу-мань, заявил, что из реки Хэйлуңцзян он вошел в реку Ниу-мань, затем в Си-ли-му-ти, к устью реки Ну-мо-ле, водой прошел 1 615 ли. От устья реки он прошел сушей 456 ли к горам Син-ань. Нигде не имеется признаков, что русские тайно перешли границу.

Однако мы не исследовали эти районы с 29 года Кан-Си (1690), когда мы установили наши границы с русскими и осмотрели истоки разных рек. Поэтому предлагается, чтобы в будущем было приказано инспектору охотничьих земель отправлять ежегодно экспедицию под руководством одного адъютанта и одного лейтенанта, которые возглавят солдат и, сопровождаемые охотниками на соболей, отправятся водой к устью То-ко, Ин-кень, затем к О-ле-пу и Си-ли-му-ти. Экспедиция должна доложить о результатах обследования генерал-инспектору, который, в свою очередь, доложит генералу Хэйлуңцзяна. Кроме того, каждые три года, после того, как лед растает, генерал-инспектор должен посылать экспедицию под руководством помощника генерал-инспектора, капитана и лейтенанта патрулировать водным путем истоки рек и горы Син-ань. Когда экспедиция вернется, она также обязана донести генерал-инспектору. Аналогичным образом офицеры и солдаты города Хэйлуңцзян должны ежегодно патрулировать устье Ко-эр-пи-чи, и каждые три года также истоки реки и горы Син-ань. В конце года они обязаны доложить об исследованиях в Военную палату и в Лифаньюань.

Он получил эдикт: «Мы одобряем ваши предложения».

О п у б л.: Fu Lo-shu. The Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. Tucson, 1966. Vol. 1. P. 243—244.

№ 15

1806 г., февраля 21. — Русское посольство отвергнуто

Министры в Великом совете информировали исполняющего обязанности вице-короля Чжили Цю Синчэня: «Мы получили указ его величества:

«Поскольку Россия прежде объявила, что должно прибыть посольство и представить дань, Мы приказали Цю Синчэню приготовить гостиницы, слуг, лошадей; в районах, через которые оно должно проследовать, назначить чиновников для заботы о нем.

Сейчас, согласно донесению Юньдун Дорджи и других, Мы знаем, что посол игнорировал наш церемониал, поэтому он не был принят и был отослан домой. Он должен вернуться прямо в свою страну из Куруня в этом году. Ввиду этого, офицеры и солдаты, которых Мы послали из Чжили как эскорт, теперь должны быть возвращены, и все разного рода планы относительно их размещения и передвижения аннулируются».

О п у б л.: Fu Lo-shu. The Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. Tucson, 1966. Vol. 1. P. 367.

Библиография

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА*

1. Маркс К. Вопрос о турецкой войне. — Газета «New-York Tribune» в палате общин. — Управление Индией//Т. 9.
2. Маркс К. Революция в Китае и в Европе//Т. 9.
3. Маркс К. Русская торговля с Китаем//Т. 12.
4. Маркс К. Договор между Китаем и Британией//Т. 12.
5. Маркс К. Новая китайская война//Т. 13.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология//Т. 3.
7. Энгельс Ф. Успехи России на Дальнем Востоке//Т. 12.
8. Энгельс Ф. Персия и Китай//Т. 12.
9. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма//Т. 22.
10. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?//Т. 1.
11. Ленин В. И. Статистика и социология//Т. 30.
12. Ленин В. И. О государстве//Т. 39.

ДОКУМЕНТЫ КПСС И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

13. Заявление правительства СССР от 29 марта 1969 г.//Правда. 1969. 30 марта.
14. Заявление правительства СССР от 13 июня 1969 г.//Правда. 1969. 14 июня.
15. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
16. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.

ИСТОЧНИКИ

17. Акты исторические. Т. 4—5. Спб., 1842.
18. Акты касательно китайского посольства в России в 1731 г. (три церемониала)//Русский вестник. 1841. № 11—12.
19. Аппробованный доклад Коллегии иностранных дел по поводу отношений к Китаю//Сборник имп. Русского исторического общества. 1887. № 57.
20. Архив Государственного Совета. Т. 1, ч. 2. Спб., 1869.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

21. Архивные материалы на русском языке из бывшего Пекинского императорского дворца: Письма, полученные из России в годы царствований Кан-Си и Цянь-Лун. Бэйпин, 1936.
22. Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв. М., 1964.
23. Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 1—2. М., 1891.
24. Венюков М. И. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. Спб., 1868.
25. Венюков М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.
26. Владиславич (Рагузинский) С. Л. Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства//Русский вестник. 1842. № 3.
27. Владиславич (Рагузинский) С. Л. Граф Владиславич о Китае в XVIII веке//Русский архив. 1900. № 8.
28. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1: 1801—1815. Т. 1—8. М., 1960—1972. Серия 2: 1815—1830. Т. 9(1)—10(2). М., 1974—1976.
29. Г. С. [Спасский Г.]. Исторические и статистические записки о местах, лежащих при реке Амуре//Сибирский вестник. 1824. № 1—3.
30. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки//Чтения имп. Русского географического общества. 1891. № 3.
31. Документы о политике России на Дальнем Востоке в начале XIX в.//Исторический архив. 1962. № 6.
32. Дополнения к Актам историческим. Т. 3, 7, 9—12. Спб., 1848—1872.
33. Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай: (1692—1695). М., 1967.
34. Из бумаг графа Ю. А. Головкина: (Документы о посольстве гр. Головкина в Китай). Спб., 1904.
35. Из истории русско-китайских отношений: (1695—1720)//Исторический архив. 1957. № 3.
36. К истории Российско-Американской компании: Сборник документальных материалов. Красноярск, 1957.
37. Кафаров П. И. [Палладий]. Переписка начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия с генерал-губернатором Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевым//Русский архив. 1914. Кн. 2—3, № 5—12.
- 37а. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977.
38. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

39. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М., 1950.
40. Ланг Л. Поденная записка пребывания г. Лоренца Ланга, агента е. в. ва имп. российского при китайском дворе//Северный архив. 1822. Кн. 3, № 17—20.
41. Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 годах. М., 1947.
42. Маак Р. Путешествие на Амур. Спб., 1859.
43. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
44. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Спб., 1861.
45. Мещерский А., Тагаров З. Новые историко-географические материалы об Амуре//Известия Всесоюзного географического общества. 1957. Т. 89, № 4.
46. Миллер Г. Ф. Рассуждение о посольстве в Китай//Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.
47. Миллер Г. Ф. Рассуждение о предприятии войны с китайцами//Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.
48. Мичи А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. Спб., 1868.
49. Назначение первой Беринговой экспедиции//Записки Гидрографического департамента. 1851. № 9.
50. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. Хабаровск, 1969.
51. О побеге из г. Нерчинска в китайский город Ангун каторжника Шульгина и о возвращении его китайцами//Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1905. № 4.
52. Описание лежащих на р. Амуре областей//Новые ежемесячные сочинения. 1796. Ч. 65—71.
53. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на Северо-Востоке Азии: Сборник документов. М., 1951.
54. Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым, о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. Спб., 1895.
55. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб., 1897.
56. Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1—2. Спб., 1882—1885.
57. Перевод с двух китайских листов (О перебежчиках)//Чте-

- ния в Обществе истории и древностей российских. 1868. № 4.
58. Перри Дж. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
 59. Пестель П. И. Русская Правда//Восстание декабристов: Документы. Т. 7. М., 1958.
 60. Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.): Документы и материалы. М., 1962.
 61. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 3—26. Спб., 1830.
 62. Река Удь по описи мичмана Шхельтинга 1741//Записки Гидрографического департамента. 1843. № 6.
 63. Рудаков А. В. Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции: (1644—1902). Т. 1. Перевод «Цзилинь тун-чжи» с дополнениями по новейшим китайским официальным данным. Владивосток, 1903.
 64. Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979.
 65. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов. М.; Л., 1952.
 66. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке: Сборник документов. М., 1948.
 67. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках: Сборник материалов. М.; Л., 1944.
 68. Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. М., 1958.
 69. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1608—1683. М., 1969.
 70. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686—1691. М., 1972.
 71. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1700—1725. М., 1978.
 72. Сарычев Г. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при географической и астрономической экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. Ч. 1—2. Спб., 1802.
 73. Секретное наставление (при посылке в Китай) гвардии капитану господину Кропотову//Архив князя Воронцова. Кн. 7. М., 1875.
 74. Сенатский архив. Т. 9—11. Спб., 1901—1904.
 75. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828.
 76. Собрание инструкций, данных в разное время командирам русских судов при отправлении в дальнее плавание. Спб., 1853.
 77. Сп а ф а р и й Н. Г. Описание первые части Вселенная,

- именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910.
78. Спафарий (Милеску) Н. Сибирь и Китай. Кншиппев. 1960.
 79. Указ нашему полковнику Ив. Кропотову о прекращении пограничных споров с Китаем//Андреевич В. К. Исторический очерк Сибири. Т. 4. Спб., 1887.
 80. Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара. Ч. 1—2. Спб., 1816—1818.
 81. Экспедиция Беринга: Сборник документов. М., 1941.
 82. Якобий И. В. Начертания к двойственному умножению польз//Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1858. № 4.
 83. Cochrane J. D. Narrative of a Pedestrian Journey. L., 1824.
 84. Collins P. M. D. Siberian Journey: Down the Amur to the Pacific (1856—1857). Madison, 1962.
 85. Сохе W. The Russian Discoveries between Asia and America. Ann Arbor, 1966.
 86. Dobell P. Travels in Kamchatka and Siberia, with a Narrative of a Residence in China. L., 1830. Vol. 1—2.
 87. Erman A. Travels in Siberia. Philadelphia, 1850.
 88. Fu Lo-shu. The Documentary Chronicle of Sino-Western Relations. 1644—1820. Tucson, 1966. Vol. 1—2.
 89. Hill S. S. Travels in Siberia. L., 1854. Vol. 2.
 90. James H. E. M. The Long White Mountain, or Journey in Manchuria. L., 1888.
 91. Ledyard J. John Ledyard's Journey through Russia and Siberia. 1787—1788. The Journal and Selected Letters. Madison, 1966.
 92. Sebes J. The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689): The Diary of Thomas Pereira. Roma, 1961.

ЛИТЕРАТУРА

93. Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.//Исторические записки. 1957. № 59.
94. Александров В. А. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.)//История СССР. 1968. № 2.
95. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд. Хабаровск, 1984.
96. Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1976.
97. Алексеев А. И. Русские географические исследования на

- Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX—начало XX в.). М., 1976.
- 97а. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М., 1982.
 98. Амур и Уссурийский край: (Как русские завладели новым краем). Б. м., 1885.
 99. Амур — река подвигов. Хабаровск, 1971.
 100. Андреев А. И. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII века)// Труды Историко-архивного института. 1946. № 2.
 101. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1—2. М.; Л., 1960—1965.
 102. Андреев М. Из истории сношений России с Китаем. XVII—XX вв.//Северная Азия. 1925. № 5—6.
 103. Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. Т. 3. Томск, 1887; Т. 4. Спб., 1887.
 104. Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882.
 105. Бартенев Ю. П. Герои Албазина и Даурской земли// Русский архив. 1899. № 2.
 106. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
 107. Баскин С. И. Путешествие Евреинова и Лужина в Курильский архипелаг (1719—1722)//Известия Всесоюзного географического общества. 1952. № 4.
 108. Баснин В. Н. О посольстве в Китай графа Головкина// Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 4.
 109. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925.
 110. Берг Л. С. Открытия русских в Тихом океане//Избранные труды. Т. 1. М., 1956.
 111. Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М., 1962.
 112. Берх В. Н. Путешествие Шестакова и Павлуцкого//Сын отечества. 1819. № 20.
 113. Берх В. Н. Путешествие поручика Адама Лаксмана в Японию//Северный архив. 1822. № 1—3.
 114. Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения задачи — соединяется ли Азия с Америкой. Спб., 1823.
 115. Бескровный Л. Г., Нарочницкий А. Л. К истории внешней политики России на Дальнем Востоке в XIX веке// Вопросы истории. 1974. № 6.
 116. Бескровный Л., Тихвинский С., Хвостов В.

- К истории формирования русско-китайской границы//Международная жизнь. 1972. № 6.
117. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Китай в гражданском и нравственном состоянии. Ч. 2. Спб., 1848.
 118. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи. Ч. 2. Пекин, 1910.
 119. Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. Ч. 1. М., 1947.
 120. Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения (1945—1980). М., 1980.
 121. Буксгевден А. Русский Китай: Очерки дипломатических отношений России с Китаем. 1. Пекинский договор 1860 г. Порт-Артур, 1902.
 122. Бунаков Е. В. Из истории русско-китайских отношений в первой половине XIX в.//Советское востоковедение. 1956. № 2.
 123. Буссе Ф. Ф. Подчинение Амура России//Живописная Россия. Т. 12, ч. 2. М.; Спб., 1894.
 124. Вагин В. И. Посольство графа Головкина в Китай в 1805 г.//Известия Сибирского отдела имп. Русского географического общества. 1872. Ч. 3, № 3—4.
 125. Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Беринга. М.; Л., 1940.
 126. Васильев В. П. Записки о Нингуте//Записки имп. Русского географического общества. 1857. № 12.
 127. Вахтин В. Русские труженики моря: Первая морская экспедиция Беринга. Спб., 1890.
 128. Вилков О. Н. К истории Якутска и Охотска в XVIII в.//Города Сибири. Новосибирск, 1974.
 129. Внешняя политика государства Цин в XVII веке. М., 1977.
 130. Военский К. Русское посольство в Японию в начале XIX века: (Посольство Резанова в Японию в 1803—1805 гг.)//Русская старина. 1895. № 7—10.
 131. Восточная Сибирь: Записка о командировке на остров Сахалин капитана-лейтенанта Подушкина//Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 2.
 132. Вяткин Р. В. Историческая наука КНР на современном этапе//Вопросы истории. 1979. № 2.
 133. Геденштром М. Отрывки о Сибири. Спб., 1830.
 134. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII—XIX вв. М., 1940.
 135. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946.
 136. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов (1692—1780). М., 1966.

137. Гонсови ч Е. В. История Амурского края. Благовещенск, 1914.
138. Города Сибири: (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.
139. Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
140. Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. Спб., 1894.
141. Гуревич Б. П. Политика России в опиумном вопросе в период англо-китайской войны 1839—1842 гг.//Краткие сообщения Института народов Азии. 1963. № 56.
142. Гуревич Б. П. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России//История СССР. 1973. № 2.
143. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М., 1979.
144. Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.
145. Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.
146. Доброловский И. А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин, 1906.
147. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.//Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. 1960. Т. 55.
148. Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
149. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971.
150. Жданов Л. Г. Движение России на Дальний Восток. Спб., 1913.
151. Замечания о китайско-русской границе, собранные Юлием Клапротом во время путешествия по оной в 1806 году//Северный архив. 1823. № 6, 9—12.
152. Зарецкая С. И. Внешняя политика Китая в 1856—1860 годах: Отношения с Англией и Францией. М., 1976.
153. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
154. Знаменский С. В. В поисках Японии. Благовещенск, 1929.
155. Золотарев А. М. Из истории народов Амура//Исторический журнал. 1937. № 7.
156. Избрант Идес//Сын отечества. 1822. № 11.
157. Историческая наука в КНР. М., 1971.
158. История дипломатии. 2-е изд. Т. 1—2. М., 1959—1963.

159. История реки Амура, составленная из обнаруженных источников. Спб., 1885.
160. История Монгольской Народной Республики. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1967.
161. История открытия и исследования советской Азии. М., 1969.
162. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л., 1968.
163. История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 3. М., 1967.
164. Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.
165. Клименко Б. М., Ушаков Н. А. Нерушимость границ — условие международного мира. М., 1975.
166. Клименко Н. П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М., 1976.
167. Копылов А. Н., Мясников В. С. [Рец. на:] Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г.//История СССР. 1959. № 4.
168. Краткая история СССР. Ч. 1. Л., 1972.
169. Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. [Харьков], 1929.
170. Кюнер Н. В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. 2-е изд. Владивосток, 1914.
171. Лагус В. Эрик Лаксман: Его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Спб., 1890.
172. Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 гг.). М., 1957.
173. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические исследования с древних времен до 1917 г. М., 1971.
174. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию//Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952.
175. Лю Данянь. О Канси//Историческая наука в КНР. М., 1971.
176. Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967.
177. Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. Спб., 1891.
178. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.
179. [Мартенс Ф. Ф.] Россия и Китай. Спб., 1881.
180. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973.

181. Мелихов Г. В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в.//Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
182. Мелихов Г. В. Ян Бинь и его труд «Любянь цзилюе»// Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: История. Экономика. М., 1967.
183. Мелихов Г. В. «Да Цин личао шилу» как исторический источник//Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: Вопросы истории и экономики. М., 1969.
184. Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.
185. Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральную Азию в XVII—XVIII веках//Вопросы истории. 1974. № 7.
186. Мелихов Г. В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40—80-е годы XVII в.)//Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.
187. Мелихов Г. В. Как готовилась агрессия феодальных правителей цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в.//Документы опровергают: Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982.
188. Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 1—2. Спб., 1860—1878.
189. Миллер Г. Ф. Изъяснения сумнительств, находящихся при постановлении границ между Российским и Китайским государствами 7197 (1689) года//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. № 4.
190. [Миллер Г. Ф.] История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением// Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. № 7—10.
191. Мясников В. С. Русские архивные источники о завоевании Китая маньчжурами (1618—1690 гг.)//Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
192. Мясников В. С. Становление связей Русского государства с Китаем//Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1608—1683. М., 1969.
193. Мясников В. С. Вторжение маньчжуров в Приамурье и Нерчинский договор 1689 г.//Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2. 1686—1691. М., 1972.
194. Мясников В. С. Дипломатические отношения России с Цинской империей в первой четверти XVIII в.//Русско-китай-

- ские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1700—1725. М., 1978.
195. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
 196. Мясников В. С., Шепелева Н. В. Империя Цин и Россия в XVII—начале XX в.//Китай и соседи в новое и новейшее время. М., 1982.
 197. Назаров Г. И. Военно-статистический очерк Амурской области. Ч. 1. Спб., 1888.
 198. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956.
 199. Новаковский С. И. Япония и Россия. Ч. 1. Токио, 1918.
 200. Новая история Китая. М., 1972.
 201. Новиков-Даурский Г. С. Историко-археологические очерки. Благовещенск, 1961.
 202. О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию//Сибирский вестник. 1820. № 12.
 203. Оглоблин Н. Н. Нерчинский заговор о побеге на Амур и острова Восточного океана//Русская старина. 1896. Т. 88, кн. 10.
 204. Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в.//Труды государственного Дальневосточного университета. Сер. 3. 1927. № 4.
 205. Окунь С. Б. Российско-Американская компания. М.; Л., 1939.
 206. Описание Маньчжурии. Т. 1. Спб., 1897.
 207. Орлов Д. И. Амурские ороны//Вестник имп. Русского географического общества. 1858. № 21.
 208. Очерки истории Китая: (С древности до «опиумных» войн)/ Под ред. Шан Юэ. М., 1959.
 209. Очерки новой истории Японии (1640—1917). М., 1958.
 210. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири//Записки имп. Русского географического общества. 1906. № 31.
 211. Позднеев Д. Материалы из истории Северной Японии и ее отношения к матерiku Азии и России. Иокохама, 1909.
 212. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.
 213. Полонский А. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 гг.//Записки Ученого комитета Морского штаба ее имп. в-ва. 1840. № 15.
 214. Предприятие императрицы Екатерины II для плавания кругом света//Записки Ученого комитета Морского штаба ее имп. в-ва. 1840. № 15.

215. Путята Д. В. Китай. Спб., 1895.
216. Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М., 1959.
217. Романов Д. Присоединение Амура к России//Русское слово. 1859. № 4.
218. Рябов Н. И., Штейн М. Г. Очерки истории русского Дальнего Востока. XVII—начало XX века. Хабаровск, 1958.
219. Саввин В. П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. 1619—1927. М.; Л., 1930.
220. Садовников Д. Наши землепроходцы. М., 1905.
221. Сгибнев А. С. Большой Камчатский наряд: (Экспедиция Ельчина)//Морской сборник. 1868. № 12.
222. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке//Морской сборник. 1869. № 5.
223. Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1853 г.//Морской сборник. 1869. № 11.
224. Сгибнев А. С. Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в XVIII и начале XIX столетия//Морской сборник. 1869. № 1.
225. Сгибнев А. С. Экспедиция Шестакова//Морской сборник. 1869. № 2.
226. Сгибнев А. С. Байкал и его судоходство//Морской сборник. 1870. № 5.
227. Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. Спб., 1817.
228. Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана: (Командорские, Карагинские, Шантарские). Л., 1938.
229. Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947.
230. Сергеев М. А. Оборона Петропавловска-на-Камчатке (1854—1855 гг.). М., 1954.
231. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947.
232. Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане. Спб., 1883.
233. Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960.
234. Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957.
235. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
236. Сладковский М. И. Отношения между Россией и Китаем в середине XIX века//Новая и новейшая история. 1975. № 3.
237. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Т. 1—2. М., 1838—1844.
238. Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX—начало XX в.). М., 1975.
239. Соколов А. Приготовление кругосветной экспедиции 1787

- года под начальством Муловского//Записки Гидрографического департамента. 1848. № 6.
240. Соколов А. Северная экспедиция 1733—43 года//Записки Гидрографического департамента. 1851. № 9.
 241. Сычевский Г. А. Историческая записка о китайской границе. М., 1875.
 242. Тимченко-Рубан Г. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края//Военный сборник. 1909. № 8—12.
 243. Тихвинский С. Л. История Китая и современность. М., 1976.
 244. Тихменев П. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1—2. Спб., 1861—1863.
 245. Троицкий С. М. Записка сенатора Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.)//Историческая география России (XVII—начало XX в.). М., 1975.
 246. Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882.
 247. Файнберг Э. Я. Экспедиция Лаксмана в Японию (1792—1793)//Труды Московского института востоковедения. 1947. № 5.
 248. Файнберг Э. Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960.
 249. Харнский К. А. Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск; Владивосток, 1927.
 250. Хвостов В. М. Китайский «счет по реестру» и правда истории//Международная жизнь. 1964. № 10.
 251. Хохлов А. Н. Военная помощь России Китаю в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в.//Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии: (История и экономика). М., 1967.
 252. Хохлов А. Н. Миссия И. И. Кропотова в Китай в 1768 г.//7-я научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады/ИВАН СССР. М., 1976.
 253. Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978.
 254. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958.
 255. Шперк Ф. Россия Дальнего Востока//Записки имп. Русского географического общества. 1885. № 14.
 256. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Т. 1—3. Спб., 1883—1885.
 257. Шумахер П. В. К истории приобретения Амура: Наши сношения с Китаем (1848—1860)//Русский архив. 1878. № 11.

258. Шумахер П. В. Оборона Камчатки и Восточной Сибири против англо-французов в 1854 и 1855 годах//Русский архив. 1878. № 8.
259. Шумахер П. В. Наши сношения с Китаем (1567—1805): Исторический очерк//Русский архив. 1879. № 2.
260. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.
261. Экспедиция Муловского//Русский инвалид. 1829. № 3, 5.
262. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. М., 1958.
263. B addeley J. F. Russia, Mongolia, China. L., 1881—1882. Vol. 1—2.
264. Bates L. W. The Russian Road to China. Boston, 1910.
265. Boulger D. History of China. L., 1881—1882, Vol. 1—2.
266. Cahen G. Some Early Russo-Chinese Relations/Transl. and Ed. by W. Sheldon Ridge. Shanghai, 1914.
267. Ch'eng T'ien-Fong. A History of Sino-Russian Relations. Washington, 1957.
268. Chen V. Sino-Russian Relations in the Seventeenth Century. Hague, 1966.
269. Clubb O. E. China and Russia: The great game. N. Y., 1971.
270. Clyde P. H. International Rivalries in Manchuria. 1689—1922. Columbia, 1928.
271. Dallin D. J. The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949.
272. Davidson-Houston J. V. Russia and China, from Huns to Mao Tse-tung. L., 1960.
273. Dawson R. Imperial China. L., 1972.
274. Doolin D. J. Territorial claims in Sino-Soviet conflict: Documents and analyses. Stanford, 1965.
275. Douglas Jackson W. A. The Russo-Chinese Borderlands: Zone of Peaceful Contacts or Potential Conflict? Princeton, 1962.
276. Douglas R. K. China. N. Y., 1899.
277. Douglas R. K. Europe and the Far East. 1506—1912. Cambridge, 1913.
278. Eberhard W. A. A History of China. Berkeley; Los-Angeles, 1960.
279. Fisher R. H. Russian fur Trade. 1550—1700. Berkeley; Los-Angeles, 1943.
280. Foust C. M. Moscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its Setting. 1727—1805. Chapel Hill, 1969.
281. Frank V. S. The Territorial Terms of Sino-Russian Treaty of Nerchinsk, 1689//Pacific Historical Review. 1947. N 16.
282. Giles H. A. China and Manchus. Cambridge, 1912.

283. Golder F. A. Russian Expansion on the Pacific. 1641—1850. Cleveland, 1914.
284. Goodrich L. C. (ed.). A Short History of Chinese People. L., 1969.
285. Gundry R. S. China and her Neighbours. L., 1893.
286. Harrison J. A. The Chinese Empire: A Short History of China from Neolithic Times to the end of the 18-th century. N. Y., 1972.
287. Hummel A. W. (ed.). Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644—1912). Wash., 1943—1944. Vol. 1—2.
288. Ken Shen Weigh. Russo-Chinese Diplomacy (1689—1924) Bangor, Main, 1967.
289. Korff S. A. Russia in the Far East. Wash., 1921.
290. Krausse A. Russia in Asia: A record and a study. 1558—1899. N. Y., 1899.
291. Latourette K. S. The History of Early Relations between the United States and China (1784—1844). N. Y., 1964.
292. Lee R. H. G. The Manchurian Frontier in Ch'ing History. Cambridge (Mass.), 1970.
293. Lensen G. A. The Russian Push toward Japan. Princeton, 1959.
294. Leong S. T. Chinese Scholarship on Sino-Russian Relations: A Bibliographical Essay//Papers on Far Eastern history. Canberra. 1976. N 14.
295. Li Ung Bing. Outlines of the Chinese History. Shanghai, 1914.
296. Lobanov-Rostovsky A. Russia and Asia. N. Y., 1933.
297. Mac-Aleavy H. The Modern History of China. L., 1967.
298. Macgowan J. A History of China. Shanghai, 1897.
299. Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge (Mass.), 1971.
300. Pavlovsky M. N. Chinese-Russian Relations. N. Y., 1949.
301. Pritchard E. H. The Crucial Years of Early Anglo-Chinese Relations. 1750—1800. N. Y., 1970.
302. Quested R. K. J. The Expansion of Russia in East Asia. 1857—1860. Kuala-Lumpur; Syngapore, 1968.
303. Rambaud A. N. The Expansion of Russia: Problems of the East and Problems of the Far East. N. Y., 1904.
304. Ravenstein E. G. The Russians on the Amur, its Discovery, Conquest and Colonisation. L., 1861.
305. Rossabi M. China and Inner Asia, from 1368 to the Present Day. L., 1975.
306. Salisbury H. E. War between Russia and China. N. Y., 1969.
307. Stary G. I primi rapporti tra Russia e Cina: Documenti e testimonianze. Napoli, 1976.

308. Tai Sung An. The Sino-Soviet Territorial Dispute. Philadelphia, 1973.
309. Weale P. B. L. Manchu and Muscovite. L.; N. Y., 1904.
310. Wright G. F. Asiatic Russia. N. Y., 1902.
311. Wu A. K. China and the Soviet Union: A Study of Sino-Soviet Relations. N. Y., 1950.
312. Yakhontoff V. A. The Russian Empire and the Soviet Union on the Far East. N. Y., 1935.

Указатель имен

- Аблай-тайша 43
Адамс М. 214
Айжиндай 261
Алака Батур-хан *см.* Фулинь
Албаза 39
Александр I 200—202, 209, 212, 213, 220
Александр II 253, 254, 278
Александров В. А. 18
Алексей Михайлович 33, 40, 53
Амосов А. 66
Амурсана 163, 165, 166
Анабара С. 106—107
Анна Иоанновна 130, 131
Андри-кан 41
Антипин Ф. 110
Апраксин Ф. М. 137
Арни 81
Аршинский Д. Д. 51, 52
Астор Д. 219
Атласов В. 105
Ахреянин М. 76
Ахте Н. Х. 13, 248
Аюка 113, 114, 129
Аюка Дархан 96
- Байгашин А. 78**
Байков Ф. И. 41—43
Бантыш-Каменский Н. Н. 14
Баньдарша 83
Баранов А. А. 192, 198, 221
Барсуков И. П. 15
Баскаков Д. 124
Басов Е. 154
Бахай 25
Бахрушин С. В. 16
Безбородко А. А. 181
Бейтон А. 62, 67, 70, 75—77, 85, 87
Бекетов П. 34
- Беклемишев 131
Беклемишев Ф. А. 259
Бем М. 178
Березин 244, 246
Беринг В. 138, 141—143, 145, 147, 149—151, 154
Берх В. Н. 12
Биллингс 181, 183, 185, 186, 192
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 92
Богдой 38, 39, 43
Бошняк Н. К. 243, 246, 247
Братищев В. Ф. 161—163, 174, 204, 282
- Броутон У. Р. 191, 206, 208, 237
Брюньер, де ла 234
Брюс Я. В. 109
Будогосский К. Ф. 261, 269, 270
Бунаков Е. В. 17
Бурук *см.* Солдатов Д.
Буссе Н. В. 248, 256
Бутков 259
Бухгольц И. Д. 121, 122
Бушков П. 74—76
Бушухту-хан *см.* Галдан Бошокту-хан
Быков И. 106
Бэдли Дж. Ф. 24, 25
Бютцов Е. К. 261
- Вальтон В. 151
Василий 90
Васильев Г. 223, 226
Венцель К. К. 224
Венюков М. И. 258, 267, 269
Венюков Н. 72—75, 80
Вербист 55

Вешняков С. 48
Вил П. Б. Л. 24
Вильбоа 172, 173
Витворт Ч. 190
Владиславич С. Л. (Рагузинский) 8, 112, 122—129, 135, 146, 150, 281, 282
Владыкин А. М. 159
Власов И. Е. 60, 62, 65—67, 70, 76—78, 85, 97
Власов П. 122
Воейков Ф. Д. 57—58
Вологда А. 78
Воронцов А. Р. 181
Врангель Ф. П. 231, 238
Ву А. К. 26, 32
Вэй Юань 28

Габун 188
Гаврилов А. М. 231, 232, 237
Галгарин М. П. 106, 109, 114
Галдан Бошокту-хан (Бушухту-хан) 95—97, 112
Гаммель А. В. 25
Гантимур (Гайтимур) 50—52, 54, 55, 82
Гаррис 219
Гвоздев М. 139, 144
Геденштром М. 12, 227, 228
Глазунов И. И. 121, 129
Гмелин И. Г. 144, 146
Голиков И. 183, 184, 187, 195, 216
Голицын А. М. 172
Голицын В. В. 81
Головин П. 35
Головин Ф. А. 23, 29, 72, 76, 77, 79—83, 85, 87, 88, 95, 98
Головкин Ю. А. 9, 15, 203, 204, 209—215, 217—219, 282
Горчаков А. М. 239, 269
Горянстов Т. 140
Греков В. И. 146
Гро Ж. 276

Грум-Гржимайло Г. Е. 13
Гуйгудар 39
Гуйлян 275
Гун 276
Гуревич Б. П. 20
Гэн Шэнвэй 26

Даллин Д. Дж. 26
Дархан 95
Дашков 219
Девьер А. М. 155
Денбей (Дэмбэй) 105
Джеймс Х. 23, 24
Дзираминга *см.* Чжираминга
Добелл П. 220
Д'Овре Ф. Ф. 214, 215
Дондук 167
Думан Л. И. 19

Евреинов И. Б. 119
Евсеев Л. 48
Екатерина I 122
Екатерина II 178, 180, 181, 184, 190
Елизавета Петровна 161
Ельчин Я. А. 110, 111
Енисеец И. 59
Ефимов А. В. 136, 137

Жербийон Ф. 93
Жолобов А. И. 131
Жуй Чан 276

Завойко В. С. 252
Зиновьев Д. И. 40, 41, 43
Знаменский С. 106

Иакинф *см.* Бичурин Н. Я.
Иванов А. 161
Игнатъев Н. П. 270, 272, 274—276

Идес И. (Избрант Е.) 99—
102, 117, 281
Избрант Е. *см.* Идес И.
Измайлов Л. В. 115—119
Инь Чжэн (девиз годов прав-
ления Юнчжэн) 129
Истопников Ф. 114, 118
И Шань 261, 272

Кабанов П. И. 17, 18, 21
Казакевич П. В. 236, 273, 274
Кан Си *см.* Сюань Е.
Канкрин Е. Ф. 230
Канси *см.* Сюань Е
Каэн Г. 24
Квестид Р. К. 26, 32
Кибирев Г. 95
Кирилов И. К. 132, 133, 142,
144
Кишты 97
Козьмин П. Т. 226, 227
Козыревский И. 107, 108
Кокс 186
Коллинз П. М. Д. 22, 23, 258
Кольчев С. 122
Кондратьев А. 62, 65
Константин 249
Коровин С. 81
Коукс В. 22
Краузе А. 23
Крисниц Н. П. 119
Кропотов И. И. 170, 174, 175
Крузенштерн И. Ф. (Ни Цзань-
ши) 199, 200, 202, 206—210,
222, 223, 229, 230, 232, 237,
238
Кудряшов 223, 226
Кук Дж. 178, 179, 192, 194
Куруц Б. Г. 16, 118

Лаба Ю. 57
Лавинский А. С. 225—227
Лазарев 237

Лаксман А. 188, 190, 201
Лаксман Э. 188
Ламб 179
Ламберт 212
Ламберт Я. О. 221
Ланг Л. 117—123, 132, 133, 281
Лантань 57, 58, 63, 64, 83, 90
Лаперуз Ж. Ф. 183, 191, 206,
208, 237, 238
Ледьярд Дж. 22, 183
Ленин В. И. 32, 33, 134
Ли Р. Г. Дж. 26, 27
Лин Куй 276
Лисянский Ю. Ф. (Лу Чынь-
дун) 202, 210
Логинов И. 82
Лодыженский М. С. 44
Ломоносов М. В. 171
Лоншаков Г. И. 70, 91, 97
Лоншаков Ф. 105
Лоншаков Я. 105
Лоужанджап 163, 166
Лужин Ф. 119
Лу Чыньдун *см.* Лисян-
ский Ю. Ф.
Лю Данянь 31
Лю Цзежун 29

Мак-Аливи Г. 208
Макартней Дж. 190
Максимовых С. 110
Мала 81
Мара Н. 104
Маркс К. 18, 33, 196, 216, 260

Мази 81
Мелихов Г. В. 19, 21
Меншиков А. С. 236
Миддендорф А. Ф. 13, 232, 233
Мидоуз Т. 260
Милеску *см.* Спафарий Н. Г.
Миллер Г. Ф. 11, 12, 92, 144,
145, 154, 172, 173
Милованов И. 51

Миних Б. X. 172
Мин-лян 189, 190
Монготу 52
Мордвинов Н. С. 197, 199
Москвитин И. Ю. 34, 35, 37
Мошков 140
Муловский Г. И. 181, 182
Муравьев Н. Е. 171
Муравьев-Амурский Н. Н. 13—
15, 26, 235—237, 239, 242, 245,
247—255, 257, 258, 263, 268—
274, 282
Мыльников Г. С. 59
Мыльников Н. 195
Мэнколл М. 26, 28
Мясников В. С. 20, 21
Мятлев В. А. 156—160

Нагель Л. 195
Наполеон Бонапарт 215
Нарочницкий А. Л. 17, 18
Нартов А. К. 136, 137
Невельской Г. И. 13, 236—238,
240—242, 244—248, 251, 252
Неводчиков М. 154
Немцов Ф. 178
Неплюев И. И. 172
Нессельроде К. В. 222, 238,
239, 242, 245
Николай I 230, 232, 242, 249
Николаев И. С. 103, 104
Ни Цзаньши *см.* Крузен-
штерн И. Ф.

Обухов Л. 47
Оксенко *см.* Федоров А.
Окунь С. Б. 184
Олондай 121
Олсуфьев А. В. 172
Орлов Д. И. 243
Остин 234—236

Павел I 195, 197

Павлуцкий Д. И. 138, 139, 141
Панин Н. И. 172
Пашков А. Ф. 41
Перовский Л. А. 235, 238
Перовский П. Н. 261, 268—270
Перри М. К. 246
Пестель И. Б. 220
Пестель П. И. 223
Петр I 81, 108, 116, 119, 121,
136, 137, 141
Петр II 129, 130
Пешков В. 104
Пиль И. А. 187, 188, 190—192
Питкен 241
Позвейн 241
Попов 244
Поярков В. Д. 35—38, 47
Путятин Е. В. 229, 230, 251,
260, 261, 265—267
Пын Мин 30
Пэнчунь 57

Равенштейн Е. Г. 23, 25, 32
Рагузинский *см.* Владисла-
вич С. Л.
Разградский Г. Д. 246
Разгильдяев 226
Редовский И. И. 214
Резанов Н. П. 9, 15, 200—202,
204—206
Рингольд 246
Родофиникин К. К. 225, 227,
228
Романов Д. 13
Рудаков А. В. 10
Румянцев Н. П. 199—202, 213,
219
Руперт В. Я. 232

Сабсу 25, 61, 68, 72, 75, 83
Саввин В. П. 16
Савостьянов В. 107
Салтыков П. С. 113

Салтыков Ф. С. 108, 109
Сарычев Г. А. 12, 181, 183, 185,
186, 192, 197, 198
Сахновский Е. 161
Свистунов И. 124, 281
Сгибнев А. С. 12
Селенко 104
Семенов И. 58
Семивский Н. 222
Сенявин Л. Г. 238
Септын 167
Сергудай *см.* Шархуда
Сигизмунд 162
Ситников Г. 62
Скобельцын П. 123, 124, 145—
149
Скорняков-Писарев Г. 143
Скрипицын Ф. И. 96, 97
Скурихин И. 140, 141
Сладковский М. И. 17
Соймонов Ф. И. 157—160
Соколов А. 12
Соколов К. 110
Солдатов Д. (Бурук) 148
Сонготу 29, 81, 83, 97, 98
Софья 81
Спасский Г. 12, 13
Спафарий Н. Г. (Милеску) 53—
56, 71, 105
Степанов О. 41, 43—47
Сюань Е. (девиз годов прав-
ления Канси, Кан Си) 30, 31,
51, 52, 56, 58, 59, 61, 65, 66,
68, 71, 75, 76, 88, 97, 98, 100,
114, 116, 119, 174

Тамерлан *см.* Тимур
Татаринов И. 106, 111
Тебеньков М. Д. 231
Телицын Я. 66
Тельной Ф. 62
Тимур (Тамерлан) 120
Тимченко-Рубан Г. 15, 16
Толбузин А. Л. 60, 62—67, 70

Толстой И. М. 257
Толу 114
Траурнихт Д. А. 106
Трескин Н. И. 218
Трусевич Х. 14
Тулишень 114
Тун Гоган 81, 83
Тэгуту 121

Уваровский 226
Уладзай 180
Уонцыся 67
Уорд Д. 275

Фаворов И. 72—75, 80
Фаресбах *см.* Францбе-
ков Д. А.
Федоров А. (Оксенко) 68, 69
Федоров И. 139, 144
Фефилов С. 120, 121
Фомин 185, 186, 193, 195, 197
Фоуст К. М. 26, 27
Францбеков Д. А. (Фаренсбах)
38
Фугун 162, 170
Фу Линь (Алака-Батур-хан,
Шамшакан, девиз годов прав-
ления Шуньчжи) 39, 40, 56
Фу Лошу 10, 164
Фунтосов Д. 60

Хабаров Е. П. 26, 37—41, 43,
47
Харитонов С. 111
Харнский К. 16
Хилл С. 22, 234
Хмелев П. 91, 94
Худяков П. 104, 113
Хун Ли (девиз годов правле-
ния Цяньлун) 163, 165—168,
189
Хэ Ханьвэнь 29
Хэ Цютао 28, 29

Цзиэрмэнъя 66
Цзян Тинфу 30
Цзянцин *см.* Юн Янь
Церен-Дондок 130
Цэван-Рабдан 114
Цэцэн-хан 54
Цяньлун *см.* Хун Ли

Чаган-хан 99, 102
Чаплин М. 76
Чаплин П. 138
Чарторыйский А. А. 213
Чебаевский А. 154
Чевкин 259
Чекалов 140
Чень В. 26
Чепелев И. 113
Черкасский А. М. 120
Черниговский Н. 48, 52
Чернышев А. И. 238, 239
Чернышев И. Г. 172
Чечигин Т. Е. 39
Чжираминга (Дзираминга) 261
Чингисхан 32
Чириков А. И. 138, 141, 152,
153, 182
Чихачев Н. М. 243, 244
Чолето 167
Чурукаев 140

Шамшакан *см.* Фулинь
Шанахай 104
Шан Юэ 31
Шаралдай 51
Шарапов И. 74—76
Шарин 161
Шархуда (Сергудай) 45
Шелихов Г. И. 180, 183, 184,
186, 187, 191—193, 195, 215

Шельтинг А. Е. 150, 151, 185
Шемелин Ф. И. 12, 204, 207,
209
Шепелева Н. В. 21
Шерын 163, 166
Шестаков А. Ф. 138—141
Шестаков В. А. 141
Шестаков И. 140
Шетиллов В. 124, 145—149, 281
Шишкин М. Ю. 104
Шишмарев Я. П. 261
Шпанберг (Шпанберх) М. П.
138, 141, 150, 151
Шперк Ф. 13
Шренк Л. И. 13
Шувалов П. И. 156
Шульгин М. 160
Шульгин П. Я. 48, 49
Шумахер П. В. 13
Шуньчжи *см.* Фу Линь

Щербатов К. О. 59

Элгин Д. 274, 276
Энгельс Ф. 196

Юматов А. 162
Юн Янь (девиз годов правле-
ния Цзянцин) 202
Юнчжэн *см.* Инь Чжэн

Якоби В. В. 159
Якоби И. В. 161, 180, 183, 194,
195
Яковлев К. А. 52
Яковлева П. Т. 17
Яхонтов В. А. 25
Яшин М. 59

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ГЛАВА 1. Русско-цинские отношения на начальном этапе	34
Исследование и освоение русскими людьми Приамурья	34
Начало цинской агрессии на Амуре	51
Героическая оборона Албазина	66
Нерчинский договор 1689 г.	79
ГЛАВА 2. Роль Приамурья в отношениях России и цинского Китая в конце XVII — первой трети XVIII в.	90
Приамурье в последнем десятилетии XVII в.	90
Русские исследования на Дальнем Востоке в конце XVII — начале XVIII в.	105
Посольство С. Л. Владиславича и влияние его на позицию России в амурском вопросе	112
ГЛАВА 3. Обострение амурского вопроса во второй трети XVIII в.	136
Возрастание интереса русского правительства к вопросу об Амуре в связи с активизацией политики России на Дальнем Востоке	136
Попытка России изменить ситуацию в Приамурье на основе компромисса	154
Ухудшение русско-китайских отношений и состояние амурского вопроса	165
ГЛАВА 4. Новое обострение амурского вопроса в конце XVIII — начале XIX в. в связи с колониальной экспансией западных держав на Дальнем Востоке	177

Провал усилий русского правительства укрепить дальневосточные рубежи империи без решения вопроса о Приамурье	177
Влияние торгово-промышленных кругов России на позицию русского правительства в вопросе об Амуре	197
Деятельность посольства Ю. А. Головкина, связанная с вопросом о Приамурье	212
ГЛАВА 5. Полное и окончательное решение вопроса о Приамурье в середине XIX в.	218
Отношение русского правительства к амурскому вопросу в первой четверти XIX в.	218
Завершение русских исследований Приамурья и Приморья во второй четверти XIX в.	224
Амурская экспедиция	237
Оборона русского Дальнего Востока в период Крымской войны 1853—1856 гг.	249
Переговоры о русско-китайском разграничении на Дальнем Востоке в 1855—1858 гг.	254
Завершение русско-китайского разграничения на Дальнем Востоке (1858—1860)	265
Заключение	280
Приложение	285
Библиография	310
Указатель имен	326

CONTENTS

Introduction		5
Chapter I.	1. Russian-Ch'ing Relations at Initial Stage	34
	Exploration and Development of the Amur Region by Russians	34
	Beginning of Ch'ing Aggression on the Amur	51
	Heroic Defence of Albazin	66
	Treaty of Nerchinsk of 1689	79
Chapter II.	II. Role of the Amur Region in Relations Between Russia and Ch'ing China at the End of 17th—First-Third of 18th c.c.	90
	The Amur Region in Closing Decade of 17th c.	90
	Russian Explorations in the Far East at the End of 17th—Beginning of 18th c.c.	105
	S. L. Vladislavich Delegation and Its Influence on Russia's Position towards the Amur Problem	112
	Chapter III.	III. Aggravation of the Amur Problem in the Second-Third of 18th c.
	Growing Interest of Russian Government in the Amur Problem as Result Expanding Activities of Russia in the Far East	136
	Russia's Attempt to Develop Situation in the Amur Region by Compromise	154
	Deterioration of Russian-Chinese Relations and State of Affairs on the Amur Problem	165
	Chapter IV.	IV. Further Aggravation of the Amur Problem at the End of 18th—Beginning of 19th c.c., as a Result of Colonial Expansion of Western Powers in the Far East
	Failure of Russian Government to Strengthen the Far Eastern Frontiers of Empire Without Solving the Amur Region Problem	177
	Influence of Russia's Commercial and Industrial Circles on Position of Russian Government on the Amur Problem	197

	Activities of Yu. A. Golovkin Delegation in Relation to the Amur Region Problem . . .	212
Chapter V.	Complete and Final Solution of the Amur Region Problem in the Middle of 19 th c. . . .	218
	Position of Russian Government towards the Amur Problem in the First Quarter of 19 th c.	218
	Completion of Russian Exploration of the Amur Region and Primorye in the Second Quarter of 19 th c.	224
	Amur Expedition	237
	Defence of Russian Far East During the Crimean War of 1853—1856	249
	Negotiations on Russian-Chinese Borders in the Far East in 1856—1858	254
	Completion of Russian-Chinese Demarcation in the Far East (1858—1860)	265
Conclusion		280
Appendix		285
Bibliography		310
Name Index		326

Евгений Леонидович Беспрозванных

**ПРИАМУРЬЕ В СИСТЕМЕ
РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
XVII — середина XIX в.**

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

Редактор В. Ф. Ковтун
Художник В. В. Носов
Художественный редактор А. Н. Посохов
Технический редактор Т. А. Костюченко
Корректор О. В. Корякина

ИБ № 1624

Сдано в набор 24.07.86. Подписано к печати 11.11.86. Формат 70x108¹
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высок.
Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 14,88. Уч.-изд. л 15,96. Тираж 15,000 экз.
Заказ 2687. Цена 1 р. 30 к. Хабаровское книжное издательство Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торго-
680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого учре-
ждения издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабар-
ул. Серышева, 31.

